33
В-11

БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ

БИБЛІОТЕКА САМООБРАЗОВАНІЯ

ОЧЕРКИ ЭКОНОМИЧЕСКАГО СТРОЯ РОССІИ

33
В-11

№ 8234
~~Ф 7369.~~
З. В.

Очерки экон. строя.

28/XII-

[illegible]

33
В-11

БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.

БИБЛІОТЕКА САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подъ редакціею профессоровъ: П. И. Броунова и В. А. Фаусека (книжки политическаго и общественнаго содержанія подъ редакціею проф. И. И. Иванюкова).

Библиотека ... Казань
Библиотека ... Казань
№ 19223
№ 8234
КНИГА ИЗ'ЯТА
Фундаментальное отделение Самарской Областной Библиотеки им. Н. В. Гоголя
40 коп
86

В. В.

ОЧЕРКИ ЭКОНОМИЧЕСКАГО СТРОЯ РОССІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
1906.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. СПБ. Прачешный пер., 6.

БИБЛІОТЕКА
СЕНТ-ПЕТЕРБУРГСКАГО
1875

ГЛАВА I.

Натуральное и денежное хозяйство.

Незадолго до освобожденія крестьянъ личныя и хозяйственныя потребности сельскаго населенія Россіи удовлетворялись, главнымъ образомъ, не путемъ пріобрѣтенія на рынкѣ нужныхъ предметовъ, а приготовленіемъ таковыхъ въ семьяхъ самихъ потребителей или трудомъ подчиненныхъ имъ лицъ. Говоря иначе, въ сельскомъ быту господствовало натуральное хозяйство. Вотъ какъ, напримѣръ, описывается помѣщичій бытъ того времени въ одной изъ центральныхъ (Рязанской) губерній.

Рабочія силы крѣпостного населенія дѣлились на двѣ части: на крестьянъ и дворовыхъ. Задачей крестьянъ было заготовить сырые матеріалы; дворня перерабатывала послѣдніе въ предметы, служащіе для потребленія барской семьи. Въ хозяйствѣ помѣщика изготовлялись не только жизненные припасы, имъ потребляемые, но и мебель, украшавшая его жилище, полотно для бѣлья, облекавшаго тѣла членовъ его семьи, экипажи (кромѣ кареты), земледѣльческія орудія, иногда свѣчи. Ткани для одежды барина и его семьи, иногда и кожи, покупались въ лавкахъ; но шилась одежда и обувь дома, и здѣсь же приготовлялись употребляемыя при этомъ нитки, кружева и другія украшенія. Пріобрѣтались на деньги, кромѣ тканей для одежды, соль, вина, пряности, чай, сахаръ, мыло, желѣзо и немногіе другіе предметы, и расходы по этимъ статьямъ были очень незначительны. Крестьяне расходовали, конечно, еще меньше денегъ, такъ какъ и одѣвались они въ ткани собственнаго приготовленія.

Натуральное хозяйство въ крестьянскомъ быту, особенно черноземныхъ губерній, пользовалось широкимъ распространеніемъ и въ первое время послѣ крестьянской реформы. О Черниговской, напримѣръ, губерніи 70-хъ годовъ изслѣдователь говоритъ, что каждая крестьянская семья старалась приготовить изъ собственнаго матеріала и собственнымъ трудомъ всѣ предметы, удовлетворяющіе нуждамъ ея членовъ. «При подобномъ строѣ жизни

знаніе всѣхъ ремеселъ входило въ курсъ практическаго образованія каждаго крестьянина: каждый изъ этой среды для себя понемногу и плотникъ, и столяръ, и печникъ, и сапожникъ, и портной, и шорникъ». Крестьянинъ и его семья сами приготовляли для себя льняныя, конопляныя и шерстяныя ткани, вили себѣ веревки, ткали рядна, мѣшки и мастерили незатѣйливую мебель для своихъ жилищъ. Кто занимается рыболовствомъ, тотъ самъ плететъ себѣ сѣти; ткачъ умѣетъ сдѣлать станокъ, челнокъ, веретено. Колеса, полозья отчасти дуги крестьянинъ покупалъ на рынкѣ, но налаживалъ телѣгу или сани самолично. Приготовлялъ всѣ эти вещи хозяинъ со своей семьей; но если для какой-либо операціи требовалось больше участниковъ, на помощь приходили сосѣди. «Надо крестьянину заплести плетень, построить сарай—къ нему идутъ на «помочи» сосѣди, рѣдко за деньги, обыкновенно за угощеніе, и работа живо кипитъ. Въ долгіе зимніе вечера бабы поочередно сходятся въ сосѣдскія избы на пряжу хозяйскаго льна или шерсти; эту недѣлю прядутъ у одной хозяйки, другую—у другой». Въ нѣкоторыхъ работахъ крестьянину нужна не только физическая помощь сосѣдей, но и руководительство въ работѣ со стороны болѣе опытнаго человѣка. Такая надобность возникаетъ, напримѣръ, въ случаѣ постройки хаты, при кладкѣ печи и т. п. «Тутъ хотя почти каждый самъ сумѣлъ бы помогать въ работѣ, но «заправлять» работой, быть архитекторомъ и мастеромъ, можетъ не всякій. На этотъ случай почти въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ селѣ есть плотникъ, печникъ, кровельщикъ и т. п. Онъ—такой же хозяинъ-земледѣлецъ и занимается своимъ ремесломъ только въ свободное время. Въ случаѣ нужды, къ нему обращаются крестьяне; и вотъ такой мастеръ, при помощи самого хозяина, его сосѣдей или его семьи, заправляетъ постройкой сруба, устройствомъ крыши, печи, столярной работой (окна, двери) и проч.». Не всѣ, однако, работы по приготовленію предметовъ своего потребленія въ состояніи выполнить простая крестьянская семья. Для нѣкоторыхъ работъ требуется или особое искусство, или дорого стоющее приспособленіе, которое не можетъ завести каждый. Не можетъ каждый крестьянинъ самъ выдѣлать свою кожу и овчину, сшить изъ нея сапоги, полушубокъ и т. п. Для выполненія подобныхъ работъ въ селахъ Черниговской губерніи находилось по нѣсколько скорняковъ, кожемяковъ, портныхъ, сапожниковъ и другихъ мастеровъ, работающихъ по заказу крестьянъ.

Натуральный характеръ хозяйственнаго быта и при такихъ заказахъ выражается въ томъ, что мастеръ перерабатываетъ матеріалъ, полученный въ собственномъ хозяйствѣ заказчика. Онъ шьетъ одежду изъ сукна, вытканнаго самою крестьянкой изъ домашней шерсти, шьетъ полушубокъ изъ овчинъ, полученныхъ въ хозяйствѣ заказчика, выдѣлываетъ кожу крестьянскаго теленка и т. д. Деревенскіе ремесленники въ Черниговской губ. помогали крестьянамъ въ переработкѣ домашняго сырья въ предметы, при-

годные для удовлетворенія потребностей крестьянской семьи. Они составляли, такимъ образомъ, какъ бы дополнительный придатокъ въ системѣ общественнаго быта, который именуется натуральнымъ.

Натуральное хозяйство не имѣло, однако, въ селахъ Черниговской губерніи исключительнаго распространенія. Крестьянину приходилось пріобрѣтать за деньги лѣсъ и желѣзо для разныхъ подѣлокъ, глиняную и стеклянную посуду, соль, деготь и другіе предметы; а средства для ихъ пріобрѣтенія онъ получалъ, продавая избытки зерна, овцу, теленка и другіе продукты своего хозяйства. Хозяйственный строй крестьянъ Черниговской губ. и другихъ мѣстностей, находившихся и нынѣ находящихся въ сходномъ положеніи, вѣрнѣе поэтому называть полунатуральнымъ, съ преобладаніемъ, однако, натуральнаго удовлетворенія потребностей семьи крестьянина надъ денежнымъ.

Существованіе въ мѣстностяхъ съ господствующимъ натуральнымъ хозяйствомъ спроса на такіе предметы, какъ глиняная посуда, рамы, бочки, ножи и т. п., вызываетъ къ жизни такъ называемые кустарные промыслы, т.-е. производство названныхъ предметовъ для продажи. Эти промыслы возникли частью изъ описанной выше промышленности, имѣющей въ виду удовлетвореніе потребностей семьи самого работающаго. Нѣкоторыя крестьянскія семьи, имѣя избытокъ шерсти или льна, выдѣлывали изъ нихъ сукно или холстъ не только для собственнаго потребленія, но и для продажи въ города, или тѣмъ, въ хозяйствѣ которыхъ получалось недостаточное количество названныхъ матеріаловъ. Достигнувъ значительнаго искусства въ этомъ дѣлѣ и обезпечивъ своимъ издѣліямъ болѣе или менѣе широкій сбытъ, онѣ начинали перерабатывать на продажу не только матеріалъ, получаемый въ собственномъ хозяйствѣ, но и пріобрѣтенный на рынкѣ. Выгоды отъ такого дѣла побуждали ихъ прекратить домашнюю выдѣлку разныхъ предметовъ собственнаго потребленія и сосредоточиться на производствѣ продажнаго издѣлія. А суммы, выручаемыя продажей своихъ издѣлій, онѣ употребляли на пріобрѣтеніе предметовъ потребленія. Другіе земледѣльцы, въ хозяйствѣ которыхъ получалось незначительное количество сырыхъ матеріаловъ, старались приспособиться къ производству требовавшихся мѣстными жителями предметовъ изъ покупного матеріала. Они арендовали залежи глины и начинали выдѣлывать горшки, чашки, кувшины; покупали лѣсъ и мастерили изъ него рамы, боченки, посуду; ковали мелкія желѣзныя издѣлія и т. д. Они посвящали этимъ промысламъ свободное отъ сельскихъ работъ зимнее время, а средства на пріобрѣтеніе сырыхъ матеріаловъ имъ доставляли продукты ихъ земледѣльческаго хозяйства, продаваемые на деньги. Первоначально такіе кустари работали для ближайшаго раіона, но если на мѣстѣ имѣлась очень хорошая глина, цѣнныя породы деревъ, много кожи, шерсти и т. п., то съ теченіемъ времени ихъ издѣлія получали болѣе широкое распространеніе и продавались далеко за предѣлами мѣстнаго района.

Кустарные промыслы имѣли нѣкоторое распространеніе и въ селеніяхъ Черниговской губерніи; но тамошніе гончары, сапожники, бондари работали только для мѣстныхъ ярмарокъ и базаровъ. Широкое распространеніе кустарные промыслы получили преимущественно въ центральныхъ нечерноземныхъ нашихъ губерніяхъ, гдѣ много лѣсовъ, много производится льна, гдѣ имѣются крупные центры сбыта, въ родѣ Москвы и Н.-Новгорода, удобные пути сообщенія для полученія привозныхъ матеріаловъ, и для отправленія въ отдаленные районы мѣстныхъ издѣлій.

По мѣрѣ того какъ крестьянская семья спеціализируется на производствѣ издѣлій для продажи, у нея сокращается время для того, чтобы самой ткать себѣ холстъ, сукно и т. п.; и она пріобрѣтаетъ предметы своего потребленія на рынкѣ. Натуральный путь удовлетворенія ея потребностей суживается, и ея хозяйство получаетъ болѣе и болѣе выраженный денежный характеръ. Когда же дѣло дойдетъ до того, что кустарь цѣлый годъ производитъ одни и тѣ же издѣлія на продажу—натуральный характеръ его быта исчезаетъ совершенно, и всѣ предметы своего потребленія, равно какъ и матеріалы и орудія производства, такой ремесленникъ долженъ пріобрѣтать на деньги. Въ подобномъ положеніи находится городской житель, особенно крупнаго города. Горожанинъ обыкновенно круглый годъ занимается однимъ дѣломъ. Онъ или служитъ, или мастеритъ по заказу другихъ, или приготовляетъ опредѣленныя издѣлія на продажу. Его доходы заключаются не въ хлѣбѣ или мясѣ, которые служили бы для его питанія, не въ шерсти или льнѣ, которые можно переработать въ предметы потребленія его семьи, а въ деньгахъ; и на эти деньги онъ пріобрѣтаетъ все, что ему нужно, чтобы жить.

Изъ сказаннаго видно, что способъ натуральнаго удовлетворенія семейныхъ потребностей пользовался широкимъ распространеніемъ, главнымъ образомъ, среди селянъ, а не горожанъ, по двумъ причинамъ: потому что спеціальный промыселъ земледѣльца—сельское хозяйство—занимаетъ только лѣтнее время крестьянина, а длинная зима остается свободной для другого производительнаго употребленія; и потому что земледѣліе служитъ источникомъ не только жизненныхъ припасовъ для питанія населенія, но и сырыхъ матеріаловъ (ленъ, конопля, шерсть, кожа) для производства. Если бы крестьянинъ продавалъ эти матеріалы вмѣсто того, чтобы перерабатывать ихъ въ свободное время въ предметы собственнаго потребленія или въ такіе продукты, которые онъ могъ сбыть на сторону, то его зимнее время пропадало бы непроизводительно, и его средства существованія ограничивались бы тѣмъ, что онъ успѣлъ выработать въ теченіе лѣта. Онъ былъ бы тогда гораздо бѣднѣе ремесленника, который работаетъ круглый годъ,—круглый годъ, слѣдовательно, зарабатываетъ средства своего существованія. Крестьянинъ тоже старался не терять даромъ своего времени, и такъ какъ его спеціальный промыселъ занимаетъ всего половину года, то другую половину

его онъ посвящаетъ переработкѣ матеріаловъ, доставляемыхъ сельскимъ хозяйствомъ, въ предметы собственнаго потребленія или для продажи. Этотъ строй натуральнаго хозяйства переживали всѣ цивилизованные народы, и вотъ какъ нѣмецкій экономистъ Зомбартъ описываетъ сельскій бытъ Германіи пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

«Первое мѣсто въ домашнемъ производствѣ естественно занимаетъ производство пищевыхъ продуктовъ, и въ этой области нѣмецкій крестьянинъ обходился почти безъ всякой помощи ремесленника-спеціалиста». Жилище крестьянинъ строилъ себѣ тоже самъ, обращаясь лишь, въ случаѣ непосильности отдѣльныхъ операцій, къ помощи сосѣдей, которымъ онъ отплачивалъ также личными услугами. Для очень спеціальныхъ работъ онъ прибѣгалъ иногда къ помощи странствующаго плотника, каменщика или стекольщика, которые странствовали изъ деревни въ деревню и работали за харчи и извѣстную плату деньгами. Одежда для членовъ крестьянской семьи приготовлялась ими же самими. Почти вездѣ крестьяне сѣяли ленъ или коноплю, иногда также марену, изъ которой добывается краска для окрашиванія самодѣльной ткани. Гдѣ было распространено овцеводство, тамъ крестьяне сами ткали себѣ одежду изъ шерсти. Крестьянинъ или самъ чесалъ свой ленъ и шерсть, или отдавалъ ихъ чесальщику за плату; чесаное волокно онъ обращалъ въ пряжу работой членовъ своей семьи, выдѣлывалъ изъ пряжи ткань самъ или обращался къ помощи сельскаго ткача. Бѣлье крестьяне шили сами изъ собственнаго полотна; но шитье одежды иногда оказывалось не по плечу крестьянской бабѣ; тогда являлся на помощь портной. Онъ нѣсколько дней ѣстъ и спитъ въ хатѣ крестьянина, снабжаетъ заплатами всю семью, а въ случаѣ нужды шьетъ и новое платье. Починку домашней и хозяйственной своей утвари крестьянинъ производилъ самъ, а для болѣе сложныхъ подѣлокъ обращался къ деревенскому кузнецу и плотнику. Что было не по силамъ мѣстнымъ ремесленникамъ, то покупалось въ городѣ или на ярмаркѣ. Деревенскіе ремесленники въ нѣмецкой деревнѣ были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и земледѣльцы». Какъ видитъ читатель, это описаніе быта нѣмецкаго крестьянина въ 50-хъ годахъ почти повторяетъ то, что было выше сказано относительно быта черниговскаго крестьянина въ семидесятыхъ годахъ истекшаго вѣка. Тамъ и здѣсь это былъ натуральный бытъ съ слабой примѣсью мѣновыхъ или денежныхъ отношеній.

Выше мы старались объяснить, какимъ образомъ на почвѣ натуральнаго хозяйства начинаетъ понемногу развиваться хозяйство мѣновое или денежное, какъ многіе крестьяне стали производить разныя издѣлія на продажу, и на ряду съ домашнимъ производствомъ для собственнаго потребленія трудящихся появились кустарные промыслы для продажи издѣлій на сторону. Теперь мы еще разъ обратимъ вниманіе читателя на то обстоятельство, что обѣ эти формы мелкаго производства—для нуждъ семьи

трудящихся и для продажи на сторону—имѣютъ общую черту, заключающуюся въ томъ, что работающими тамъ и здѣсь являются земледѣльцы, и что промышленная работа давала крестьянину возможность прилагать къ производству свой трудъ въ теченіе круглаго года. Продуктами его лѣтняго труда были хлѣбъ, молоко, мясо, шерсть, кожа, ленъ и т. п., а продуктомъ зимнихъ работъ—одежда, обувь и другіе предметы потребленія, выработанные изъ домашнихъ или покупныхъ матеріаловъ. Эти продукты крестьянинъ-земледѣлецъ или потреблялъ самъ съ своей семьей, или продавалъ на сторону. Первоначально бо́льшая часть земледѣльцевъ продавала въ городѣ лишь продукты своего сельскаго хозяйства и вырученныя суммы употребляла на уплату податей и на пріобрѣтеніе тѣхъ предметовъ потребленія, которые не выдѣлывались дома. Что же касается вещей, приготовленныхъ изъ собственнаго или покупного матеріала, то огромное большинство сельскихъ жителей потребляли ихъ сами, а незначительная часть продавала. Съ теченіемъ времени работа на продажу принимала болѣе и болѣе широкіе размѣры; бо́льшая и бо́льшая часть земледѣльцевъ, вмѣсто приготовленія въ семьѣ всѣхъ предметовъ своего потребленія, переходила къ производству какого-либо одного издѣлія, и продажа послѣдняго доставляла имъ средства для пріобрѣтенія нужныхъ продуктовъ.

Постепенное обращеніе натуральнаго хозяйства въ мѣновое или денежное поддерживалось тѣмъ, что это было для всѣхъ выгодно. При спеціализаціи работающаго на производствѣ одного вида издѣлій достигаются бо́льшее искусство и быстрота работы; отъ этого издѣліе получается и лучше, и дешевле сравнительно съ тѣмъ, когда одно лицо приготовляетъ нѣсколько разнородныхъ предметовъ. Для всего населенія представляется поэтому болѣе выгоднымъ, если производство разнообразныхъ предметовъ его потребленія распредѣлится между различными лицами, если одна группа крестьянъ будетъ въ зимнее время производить только полотно, другая—сукно, третья—обувь и т. д. Каждая такая группа будетъ продавать свои издѣлія и на вырученныя деньги пріобрѣтать нужныя ей издѣлія другихъ производителей. Каждый будетъ имѣть, какъ и при натуральномъ хозяйствѣ, все ему нужное; но покупные предметы будутъ лучшей выдѣлки, потому что они сдѣланы лицами, спеціально этимъ занимающимися. Такимъ образомъ, натуральный строй хозяйства постепенно превращается въ товарный или денежный, а крестьяне, перерабатывавшіе сырые матеріалы въ предметы своего потребленія, обращаются въ кустарей и ремесленниковъ, производящихъ товары, т.-е. вещи, назначенныя для продажи. Но сходство этого новаго товарнаго строя хозяйства со строемъ натуральнымъ заключается въ томъ, что тамъ и здѣсь земледѣлецъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и промышленникъ; что земледѣльческая промышленность не отдѣлена отъ обрабатывающей: та и другая находится въ однѣхъ рукахъ, и это даетъ возможность земледѣльцу производительно прилагать свой трудъ и въ то время, когда полевыя работы прекращаются.

Соединеніе въ однѣхъ рукахъ промысловъ и земледѣлія не сохраняется, однако, навѣки, и главной причиной ихъ разъединенія служитъ фактъ развитія крупнаго фабричнаго производства, доставляющаго болѣе дешевыя издѣлія, которыя предпочитаются потребителями издѣліямъ мелкой кустарной и ремесленной промышленности. Развитію крупнаго производства первоначально содѣйствовало увеличеніе спроса на разные продукты, вслѣдствіе распространенія городской жизни и оживленія торговыхъ сношеній между различными мѣстностями. Когда вслѣдствіе развитія этихъ сношеній продукты кустарныхъ промысловъ стали сбываться на отдаленныхъ рынкахъ, большое значеніе въ производствѣ пріобрѣли торговцы, черезъ руки которыхъ проходили эти продукты. Торговцы знали, какія издѣлія и въ какомъ количествѣ требуются на данныхъ рынкахъ; только черезъ этихъ торговцевъ кустари и могли сбывать свои издѣлія на отдаленныхъ рынкахъ; а въ тѣхъ случаяхъ, когда кустари перерабатывали привозное сырье, доставку послѣдняго брали на себя тѣ же торговцы, въ рукахъ которыхъ находился и сбытъ готовыхъ издѣлій. Держа въ своихъ рукахъ доставленіе кустарямъ сырыхъ матеріаловъ и продажу выдѣлываемыхъ кустарями издѣлій, скупщики постепенно поработили работающихъ и сдѣлались какъ бы ихъ хозяевами. Скупщикъ указывалъ, какія издѣлія требуются на рынкѣ, ссужалъ кустаря матеріаломъ, назначалъ цѣны на принимаемыя отъ него издѣлія и т. д. Въ наибольшую зависимость отъ скупщика попадали тѣ ремесленники, которые имѣли мало земли, и коихъ благосостояніе зависѣло, главнымъ образомъ, отъ сбыта выдѣлываемыхъ ими издѣлій. Такіе ремесленники постепенно обращались въ форменныхъ работниковъ скупщика. Послѣдній выдавалъ имъ матеріалъ, опредѣлялъ родъ производимыхъ издѣлій, назначалъ вознагражденіе за трудъ. Эта организація мелкихъ промысловъ, при которой ремесленникъ работаетъ въ своемъ дому по найму капиталиста, извѣстна подъ именемъ домашней системы капиталистической промышленности. Съ теченіемъ времени мелкая промышленность подвергается нѣкоторымъ измѣненіямъ не только съ экономической, но и съ технической стороны. Въ наиболѣе сложныхъ производствахъ начинаетъ устанавливаться нѣкоторое раздѣленіе труда. Кустари спеціализируются на выполненіи отдѣльныхъ операцій, и производимый ими предметъ, пройдя черезъ руки многихъ спеціалистовъ, выходилъ лучше того, который цѣликомъ приготовлялся мастеромъ средняго достоинства. Этотъ процессъ раздѣленія труда пошелъ значительно быстрѣе, когда хозяева, ради удобства надзора за выполненіемъ работъ и употребленіемъ матеріала, стали соединять кустарей для работы въ одномъ помѣщеніи, т.-е. когда кустарно-ремесленная организація промышленности стала обращаться въ мануфактуру.

При сосредоточеніи многихъ работниковъ въ одномъ помѣщеніи можно было примѣнить для выполненія тяжелыхъ работъ силу животныхъ, воды, вѣтра, что опять-таки сокращало затрату труда и удешевляло издѣліе.

А когда въ промышленности получили примѣненіе паровые двигатели, большіе барыши въ нѣкоторыхъ производствахъ капиталисты могли получать лишь при организаціи крупныхъ предпріятій. Примѣненіе къ производству паровыхъ двигателей повело къ изобрѣтенію такихъ машинъ, которыя, будучи приводимы въ движеніе паромъ, замѣняли множество рабочихъ рукъ. Машина сильно увеличивала производительность человѣческаго труда и давала возможность производить сразу множество экземпляровъ одного и того же предмета. Результатомъ всѣхъ этихъ преобразованій было такое удешевленіе фабричныхъ издѣлій, что съ ними рѣшительно не могли конкурировать продукты труда мелкихъ кустарей и ремесленниковъ. Кустари-земледѣльцы поэтому вынуждены были прекращать приготовленіе издѣлій для продажи и находили даже выгоднымъ, вмѣсто домашней выдѣлки для собственнаго потребленія льняныхъ, пеньковыхъ и шерстяныхъ тканей, продавать ленъ, пеньку, шерсть на фабрики и пріобрѣтать для одежды ситцы и фабричное сукно.

Такъ понемногу происходило повсюду разъединеніе земледѣльческой промышленности и обрабатывающей. Вмѣстѣ съ этимъ самостоятельный кустарь-производитель сходилъ со сцены, а его мѣсто занималъ наемный рабочій, т.-е. самостоятельное мелкое ремесло замѣщалось крупнымъ капиталистическимъ производствомъ. Вмѣстѣ съ этимъ и натуральное хозяйство болѣе и болѣе замѣнялось денежнымъ; приготовленіе разныхъ издѣлій для потребленія семьи работающаго исчезало, и земледѣльцамъ приходилось большую и большую часть нужныхъ имъ предметовъ пріобрѣтать на рынкѣ.

Развитіе товарнаго хозяйства въ Россіи совершалось при условіяхъ, которыя должны были отличать этотъ процессъ отъ того, какъ онъ происходилъ на Западѣ, и замедлять его ходъ. Благопріятныя условія для развитія мѣнного хозяйства заключаются въ густотѣ населенія и въ удобствахъ путей сообщенія. А въ этихъ отношеніяхъ Россія еще и теперь значительно отличается отъ Западной Европы; въ прежнее же время это отличіе было гораздо замѣтнѣе.

Разселеніе племенъ Западной Европы на той сравнительно небольшой территоріи, на какой они обитаютъ, закончилось въ то время, когда русская исторія только-что начиналась, и прошедшую съ тѣхъ поръ тысячу лѣтъ европейскіе народы проводили, говоря вообще, на одномъ мѣстѣ. Русское племя на зарѣ исторіи занимало небольшую западную часть Европейской Россіи: бассейнъ рѣки Волхова, верхнее теченіе Волги, верхнее и среднее теченіе Днѣпра. Послѣдующая исторія нашей страны характеризовалась распространеніемъ русскаго племени на сѣверъ, югъ и востокъ, продолжавшимся въ теченіе цѣлыхъ тысячи лѣтъ и еще не совершенно закончившимся, пожалуй, и въ настоящее время. Это различіе осѣдлаго характера исторіи народовъ Западной и колонизаціоннаго—народовъ Восточной Европы (Россіи) имѣло первымъ послѣдствіемъ крупныя различія обѣихъ частей

Европы въ отношеніи густоты или скученности населенія. Весь почти естественный приростъ населенія осѣдлой Европы оставался на мѣстѣ, а въ Россіи населеніе постоянно распространялось на новыя территоріи, и этимъ предупреждалась скученность населенія въ коренныхъ русскихъ земляхъ. Средняя плотность населенія Россіи даже въ настоящее время менѣе плотности населенія Англіи XI вѣка, а самыя населенныя наши губерніи имѣютъ такую же густоту населенія, какая свойственна была всей Франціи 600 лѣтъ тому назадъ. Въ среднемъ въ Европейской Россіи на квадратный километръ теперь приходится 20 жителей (на кв. версту 23 человѣка); въ главнѣйшихъ государствахъ Западной Европы на кв. километръ приходится отъ 66 до 220 жителей, т.-е. въ 3—11 разъ больше.

Скученность населенія является важнымъ условіемъ экономическаго развитія страны. Разрастаясь болѣе и болѣе и истощая легко доступные запасы естественныхъ богатствъ, населеніе страны, не раздвигающей своихъ границъ, приходитъ къ необходимости такихъ пріемовъ производства, которые допускали бы болѣе глубокую эксплуатацію природы. Всего настоятельнѣе это обнаруживается въ области земледѣлія. Густое населеніе требуетъ того, чтобы одна и та же площадь земли давала больше жизненныхъ припасовъ, а для этого нужно оставить первобытные пріемы обработки и стремиться къ развитію интенсивнаго хозяйства. Достигнувъ извѣстной густоты, населеніе уже не можетъ помѣщать своего прироста въ области сельскохозяйственнаго производства, и, такимъ образомъ, необходимо создается спеціальное промышленное населеніе, разрастаются города, и ускоряется процессъ распространенія мѣнового хозяйства, причемъ обрабатывающая промышленность сосредоточивается въ городахъ, а ея продукты идутъ въ деревни въ обмѣнъ на жизненные припасы и сырые матеріалы производства. Широкое развитіе обмѣна требуетъ благоустроенныхъ путей сообщенія, а густота населенія облегчаетъ процессъ улучшенія послѣднихъ. Для облегченія сношеній принимаются мѣры къ устройству грунтовыхъ дорогъ, къ улучшенію рѣчныхъ путей и къ устройству каналовъ. Все это давно наблюдается въ Западной Европѣ, и ея населеніе давно уже стремится къ тому, чтобы улучшить свой бытъ путемъ такихъ пріемовъ производства, которые позволяютъ съ той же территоріи получать больше и больше предметовъ потребленія. Это приводятъ въ земледѣліи къ интенсивному хозяйству, а въ области промышленности—къ развитію искусства человѣка, къ примѣненію машинъ и механическихъ двигателей, къ созданію крупной формы промышленности.

Населеніе Россіи долгое время избѣгало необходимости болѣе искусственной эксплуатаціи естественныхъ богатствъ природы. Такъ какъ къ востоку отъ коренной Россіи лежали громадныя площади почти нетронутыхъ естественныхъ богатствъ, то по мѣрѣ оскудѣнія такихъ богатствъ въ коренныхъ русскихъ земляхъ, ихъ населеніе направлялось на сѣверъ, югъ или востокъ и здѣсь продолжало примѣнять тѣ первобытные

пріемы эксплуатаціи природы, какіе оказывались уже отсталыми на прежнихъ мѣстахъ жительства. Такъ, на всемъ почти протяженіи русской исторіи мы встрѣчаемся съ широкимъ распространеніемъ такихъ промысловъ, какъ охота на звѣря, рыболовство, бортничество (эксплуатація дикой пчелы). Съ этихъ промысловъ собственно и начиналась промышленная дѣятельность русскихъ, занимавшихъ новыя земли. Что же касается земледѣлія, то оно играло второстепенную роль и на первый планъ выдвинулось послѣ того, какъ съ дальнѣйшимъ размноженіемъ населенія названныя выше богатства подверглись значительному истощенію. Постоянный отливъ жителей Россіи изъ центра на окраины служилъ препятствіемъ развитію большой плотности населенія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и благоустройству путей сообщенія. Наши грунтовыя дороги въ настоящее время очень плохи, а въ старину онѣ были и того хуже; передвиженіе значительныхъ массъ товаровъ совершалось поэтому зимою, т.-е. было возможно въ теченіе полугода. Другой, болѣе удобный способъ товарнаго обмѣна представляли рѣки; но и онѣ открыты были для движенія лишь въ теченіе части года. При отсутствіи паровыхъ двигателей, и сухопутный и водяной способы передвиженія товаровъ были очень медленны: на отдаленныхъ протяженіяхъ товарный оборотъ совершался одинъ разъ въ годъ. Отсюда вытекала необходимость въ образованіи складовъ товаровъ въ пунктахъ, удобно расположенныхъ по отношенію къ потребителямъ. Въ эти пункты зимою или лѣтомъ (смотря по ихъ расположенію) пріѣзжали провинціальные торговцы, закупали товары для своихъ районовъ на цѣлый годъ и продавали мѣстныя произведенія. Такимъ образомъ, нынѣ падающая, но не совсѣмъ еще исчезнувшая ярмарочная торговля была необходимой формой торговли во времена плохо оборудованныхъ путей сообщенія.

Отливъ населенія изъ коренной Россіи на окраины происходилъ въ то время, когда естественныя богатства здѣсь значительно истощились. Оставшимся на мѣстѣ приходилось поэтому отъ первобытныхъ способовъ производства переходить къ болѣе дѣйствительнымъ средствамъ добыванія средствъ существованія.

Необходимость этого всего ранѣе почувствовалась жителями московскаго района, составлявшаго политическій центръ московскаго государства. Здѣсь находилась столица государства, сосредоточивались знать и служилые люди, постоянно пріѣзжали и уѣзжали чиновники, купцы. Уже это одно создавало спросъ на различные предметы потребленія и вызывало производство послѣднихъ для снабженія городовъ. Московская область находилась, кромѣ того, въ удобномъ положеніи относительно передвиженія товаровъ. Грунтовыя дороги кое-какъ, но все-таки поправлялись ради нуждъ правительства; Волга, ея притоки и устроенные каналы, съ одной стороны, Двина, съ другой, сравнительная близость Сѣверной Двины, съ третьей, открывали удобный путь сообщенія края съ прочими областями Россіи и

съ морскими портами. Въ этомъ-то районѣ верхней Волги, главнымъ образомъ, и получило развитіе производства для продажи и примѣненіе болѣе усовершенствованныхъ способовъ ремесла. Здѣсь лядинное, переложное сельское хозяйство давно уже перешло въ трехполье. Домашняя промышленность для нуждъ семьи самого работающаго стала замѣщаться кустарными промыслами для продажи на рынкѣ. Первоначально матеріалами, перерабатывавшимися кустарями, служили мѣстныя произведенія и мѣстныя естественныя богатства. Желѣзная промышленность зародилась въ районахъ залежей руды въ Тульской губ., Новгородской, Нижегородской, Олонецкой; обработка льна сосредоточилась въ мѣстностяхъ, благопріятствовавшихъ произрастанію этого растенія: около Ярославля, Шуи, кое-гдѣ на Сѣверной Двинѣ и Вагѣ; богатство лѣсомъ и близость Волги вызвали промыселъ постройки судовъ; наличность кожъ и шерсти мѣстныхъ хозяевъ повела къ устройству кожевенныхъ, скорняжныхъ, шерстовалыльныхъ заведеній и т. д. Впослѣдствіи мѣстные промышленники стали перерабатывать матеріалы, привозимые издалека.

Въ отношеніи плотности населенія подмосковный районъ давно уже представлялъ собою нѣчто исключительное. Еще въ концѣ XVII вѣка по густотѣ населенія онъ приближался къ современному намъ моменту. Въ XVIII столѣтіи населеніе его нѣсколько разрѣдилось, но и тогда оно въ 3—10 разъ было плотнѣе населенія прочихъ областей Россіи. При такой густотѣ населенія не всѣ жители имѣли возможность прилагать свои силы къ сельскому хозяйству въ теченіе всего лѣта; но это не отражалось неблагопріятно на ихъ матеріальномъ состояніи, потому что широкое развитіе промысловъ открывало имъ дополнительные источники доходовъ. Многіе земледѣльцы вовсе отказывались отъ хозяйства и спеціализировались на какомъ-нибудь кустарномъ промыслѣ. Въ мѣстностяхъ малоземельныхъ и удобно расположенныхъ относительно путей сообщенія цѣлыя деревни и районы сплошь занимались приготовленіемъ однородныхъ издѣлій. Такимъ образомъ возникли столь распространенные у насъ кустарные районы.

Широкое развитіе промысловъ въ подмосковномъ районѣ разсчитано было, какъ уже говорилось, не на мѣстное только потребленіе. Этотъ районъ служилъ для отдаленныхъ и менѣе развитыхъ областей источникомъ не только товаровъ, но и спеціалистовъ-ремесленниковъ. Не находя на мѣстѣ достаточнаго спроса на трудъ, шерстобиты, валяльщики, портные, плотники и другіе ремесленники отправлялись изъ центральной Россіи на окраины и исполняли по заказу жителей работы, требующія искусной руки.

Въ болѣе отдаленныхъ и позже колонизованныхъ районахъ Россіи широкое развитіе кустарныхъ промысловъ не представлялось столь настоятельнымъ, какъ подъ Москвою. Населеніе, какъ сказано выше, было здѣсь значительно рѣже, естественныя богатства природы мало истощены, земля плодородна. Потребность въ предметахъ потребленія населенія поэтому

удовлетворялась домашнимъ ихъ приготовленіемъ; предметы потребленія, требующіе бо́льшаго искусства, заказывались мѣстному ремесленнику или пріобрѣтались на рынкѣ, куда они доставлялись, главнымъ образомъ, изъ московскаго района. Деньги же для пріобрѣтенія этихъ продуктовъ населеніе получало, продавая хлѣбъ, рыбу, шкуры битыхъ звѣрей и домашнихъ животныхъ, которыя доставлялись для переработки въ кустарные районы.

Хотя условія хозяйственнаго быта московской области допускали образованіе спеціальнаго промышленнаго класса, но въ общемъ можно сказать, что развитіе товарнаго хозяйства даже въ этой области происходило на почвѣ сохраненія связи промысловъ съ земледѣліемъ: обрабатывающая промышленность не отдѣлялась въ самостоятельный отдѣлъ производства; рабочіе въ этой промышленности были крестьяне, лѣтомъ занимавшіеся земледѣліемъ, а зимою приготовлявшіе разныя издѣлія для продажи. Даже послѣ того, какъ правительство, начиная съ Петра I, стало заботиться объ усовершенствованіи нашей промышленности и для того, слѣдуя западно-европейскимъ образцамъ, начало насаждать крупныя капиталистическія предпріятія,— отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣльческой не получило широкаго развитія, и мѣры правительства послужили еще къ бо́льшему распространенію мелкой, кустарной промышленности.

Петръ I и его преемники всячески поощряли устройство у насъ, при помощи иностранцевъ, горныхъ, оружейныхъ, литейныхъ заводовъ, суконныхъ, полотняныхъ, писчебумажныхъ фабрикъ и т. п. Правительство давало для устройства такихъ предпріятій деньги, выписывало изъ-за границы мастеровъ, приписывало къ фабрикамъ для работы крестьянъ, обезпечивало сбытъ ихъ издѣлій, забирая ихъ для своихъ надобностей (содержаніе войска и т. п.) и облагая таможенными пошлинами привозъ иностранныхъ фабрикатовъ. Но всѣ усилія правительства насадить у насъ крупную промышленность пошли, главнымъ образомъ, на пользу мелкаго, кустарнаго промысла. Рабочіе, научившись на фабрикахъ новымъ пріемамъ и новымъ ремесламъ, оставляли капиталистическія заведенія, поселялись въ родныхъ деревняхъ и принимались за приготовленіе соотвѣтствующихъ издѣлій, при помощи членовъ своихъ семей, работая въ жилыхъ избахъ или мелкихъ мастерскихъ. Это было возможно, конечно, прежде всего потому, что фабрики XVIII вѣка не были похожи на теперешнія крупныя заведенія, снабженныя паровыми двигателями и машинами. На старыхъ фабрикахъ примѣнялся не машинный, а ручной трудъ; механическіе же двигатели, гдѣ таковые устраивались, были водяные и вѣтряные. Выгода такой фабрики (такъ называемой мануфактуры) заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что соединеніе многихъ рабочихъ въ одномъ заведеніи допускало экономію расходовъ по устройству одного большого помѣщенія взамѣнъ многихъ мелкихъ мастерскихъ и облегчало раздѣленіе труда при изготовленіи продукта. При раздѣленіи же труда различныя операціи исполняются различными рабочими,

спеціализирующимися на одномъ дѣлѣ и выполняющими его скорѣе и лучше того мастера, который одинъ приготовляетъ весь предметъ. Если бы въ Россіи находилось многочисленное безземельное населеніе, то подобныя мануфактуры получили бы у насъ такой же успѣхъ, какой имѣли на Западѣ, по образцу котораго онѣ и устраивались. Но работниками нашихъ мануфактуръ были не безземельные, а члены крестьянскихъ семей, занимавшихся сельскимъ хозяйствомъ и имѣвшихъ подсобные зимніе заработки. Успѣшное развитіе мануфактуръ грозило уничтоженіемъ этихъ послѣднихъ. А такъ какъ при краткости лѣтняго труда въ районѣ главнаго распространенія нашихъ кустарныхъ промысловъ (центральной нечерноземной полосы) и при первобытности пріемовъ обработки земли одно земледѣліе не могло дать средствъ удовлетворенія потребностей населенія, то крестьяне, поступавшіе на вновь устраиваемыя мануфактуры, не думали оставаться тамъ вѣчно.

Научившись новымъ пріемамъ производства и новымъ ремесламъ, они стремились примѣнить эти знанія дома, не отвлекаясь отъ сельскихъ работъ. Они или покупали матеріалъ на рынкѣ и въ зимнее время выдѣлывали для продажи тѣ издѣлія, которымъ научились на фабрикѣ, или получали матеріалъ отъ торговцевъ и по ихъ заказу производили тѣ или другіе предметы. Они могли довольствоваться при этомъ меньшимъ заработкомъ, чѣмъ фабричные рабочіе, потому что жили въ своихъ семьяхъ и имѣли другое, болѣе выгодное занятіе—земледѣльческое. Ихъ конкуренція была поэтому очень опасна для крупныхъ мануфактуръ, и въ началѣ XIX вѣка кустарное производство многихъ, преимущество ткацкихъ издѣлій, стало вытѣснять производство фабричное. Такимъ именно способомъ получило широкое распространеніе въ московскомъ районѣ кустарное ткачество: бумажное, шелковое и тонкихъ полотенъ. Такимъ же образомъ, т.-е. путемъ вліянія фабрикъ и крупныхъ мастерскихъ, въ данномъ районѣ получили распространеніе или подверглись преобразованію и многіе другіе кустарные промыслы.

Говоря объ историческомъ развитіи мелкихъ промысловъ въ Россіи, нельзя не упомянуть и о помѣщикахъ, стремившихся усовершенствовать промыслы своихъ крѣпостныхъ и выписывавшихъ для этого болѣе или менѣе искусныхъ мастеровъ.

Заботы правительства о развитіи капиталистической промышленности содѣйствовали распространенію кустарныхъ промысловъ, основанныхъ на сохраненіи связи обрабатывающей промышленности съ земледѣліемъ лишь до тѣхъ поръ, пока крупная промышленность мало пользовалась паровыми двигателями и машинами и примѣняла преимущественно ручной трудъ. Такое положеніе дѣлъ продолжалось приблизительно до середины истекшаго столѣтія. Самой промышленной страной, служившей образцомъ для другихъ государствъ, была Англія; а эта страна, не желая способствовать развитію индустріи въ чужихъ странахъ, которыя она снабжала своими издѣліями,

запрещала вывозить за границу англійскія машины. Производить же у себя сложныя машины, замѣнявшія искусство рукъ человѣка, отсталая Россія была не въ состояніи; и потому на ея фабрикахъ первой половины XIX вѣка, какъ и въ кустарной избѣ, господствовалъ ручной трудъ. Въ серединѣ названнаго столѣтія положеніе измѣнилось. Англійское правительство отмѣнило запрещеніе вывоза машинъ, и это могучее средство распространенія капиталистической промышленности нашло доступъ въ наше отечество. Крестьянская реформа, освободивъ населеніе отъ опеки, облегчивъ его передвиженіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сокративъ крестьянское землевладѣніе, увеличила число рукъ, ищущихъ наемнаго труда, а правительство, расширяя желѣзнодорожную сѣть, облегчало распространеніе фабричныхъ издѣлій въ различные районы, гдѣ они могли конкурировать съ продуктами мѣстнаго кустарнаго производства.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій, со средины XIX вѣка наша капиталистическая промышленность начинаетъ болѣе и болѣе принимать формы высоко развитой промышленности Западной Европы; ея издѣлія становятся болѣе дешевыми и красивыми и вытѣсняютъ съ рынка издѣлія кустарей. Съ этой поры развитіе мѣнового хозяйства основывалось на отдѣленіи обрабатывающей промышленности отъ земледѣльческой. Выгода фабрикантовъ заключается въ томъ, чтобы ихъ заведенія работали по возможности непрерывно, чтобы ихъ машины не оставались безъ дѣла. Поэтому капиталисты стремятся по возможности растянуть рабочій день, устраиваютъ смѣны рабочихъ и держатъ въ ходу фабрики и зимою и лѣтомъ. Крестьяне, утрачивающіе кустарные зимніе заработки и вынужденные поступать на фабрики, стремятся, напротивъ того, уйти лѣтомъ въ деревню, на сельскія работы. Въ первое время фабриканты считались съ этимъ стремленіемъ и на лѣтнее время значительно сокращали рабочій персоналъ своихъ предпріятій. Но, по мѣрѣ того, какъ размноженіе населенія порождало бо́льшія и бо́льшія массы рабочихъ, не находившихъ приложенія своихъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ и искавшихъ наемнаго труда, капиталисты получали рабочій персоналъ, не связанный съ сельскохозяйственнымъ производствомъ, и освобождались отъ необходимости сообразоваться съ требованіями земледѣлія. Такимъ образомъ, крупная обрабатывающая промышленность совершенно почти отдѣлилась отъ промышленности сельскохозяйственной. А такъ какъ развитіе крупной промышленности уничтожаетъ мелкіе, кустарные промыслы, то земледѣліе болѣе и болѣе обособляется отъ промышленности, а нашъ мелкій хозяинъ постепенно утрачиваетъ подсобныя работы, занимавшія его длинные зимніе досуги.

Эта тенденція капиталистической эволюціи обособить и спеціализировать сельскохозяйственную промышленность—при условіяхъ промышленнаго развитія передовыхъ государствъ Западной Европы — вызывала въ области земледѣлія процессъ такого преобразованія системъ хозяйства, при которомъ

РЕЗЕРВ

земледѣлецъ находилъ производительное примѣненіе своему труду въ теченіе круглаго года. Такія системы хозяйства основаны на развитіи интенсивнаго животноводства и на подчиненіи зерновыхъ сѣвооборотовъ интересамъ этого послѣдняго. Только при наличности такого преобразованія разъединеніе промысловъ и земледѣлія не поведетъ къ обѣднѣнію земледѣльческаго класса, и процессъ капиталистической эволюціи, съ хозяйственной точки зрѣнія, будетъ имѣть положительные результаты и въ области индустріи, и въ сферѣ сельскаго хозяйства.

Преобразованіе сельскаго хозяйства въ указанномъ направленіи должно бы сопутствовать завоеваніямъ капиталистическаго начала и въ нашемъ отечествѣ. Послѣдующее изложеніе покажетъ, насколько это естественное ожиданіе получило фактическое осуществленіе.

ГЛАВА II.

Условія хозяйственнаго развитія Россіи.

Всѣ цивилизованные народы проходили путь экономическаго развитія отъ натуральнаго хозяйства къ мѣновому, но не всѣ достигли на этомъ пути одинаковыхъ результатовъ. Главнѣйшія цивилизованныя государства различаются преимущественно въ отношеніи того, какъ распредѣляются ихъ производительныя силы между земледѣліемъ и фабрично-заводской промышленностью, какой высоты техническаго развитія достигла та и другая промышленность, какъ велико богатство націи въ ея цѣломъ, и на какой ступени благосостоянія находятся ея трудящіеся классы. Результаты производительной дѣятельности человѣка зависятъ отъ естественныхъ, общественныхъ и историческихъ условій, и мы поэтому считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ условіяхъ земледѣльческаго производства въ Россіи.

Европейская Россія представляетъ огромную (въ половину почти Европы) равнину, разрѣзаемую грядами невысокихъ плоскихъ возвышенностей. Юго-восточная, меньшая часть этой равнины имѣетъ степной характеръ и покрыта черноземомъ, который, не будучи сильно выпаханнымъ, даетъ прекрасные урожаи хлѣбовъ. Сѣверо-западная, бо́льшая половина Европейской Россіи частью имѣетъ теперь и особенно имѣла въ прежнее время лѣсистый характеръ и покрыта почвами, легко выпахивающимися и требующими поэтому удобренія. Съ Западной Европой въ почвенномъ отношеніи сходна лишь сѣверная половина Россіи. Полоса же чернозема на

N 8234

Библіотека

Западѣ начинается лишь въ Австро-Венгріи и Румыніи и, покрывая южную Россію, переходитъ въ Западную Сибирь. По составу своихъ почвъ Европейская Россія (собственно южная ея часть) представляетъ поэтому болѣе выгодныя условія для сельскохозяйственной дѣятельности, нежели Западная Европа. Но это преимущество Россіи передъ Европой, равно какъ и южныя части Россіи передъ сѣверной ея половиною, сохраняется до тѣхъ поръ, пока черноземныя почвы не выпаханы. Но если имѣть въ виду современное состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи, когда свободныя производительныя силы чернозема истощились, и наступилъ моментъ примѣненія искусственныхъ средствъ для ихъ возстановленія — то положеніе хозяина черноземнаго района оказывается гораздо менѣе благопріятнымъ, нежели положеніе земледѣльцевъ въ нечерноземныхъ полосахъ Россіи.

Дѣло въ томъ, что, благодаря своей отсталости или, если угодно, своей молодости, Россія избавлена отъ тяжелаго труда вырабатывать болѣе совершенныя формы удовлетворенія разнообразныхъ своихъ потребностей и можетъ заимствовать эти формы у своихъ старшихъ сосѣдей. Этимъ только и обезпечивается возможность участія отставшей страны, въ качествѣ равноправнаго члена, въ культурной жизни Запада. Если бы ей приходилось повторять медленный процессъ развитія, пройденный въ свое время Западной Европой, то ей нужно было бы уединиться отъ цивилизованнаго міра или вѣчно находиться въ порабощеніи у болѣе культурныхъ народовъ.

Россія пользуется опытомъ передовыхъ странъ въ области политики, въ сферѣ образованія, медицины, обрабатывающей промышленности, транспорта. Нечерноземная часть Россіи можетъ пользоваться выработанными Европой средствами увеличенія производительности своего труда и въ области сельскаго хозяйства. Благодаря сходству ея почвы съ почвами Западной Европы, она можетъ съ небольшими измѣненіями примѣнять въ области земледѣлія огромный запасъ наблюденій, заключеній и даже рецептовъ, собранныхъ и выработанныхъ западно-европейской агрономической практикой. Хозяева черноземной полосы не находятся въ такомъ положеніи. Они должны сами производить всѣ тѣ опыты и наблюденія, терпѣть неудачи и убытки, путемъ коихъ западно-европейское земледѣліе достигло высокаго современнаго состоянія. Рѣшеніе задачи выработки доходныхъ интенсивныхъ системъ хозяйства для восточной части черноземнаго района усложняется еще неблагопріятными климатическими условіями.

Благодаря открытому пространству между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ, юго-восточная часть Европейской Россіи сдѣлалась доступной сухимъ и суровымъ азіатскимъ вѣтрамъ, иссушающимъ ея почву и отражающимся крайне вредно на ея растительности. Въ климатическомъ отношеніи, впрочемъ, почти вся Россія находится въ неблагопріятномъ положеніи. Удаленная отъ Атлантическаго океана и его теплаго мор-

ского теченія, умягчающаго климатъ Западной Европы, Россія, въ отличіе отъ послѣдней, имѣетъ континентальный климатъ, характеризующійся рѣзкой разницей зимней и лѣтней температуръ. Значительная часть нашей страны лежитъ къ тому же сѣвернѣе главнаго материка Западной Европы. Зимняя температура почти всей Россіи понижается, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, настолько, что въ продолженіе бо́льшей или меньшей части года земля покрывается снѣгомъ, что можно наблюдать только въ самыхъ сѣверныхъ областяхъ Западной Европы. Оттого наше лѣто значительно короче, а зима—длиннѣе, чѣмъ на Западѣ, и русскій земледѣлецъ имѣетъ гораздо болѣе короткій періодъ сельско-хозяйственныхъ работъ, чѣмъ западно-европейскій. Время, когда земля свободна отъ снѣга и становится доступной обработкѣ, колеблется въ разныхъ полосахъ Россіи между 6 и 9 мѣсяцами. Послѣднее число относится лишь къ южному району Россіи, между тѣмъ такая же продолжительность періода сельскохозяйственныхъ работъ наблюдается въ сѣверномъ западно-европейскомъ государствѣ, Даніи. Въ мѣстностяхъ Европейской Россіи, лежащихъ на одной параллели съ этой страной — земля доступна обработкѣ лишь въ теченіе 6 — 7 мѣсяцевъ. Россія теряетъ, слѣдовательно, 2—3 мѣсяца сельскохозяйственныхъ работъ лишь вслѣдствіе того обстоятельства, что она лежитъ на востокѣ, а не на западѣ Европы.

Болѣе короткій періодъ сельскохозяйственныхъ работъ въ Россіи сравнительно съ Западной Европой не можетъ, конечно, не отражаться на доходахъ отъ земледѣльческаго промысла. Русскій сельскій хозяинъ имѣетъ меньше времени для подготовки къ посѣву почвы и не можетъ на одинаковой площади достигнуть такихъ успѣховъ въ смыслѣ увеличенія производительности земли, какіе наблюдаются въ передовыхъ государствахъ Европы. Продолжительность холоднаго періода препятствуетъ культурѣ многихъ растеній; русскій земледѣлецъ не можетъ поэтому вводить такого разнообразія послѣднихъ, какое характеризуетъ наиболѣе интенсивные и наиболѣе доходные плодосмѣнные сѣвообороты въ Западной Европѣ. Въ этомъ отношеніи къ послѣдней нѣсколько приближаются лишь нѣкоторыя наши западныя губерніи. Раннее наступленіе зимы препятствуетъ въ бо́льшей части Россіи производить озимые посѣвы послѣ снятія всѣхъ яровыхъ хлѣбовъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства посѣву озимей должно предшествовать паровое состояніе поля, т.-е. освобожденіе его отъ посѣва на цѣлый годъ.

Сравнительная краткость періода сельскохозяйственныхъ работъ ставитъ, такимъ образомъ, узкіе предѣлы поднятію производительности нашей земли сравнительно съ ея производительностью въ Западной Европѣ. Русскій земледѣлецъ долженъ больше терять земли подъ паромъ. Онъ не можетъ одинаково тщательно обработать такую площадь, какую въ состояніи воздѣлать его западно-европейскій собратъ; не можетъ отъ каждой десятины

(въ среднемъ) получить столько продуктовъ, сколько получаетъ ихъ земледѣлецъ Западной Европы.

Указанное различіе естественныхъ условій земледѣльческихъ доходовъ на Западѣ и въ Россіи имѣло бы менѣе невыгодныхъ для насъ послѣдствій, если бы земледѣліе не было оторвано отъ промышленности, и сельскій хозяинъ лѣтомъ прилагалъ бы свой трудъ къ землѣ, а зиму работалъ на фабрикѣ, въ мастерской или на заводѣ. Добывая меньше въ короткое лѣто, русскій земледѣлецъ вырабатывалъ бы больше въ теченіе длинной зимы. Но вѣдь тотъ строй промышленности, который получаетъ бо́льшее и бо́льшее распространеніе въ цивилизованныхъ государствахъ, стремится разъединить промыселъ и земледѣліе и оставить крестьянину одно лишь занятіе: сельское хозяйство. И мы видимъ, что осуществленіе такого стремленія не одинаково отразится на экономическомъ положеніи русскаго и западно-европейскаго земледѣльца. Русскій мелкій хозяинъ, лишаясь подсобныхъ заработковъ и спеціализируясь на земледѣліи, не можетъ поднять его на такую высоту и получать отъ него такіе доходы, какіе доступны его западно-европейскому собрату. Онъ не можетъ, значитъ, достигнуть и одинаковаго съ нимъ благосостоянія и стать одинаково надежной основой финансоваго благополучія страны.

Если описанныя различія географическаго положенія Россіи и Западной Европы обусловливали менѣе выгодные результаты дѣятельности нашего земледѣльца, то другія послѣдствія этого положенія ограничиваютъ наши средства въ сферѣ развитія индустріи.

Положеніе Россіи на востокѣ, бокъ-о-бокъ съ воинственными кочующими азіатскими племенами, предопредѣлило ей задачу замиренія этихъ племенъ и обрекало на многовѣковую военную борьбу съ ними. Это отвлекало ея силы отъ болѣе благородной цѣли мирнаго культурнаго развитія, но обезпечивало условіе такого развитія нашимъ западнымъ сосѣдямъ, которымъ она служила защитой отъ дикихъ азіатскихъ племенъ. Вслѣдствіе описанныхъ обстоятельствъ, народы Западной Европы раньше русскихъ освободились отъ дикости, присущей первобытнымъ племенамъ, и пошли по пути умственнаго, политическаго и промышленнаго развитія. Такое развитіе ускорялось особенностями и ихъ географическаго положенія.

Главнѣйшія государства Западной Европы прилегаютъ къ океанамъ и открытымъ морямъ; это дало имъ возможность рано завязать политическія и торговыя сношенія со всѣмъ міромъ. Россія же первоначально имѣла лишь сухопутныя границы, а когда достигла, наконецъ, океана (Ледовитаго), то онъ оказался бо́льшую часть года покрытымъ льдами. Насколько важное значеніе для культурнаго развитія имѣетъ свободный доступъ къ открытымъ морямъ, видно изъ того, что товарный обмѣнъ и торговыя сношенія первоначально устанавливаются между странами, соединенными водными путями сообщеній. Это объясняется тѣмъ, что грунтовыя дороги на первоначаль-

ныхъ ступеняхъ культуры совершенно неудобны для перевозки большихъ массъ товаровъ, и расходы перевозки поглощаютъ выгоды, происходящія отъ обмѣна. Водяные пути сообщенія являются поэтому единственнымъ средствомъ сношенія между болѣе или менѣе отдаленными странами и мѣстностями. Именно сношеніями съ иностранцами и начинается болѣе или менѣе широкое развитіе торговли тѣхъ странъ, которыя примыкаютъ къ открытымъ морямъ. Внутренняя же торговля развивается позднѣе, когда населеніе уже вырабатываетъ средства преодолѣвать сопротивленіе, представляемое неустроенными грунтовыми дорогами.

Въ торговыхъ сношеніяхъ съ иностранцами, которыя начинаютъ, конечно, болѣе предпріимчивыя и культурныя націи, послѣднія находятъ обильные источники и матеріальнаго, и умственнаго обогащенія, и быстро двигаются по пути культурнаго и промышленнаго развитія. Благодаря этимъ сношеніямъ, между всѣми націями міра понемногу устанавливаются близкія, преимущественно, торговыя связи, и эти націи въ промышленномъ отношеніи начинаютъ составлять какъ бы одно цѣлое, отдѣльныя части котораго, однако, извлекаютъ очень различныя выгоды отъ такого неписаннаго союза. Наиболѣе выигрываютъ при этомъ передовыя, самыя культурныя государства. Имъ по преимуществу принадлежатъ тѣ суда, на которыхъ совершается перевозка товаровъ, и отъ нихъ зависитъ перевозить взадъ и впередъ тѣ или другіе товары. Они искуснѣе другихъ въ мастерствахъ и ремеслахъ, доставляютъ въ отсталыя заморскія страны невиданные тамъ полезные или красивые продукты своей промышленности и благодаря своей ловкости успѣваютъ за сравнительно малоцѣнныя вещи получать въ обмѣнъ дорогіе мѣха, слоновую кость и другія цѣнныя произведенія мѣстной природы. Эти и подобные имъ сырые матеріалы, которые подчасъ добываются даже прямымъ грабежомъ пришлыхъ иноземцевъ, передовыя націи перерабатываютъ на своихъ фабрикахъ и заводахъ и развиваютъ у себя, такимъ образомъ, по преимуществу фабрично-заводскую промышленность. Въ этотъ міровой товарообмѣнъ въ свое время вовлекаются и молодыя страны, выходящія изъ своего культурнаго уединенія; но вовлекаются онѣ туда по иниціативѣ старыхъ націй, которыя и извлекаютъ отъ этого наибольшія выгоды. Молодыя націи обыкновенно играютъ при этомъ роль поставщиковъ на международный рынокъ непосредственныхъ продуктовъ своихъ естественныхъ богатствъ, а старыя націи находятъ въ нихъ новые рынки для своихъ фабрикатовъ, новое средство для развитія своей индустріи.

Россія въ теченіе своей исторической жизни тоже была вовлечена въ міровой товарообмѣнъ, и хотя наибольшія отъ того выгоды доставались иностранцамъ, но этотъ фактъ благопріятно отражался и на состояніи русскихъ земель. Торговля эта была заведена, конечно, не русскими. Славяне, поселившіеся въ бассейнахъ Двины, Днѣпра и Оки, встрѣтили здѣсь уже сло-

жившіеся пути торговли норманновъ съ Византіей (по р. Днѣпру) и болгаръ съ арабами (по р. Волгѣ) и приняли сами участіе въ этой торговлѣ. Русскіе продавали иностранцамъ, главнымъ образомъ, мѣха, медъ, воскъ и т. п., а получали нѣкоторыя издѣлія, преимущественно для потребленія зажиточныхъ классовъ общества. Впослѣдствіи эти пути международной торговли были уничтожены, и русскіе производили торговлю съ иностранцами черезъ Архангельскъ. Въ это время мы отправляли за границу, главнымъ образомъ, различные сырые продукты сельскаго хозяйства, а ввозили, главнымъ образомъ, издѣлія. Еще позже мы получили въ свое владѣніе берега Балтійскаго и Чернаго морей, и наша внѣшняя торговля расширилась.

Огромные успѣхи техники за послѣднее столѣтіе совершили настоящій переворотъ въ перевозочномъ дѣлѣ. Благодаря примѣненію пара къ водяному и сухопутному транспорту, теперь явилась возможность передвигать на огромныя протяженія большія массы товаровъ, совершать это очень быстро и очень дешево. Вслѣдствіе этихъ причинъ крайне облегчились торговыя сношенія между различными государствами, и вывозъ мѣстныхъ произведеній на внѣшніе рынки или ввозъ внутрь страны иностранныхъ товаровъ сталъ играть столь же существенную роль въ жизни наиболѣе развитыхъ государствъ, какъ и внутренняя ихъ торговля. Международныя торговыя сношенія сдѣлались настолько постояннымъ факторомъ жизни этихъ государствъ, что послѣднія не побоялись поставить дѣло пропитанія своего населенія въ полную зависимость отъ ввоза жизненныхъ припасовъ изъ-за границы. Такъ, Великобританія только $^1/_3$ часть своей потребности въ жизненныхъ припасахъ удовлетворяетъ мѣстными продуктами, а $^2/_3$ послѣднихъ получаетъ изъ различныхъ государствъ Европы, Азіи, Америки и Австраліи. И эта же самая Великобританія выдается среди европейскихъ государствъ высокимъ состояніемъ промышленности, своимъ богатствомъ и благосостояніемъ ея рабочихъ классовъ.

Такими благопріятными результатами промышленнаго развитія Англія въ значительной степени обязана своей крупной внѣшней торговлѣ вообще и ввозу изъ-за границы жизненныхъ припасовъ въ частности. Получая хлѣбъ изъ-за границы, Англія пріобрѣла возможность направить всѣ свои производительныя средства на добываніе изъ нѣдръ земли рудъ и каменнаго угля, на переработку туземныхъ и привозныхъ сырыхъ матеріаловъ въ различныя издѣлія, и продуктами всѣхъ этихъ производствъ она расплачивается за иностранные жизненные припасы и сырые матеріалы. Англія обратилась какъ бы въ громадную фабрику, работающую на весь міръ. Она получаетъ изъ-за границы хлопокъ, шерсть и другіе сырые матеріалы, перерабатываетъ ихъ въ ткани и вывозитъ ихъ за границу вмѣстѣ съ машинами, металлическими вещами и другими издѣліями изъ мѣстнаго сырья, вмѣстѣ съ громадными количествами каменнаго угля, добываемаго изъ ея богатыхъ копей. Это самоустраненіе Англіи отъ земледѣльческаго произ-

водства и сосредоточеніе почти всѣхъ ея производительныхъ силъ на фабрично-заводскомъ и горномъ дѣлѣ было очень важнымъ условіемъ ея обогощенія—и вотъ по какой причинѣ.

Въ фабрично-заводскомъ и горномъ дѣлѣ, въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ въ земледѣліи, на помощь человѣку приходятъ механическія силы природы—паръ и электричество, и въ значительно бо́льшемъ количествѣ примѣняются машины. Здѣсь же наблюдается и болѣе быстрый прогрессъ механическихъ и химическихъ изобрѣтеній, совершенствующихъ способы производства и увеличивающихъ производительность труда. Въ земледѣліи же производительность труда имѣетъ даже стремленіе понижаться, потому что съ истощеніемъ почвы приходится производить дополнительныя затраты на возстановленіе ея производительныхъ силъ. Въ обрабатывающей промышленности нѣтъ, кромѣ того, перерывовъ въ работѣ человѣка, какіе свойственны сельскому хозяйству, и обусловливаются смѣнами временъ года. Человѣческій трудъ имѣетъ тамъ примѣненіе въ теченіе круглаго года, между тѣмъ какъ въ сельскомъ хозяйствѣ значительная часть рабочихъ остается на зиму праздной. Въ силу этихъ обстоятельствъ, развитая фабрично-заводская промышленность даетъ больше выгодъ, чѣмъ земледѣліе; продукты фабрично-заводской промышленности достаются все съ меньшей и меньшей затратой человѣческаго труда, и это выражается въ томъ, что они постоянно дешевѣютъ, чего далеко нельзя сказать о продуктахъ земледѣльческаго труда, такъ какъ животные продукты имѣютъ тенденцію скорѣе повышаться, чѣмъ понижаться въ цѣнѣ. Цивилизованные народы обращаютъ поэтому наиболѣе вниманія на развитіе фабрично-заводской промышленности и для этого стараются найти сбытъ своимъ издѣліямъ за границей.

Этого можно достигнуть, лишь удешевляя издѣлія, т.-е. примѣняя въ производствѣ болѣе крупные двигатели, болѣе совершенныя машины и т. п. Такія преобразованія требуютъ высокаго развитія науки, широкаго распространенія образованія и сосредоточенія крупныхъ капиталовъ. Изъ сказаннаго видно, что одержать побѣду на внѣшнихъ рынкахъ сбыта продуктовъ фабрично-заводской промышленности скорѣе всего удастся передовымъ, богатымъ націямъ, которыя и достигаютъ успѣха въ стремленіи развить у себя крупную индустрію, работающую не только для внутренняго рынка, но и для вывоза за границу. Но широкій сбытъ за границу продуктовъ обрабатывающей промышленности предполагаетъ развитіе ввоза въ данную страну жизненныхъ припасовъ и сырыхъ матеріаловъ, добываемыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Необходимость ввоза этихъ матеріаловъ въ страну, экспортирующую фабрикаты, обусловливается уже тѣмъ, что такая страна отвлекаетъ много силъ на фабрики и заводы и не имѣетъ достаточнаго числа рабочихъ для занятія земледѣліемъ въ такомъ объемѣ, чтобы вырабатывать жизненные припасы для своихъ жителей и сырье для своихъ

фабрикъ и заводовъ. Земледѣльческій промыселъ къ тому же оказывается менѣе выгоднымъ, чѣмъ промышленная дѣятельность, и не привлекаетъ къ себѣ достаточнаго числа предпринимателей. Но и жизненные припасы и сырые матеріалы обезпечены промышленнымъ націямъ, потому что страны, получающія ихъ фабрикаты, не имѣютъ ничего другого для ихъ оплаты, кромѣ продуктовъ сельскохозяйственной дѣятельности, заключающихся въ шерсти, хлопкѣ, льнѣ, хлѣбѣ, мясѣ и т. п. Этимъ націямъ приходится поэтому производить названные товары не только для своихъ нуждъ, но и для обмѣна на издѣлія иностранныхъ фабрикъ и заводовъ. Ихъ земледѣльческая промышленность распространяется больше, чѣмъ это нужно имъ самимъ,—распространяется ради поддержанія иностранной фабрично-заводской промышленности. А дѣятельность ихъ собственныхъ фабрикъ и заводовъ не достигаетъ надлежащаго развитія, потому что часть соотвѣтствующихъ издѣлій онѣ получаютъ изъ-за границы. Но производительность труда въ обрабатывающей промышленности значительно выше производительности труда въ сельскомъ хозяйствѣ, и промышленныя націи уже по этой причинѣ богаче націй земледѣльческихъ. Но ихъ богатства увеличиваются еще потому, что широкое развитіе промышленности служитъ, какъ мы увидимъ, основаніемъ для введенія и наиболѣе доходныхъ системъ сельскаго хозяйства.

Изъ сказаннаго видно, что развитіе международныхъ торговыхъ сношеній является важнымъ факторомъ эволюціи народнаго хозяйства. Въ однѣхъ странахъ эти сношенія облегчаютъ процессъ промышленнаго развитія; въ другихъ—они способствуютъ распространенію земледѣльческаго производства. Но тамъ и здѣсь они оказываютъ могущественное вліяніе на распространеніе денежнаго хозяйства.

Если земледѣлецъ можетъ продавать производимый имъ хлѣбъ только внутреннимъ потребителямъ, то денежныя средства, которыя онъ можетъ затратить на пріобрѣтеніе предметовъ своего потребленія, ограничиваются тѣми суммами, которыя онъ получаетъ отъ немногочисленныхъ (въ натуральномъ быту) городскихъ жителей, не занимающихся сельскимъ хозяйствомъ. Въ виду этого земледѣльцу волей-неволей приходится самому приготовлять различные предметы потребленія своей семьи. Но если ему открывается возможность вывозить хлѣбъ за границу, и онъ воспользовался ею, то это значитъ, что онъ расширяетъ посѣвы хлѣбовъ на счетъ, напр., льна и конопли, меньше получаетъ въ хозяйствѣ волокнистыхъ матеріаловъ для переработки въ ткани, которыя носились бы членами его семьи; но зато онъ получилъ деньги за вывезенный за границу хлѣбъ и можетъ употребить ихъ на покупку нужныхъ ему предметовъ. Тотъ же самый результатъ получится, если откроется выгодный сбытъ на внѣшнемъ рынкѣ для крестьянскаго льна, конопли, кожъ, шерсти и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ въ рукахъ крестьянина останется меньше сырыхъ матеріаловъ,

которые раньше перерабатывались имъ въ продукты своего потребленія, но онъ пріобрѣтаетъ зато деньги и на нихъ покупаетъ нужные ему предметы.

Развитіе денежнаго хозяйства среди земледѣльцевъ, отправляющихъ свои произведенія за границу, содѣйствуетъ его распространенію и среди кустарей. Увеличенный спросъ первыхъ на предметы, приготовляемые послѣдними, побуждаетъ многихъ изъ нихъ спеціализироваться на отдѣльныхъ предметахъ и посвятить промыслу и тѣ силы, которыя раньше отдавались сельскому хозяйству и обработкѣ нѣкоторыхъ продуктовъ послѣдняго для потребленія собственной семьи. Деньги, вырученныя отъ продажи своихъ издѣлій, эти кустари обращаютъ на покупку жизненныхъ припасовъ и другихъ предметовъ своего потребленія, а увеличенный спросъ на продукты сельскаго хозяйства вызываетъ расширеніе земледѣльческаго промысла для продажи его продуктовъ на рынкѣ, т.-е. распространеніе денежнаго хозяйства среди земледѣльцевъ. Такъ идутъ, поддерживая другъ друга, процессы разрушенія натуральнаго хозяйства среди земледѣльцевъ и кустарей, въ сельско-хозяйственной и въ обрабатывающей промышленности, поощряемые вывозомъ мѣстныхъ произведеній на иностранные рынки.

ГЛАВА III.

Общій характеръ хозяйственной дѣятельности въ Россіи.

Обращаясь послѣ всего изложеннаго къ описанію экономическаго строя Россіи, мы дадимъ прежде всего общую характеристику хозяйственной дѣятельности ея населенія. Согласно тому, что мы излагали въ предыдущей главѣ, общее представленіе объ этой дѣятельности можно себѣ составить, ознакомившись съ содержаніемъ внѣшней торговли нашей страны. Къ этому предмету мы и переходимъ.

Для составленія общаго понятія о нашей внѣшней торговлѣ мы воспользуемся данными послѣдняго полнаго отчета департамента таможенныхъ сборовъ. Въ 1903 г. изъ Россіи вывезено товаровъ на одинъ милліардъ рублей, а ввезено въ Россію на 682 милліона рублей; весь нашъ международный торговый оборотъ составляетъ поэтому 1682 милліона рублей. Принимая во вниманіе, что населеніе Россійской Имперіи приближается въ послѣдніе годы къ 150 милліонамъ душъ, нужно сказать, что торговые обороты Россіи съ иностранцами составляютъ въ среднемъ 11 рублей на

одного жителя въ годъ. Для сравненія Россіи съ главнѣйшими европейскими государствами возьмемъ данныя за время съ 1896 по 1900 годъ Въ средній годъ этого пятилѣтія торговые обороты составляли:

въ Россіи	1300 милл. руб.	На одного жителя	10 руб.
» Германіи	4500 » »	» » »	70 »
» Франціи	3200 » »	» » »	80 »
» Великобританіи около	6000 » »	» » »	150 »

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что по суммѣ рублей обороты внѣшней торговли главнѣйшихъ европейскихъ государствъ въ 3—5 разъ превышаютъ обороты иностранной торговли Россіи; а если разложить эти суммы на населеніе, то окажется, что нѣмецъ продаетъ за границу и получаетъ изъ-за границы въ 7 разъ болѣе товаровъ, чѣмъ русскій, французъ—въ 8 разъ болѣе, а англичанинъ—въ 15 разъ болѣе. Россія и Великобританія занимаютъ, какъ видимъ, крайнія мѣста въ международной торговлѣ великихъ европейскихъ державъ; при этомъ Великобританія идетъ во главѣ, а Россія тащится въ хвостѣ международнаго товарнаго оборота.

Уже эти цифры даютъ нѣкоторое основаніе полагать, что Россія значительно отстала отъ другихъ европейскихъ государствъ въ развитіи своей производительности. Находясь въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ главнѣйшими потребительными рынками міра (три вышеназванныя страны больше ввозятъ товаровъ, чѣмъ вывозятъ), наша обширная, многолюдная и богатая плодородными почвами, лѣсами и залежами ископаемыхъ страна не можетъ ни предложить иностранцамъ сколько-нибудь значительнаго количества интересныхъ для нихъ товаровъ, ни пріобрѣсть значительнаго количества ихъ произведеній! Болѣе подробное разсмотрѣніе отчетовъ о внѣшней торговлѣ подтверждаетъ такое предположеніе.

Чѣмъ выше промышленное развитіе страны, тѣмъ бо́льшую роль въ ея внѣшней торговлѣ играетъ вывозъ продуктовъ фабрикъ и заводовъ, и тѣмъ меньшую — ввозъ этихъ послѣднихъ. Страна, мало развитая въ промышленномъ отношеніи, напротивъ того, мало вывозитъ фабрично-заводскихъ издѣлій и больше получаетъ ихъ изъ-за границы. И вотъ, въ отношеніи этого признака четыре сравниваемыя нами страны представляютъ слѣдующую картину.

Англія (въ 1902 г.) получила для своихъ нуждъ изъ чужихъ странъ разныхъ товаровъ на 4,5 милліардовъ рублей въ томъ числѣ 1,3 милліардовъ рублей или менѣе $^1/_3$ части ввоза принадлежало обработаннымъ и полуобработаннымъ продуктамъ (не считая питательныхъ припасовъ и напитковъ). Германія ввезла (въ 1901 г.) для своихъ нуждъ на 2,7 милліардовъ рублей чужихъ произведеній; изъ этого количества на долю продуктовъ чужихъ фабрикъ и заводовъ (кромѣ тѣхъ же предметовъ питанія) приходится съ небольшимъ 500 милліоновъ рублей, т.-е. $^1/_5$ часть цѣнности

всего ввоза. Въ составѣ 1,7 милліардовъ рублей стоимости товаровъ, получаемыхъ изъ-за границы Франціей, тѣмъ же продуктамъ принадлежитъ 300 милліоновъ рублей или менѣе $^1/_5$ части ввоза.

Въ Россію же (въ 1903 г.) было ввезено иностранныхъ товаровъ на сумму 680 милліоновъ рублей, въ томъ числѣ 300 милліоновъ рублей, или почти половина (45 %) ввоза принадлежала продуктамъ фабрикъ и заводовъ.

Относительно экспорта фабрично-заводскихъ издѣлій наблюдаются обратныя отношенія.

Общая цѣнность вывозимыхъ изъ Франціи товаровъ равняется 1,6 милліардовъ рублей; въ этой суммѣ на долю продуктовъ фабрикъ и заводовъ падаетъ 900 милліоновъ рублей или болѣе половины всего экспорта. Изъ 2,2 милліардовъ рублей германскаго экспорта фабрично-заводскимъ издѣліямъ принадлежитъ 1,4 милліарда рублей или $^2/_3$. Изъ 2,8 милліардовъ рублей вывоза англійскаго тѣмъ же издѣліямъ принадлежитъ 2,3 милліарда рублей, т.-е. $^4/_5$ всего вывоза. Въ составѣ же вывозимыхъ изъ Россіи товаровъ на сумму одного милліарда рублей продуктамъ фабрикъ и заводовъ (здѣсь, какъ и выше, исключаются жизненные припасы и напитки) принадлежитъ нѣсколько болѣе 100 тыс. рублей, т.-е. $^1/_{10}$—$^1/_9$ часть общаго экспорта.

Если, наконецъ, произвести сравненіе цѣнности ввозимыхъ въ каждую страну и вывозимыхъ изъ нея фабрикатовъ, то окажется тотъ же результатъ. Цѣнность ввозимыхъ во Францію, Германію и Великобританію чужихъ фабрично-заводскихъ издѣлій составляетъ отъ $^1/_3$ до $^2/_5$ цѣнности отправляемыхъ за границу продуктовъ мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ; а въ Россію ввозится почти втрое больше обработанныхъ и полуобработанныхъ иностранныхъ продуктовъ, чѣмъ вывозится изъ нея аналогичныхъ товаровъ русскаго происхожденія.

Если свѣдѣнія относительно общихъ оборотовъ внѣшней торговли свидѣтельствуютъ о низкомъ состояніи нашей производительности вообще, то сдѣланныя теперь сопоставленія показываютъ, какъ мало у насъ развита фабрично-заводская промышленность. Это послѣднее заключеніе находитъ себѣ новое подтвержденіе въ составѣ экспортируемыхъ изъ Россіи продуктовъ фабрично-заводской дѣятельности. Почти половина цѣнности (52 милл. руб.) вывезенныхъ изъ Россіи въ 1903 г. товаровъ этой категоріи принадлежитъ минеральнымъ освѣтительнымъ матеріаламъ и смазочнымъ масламъ. Развитіемъ экспорта этихъ продуктовъ мы обязаны богатымъ нашимъ залежамъ нефти. Другой сколько-нибудь крупной статьей нашего экспорта являются хлопчатобумажныя ткани, вывозимыя, преимущественно, въ Азію. Ихъ было отправлено въ 1903 г. на сумму 20 мил. рублей, что составляетъ около $^1/_5$ части всего экспорта нашихъ фабрикъ и заводовъ. Сколь ничтоженъ этотъ вывозъ продуктовъ одной изъ самыхъ старыхъ и наиболѣе

развитыхъ у насъ отраслей промышленности, видно изъ того, что изъ Англіи хлопчатобумажныхъ тканей вывозится на сумму болѣе 600 милл. рублей. Продукты прочихъ отраслей нашей фабрично-заводской промышленности въ отдѣльности отправляются за границу на сумму нѣсколькихъ сотъ тысячъ, много 1—2 милл. руб. въ годъ.

Приведенныя выше свѣдѣнія показали, что Франція, Германія и особенно Великобританія являются поставщиками на международный рынокъ преимущественно продуктовъ индустріи, имѣющихъ назначеніемъ удовлетвореніе различныхъ потребностей, кромѣ потребности питанія. Какую же функцію выполняетъ на внѣшнихъ рынкахъ Россія? Мы видѣли, что изъ суммы въ одинъ милліардъ рублей, составляющей цѣнность нашего экспорта въ 1903 г., на долю продуктовъ индустріи падаетъ нѣсколько болѣе 100 милл. рублей. Какіе же товары даютъ ей остальные 900 милл. рублей выручки?

На первое мѣсто здѣсь нужно поставить зерно и т. п. сырые продукты сельскаго хозяйства, состоящіе почти исключительно изъ предметовъ питанія человѣка, частью изъ корма для скота. Ихъ вывезено на сумму 460 милл. руб. Обработанныхъ растительныхъ продуктовъ, имѣющихъ то же назначеніе, вывезено почти на 90 милл. руб., въ томъ числѣ муки и крупы на 23 милл. руб., сахара на 25 милл. руб., отрубей и выжимокъ сѣмянъ на 40 милл. руб. Питательныхъ животныхъ продуктовъ вывезено съ небольшимъ на 100 милл. руб., въ томъ числѣ мяса и птицы на 13 милл. руб., яицъ на 51 милл. руб., рыбы на 7 милл. руб. и молочныхъ товаровъ на 33 милл. руб.

Весь нашъ вывозъ жизненныхъ и кормовыхъ припасовъ опредѣляется, такимъ образомъ, въ 650 милл. руб., т.-е. почти въ $^2/_3$ всего экспорта; при этомъ сырыхъ растительныхъ и животныхъ (яицъ) продуктовъ вывозится на сумму 510 милл. руб., а продуктовъ обработки сельскохозяйственныхъ произведеній—на сумму 140 милл. руб.

Менѣе крупную статью нашего вывоза образуютъ сырые матеріалы для различныхъ производствъ растительнаго и животнаго происхожденія. На первомъ планѣ здѣсь стоятъ ленъ и пенька: ихъ вывезено на 92 милл. руб.; за нимъ слѣдуетъ лѣсъ, коего отправлено за границу на 66 милл. руб. Животноводство даетъ для вывоза на 10 милл. руб. живыхъ животныхъ и на 40 милл. руб. разныхъ матеріаловъ (шерсть, кожи, сало и т. п.). Всего сырыхъ матеріаловъ вывезено за границу на 210 милл. руб., что составляетъ $^1/_5$ часть нашего экспорта.

Итакъ, 860 милл. руб. или 86% нашего экспорта составляется предметами жизненныхъ припасовъ, корма для скота и сырыхъ матеріаловъ растительнаго и животнаго происхожденія. Что касается хотя бы сырыхъ матеріаловъ ископаемаго происхожденія, таковые вывозятся изъ Россіи на сумму какихъ-нибудь 10—15 милл. руб.

Ознакомившись съ данными о составѣ нашего экспорта, мы можемъ слѣдующимъ образомъ характеризовать роль Россіи въ международномъ товарномъ оборотѣ.

Россія поставляетъ на внѣшніе рынки преимущественно продукты сельскохозяйственной дѣятельности и технической ихъ переработки. Это суть, главнымъ образомъ, продукты растительнаго царства (710 милл. руб.), а не животнаго (155 милл. руб.), и притомъ первичные, сырые продукты хозяйства, а не продукты технической переработки первыхъ, на долю которыхъ приходится менѣе 150 милл. руб. Этой характеристикой подтверждается то заключеніе, къ какому мы были приведены разсмотрѣніемъ общихъ итоговъ внѣшней торговли нашей страны. Продукты фабрично-заводской дѣятельности играютъ болѣе чѣмъ второстепенную роль не только въ общей суммѣ вывоза, но и въ экспортѣ той категоріи товаровъ (продукты сельскаго хозяйства), которые составляютъ главный предметъ ея внѣшней торговли. Данными о внѣшней торговлѣ Россія характеризуется не только какъ земледѣльческая страна, но и какъ страна, не умѣющая такимъ образомъ переработать продукты своего хозяйства, чтобы посылать за границу готовые, а не сырые жизненные припасы. Такъ, несмотря на правительственную нормировку сахарнаго производства, дозволяющую нашимъ заводчикамъ продавать за границу сахаръ по цѣнамъ вдвое болѣе низкимъ сравнительно съ цѣнами, взимаемыми ими съ русскихъ потребителей, нашъ экспортъ сахара въ самые благопріятные годы не превосходилъ 12—15 милл. пуд., между тѣмъ какъ другія европейскія страны вывозятъ его въ слѣдующихъ количествахъ: Франція 25 милл. пуд., Австрія 40 милл. пуд., Германія 65 милл. пудовъ въ годъ.

Чтобы лучше оттѣнить эту сторону предмета, мы сравнимъ составъ зерновыхъ продуктовъ, вывозимыхъ изъ Россіи и изъ другой страны, обильно снабжающей ими Западную Европу—изъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Главнѣйшій вывозимый изъ Россіи хлѣбъ это—пшеница; мы ея вывезли въ 1903 г. (вмѣстѣ съ мукой) 260 милл. пуд., что составляетъ $^1/_4$ часть сбора этого зерна; за пшеницей слѣдуетъ ячмень, а затѣмъ рожь, которая была отправлена за границу—зерномъ и мукою—въ количествѣ 93 милл. пудовъ. Что же касается распредѣленія вывоза этихъ хлѣбовъ между зерномъ и мукою, то оказывается, что пшеница зерномъ отправлена была за границу въ количествѣ 255 милл. пуд., а мукою въ количествѣ $5^1/_2$ милл. пуд.; ржаного зерна было вывезено 82 милл. пуд., а муки 11 милл. пуд. Въ предыдущіе годы муки вывозилось еще меньше.

Пшеница составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ вывоза и нашего соперника на международномъ рынкѣ — Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; но тогда какъ изъ Россіи на 250 милл. пуд. вывозимаго пшеничнаго зерна приходится лишь 5 милл. пуд. пшеничной муки, въ Соединенныхъ Штатахъ зерномъ пшеница вывозится въ количествѣ

2000—2500 милл. пуд., а мукою—1000 милл. пуд. Русская обрабатывающая промышленность находится на такой низкой ступени развитія, что мы не можемъ достаточно дешево перемалывать зерно въ муку, и близкая къ намъ Голландія, а затѣмъ и Англія, гдѣ мукомольная промышленность мало развита, должны обращаться за этимъ товаромъ не въ Россію, а въ далеко отстоящую отъ нихъ Америку.

Изъ продуктовъ переработки сельскохозяйственныхъ растительныхъ произведеній мы еще отправляемъ за границу 36 милл. пуд. отрубей и 28 милл. пуд. сѣменныхъ выжимокъ. Но вывозъ этихъ кормовыхъ средствъ не только не говоритъ въ пользу высокаго состоянія нашей промышленности, но служитъ яркимъ доказательствомъ низкаго состоянія и нашего сельскаго хозяйства. Названные продукты служатъ прекраснымъ кормовымъ средствомъ для скота; а такъ какъ животноводство составляетъ болѣе выгодную отрасль сельскаго хозяйства, чѣмъ зерноводство, то наиболѣе цивилизованныя страны не только пользуются мѣстными отрубями и выжимками для того, чтобы увеличить у себя количество скота, не только употребляютъ для этой цѣли отруби, получаемыя при перемолѣ привознаго зерна, но и стараются пріобрѣсть эти кормовыя средства готовыми за границей. Россія идетъ навстрѣчу этимъ желаніямъ европейскихъ націй развить у себя скотоводство. Она отдаетъ имъ 50—60 милл. пуд. въ годъ отрубей, снабжая ихъ пшеничнымъ и ржанымъ зерномъ, а не мукою, и одна отправляетъ на внѣшніе рынки больше готовыхъ отрубей и выжимокъ, чѣмъ всѣ прочія цивилизованныя государства,—благо низкія цѣны на эти товары наши мукомолы могутъ восполнять возвышеніемъ цѣнъ муки и растительныхъ маслъ, взимаемыхъ съ внутреннихъ потребителей этихъ продуктовъ. Такимъ образомъ, на счетъ русскихъ потребителей выкармливается скотъ Германіи, Даніи, Франціи и другихъ государствъ.

О низкомъ состояніи русскаго сельскаго хозяйства свидѣтельствуетъ и другая черта, характеризующая нашу вывозную торговлю: огромное преобладаніе экспорта растительныхъ продуктовъ сельскаго хозяйства надъ животными. Растительныхъ продуктовъ земледѣлія мы вывозимъ на сумму, въ 4½ раза превышающую вывозъ всѣхъ животныхъ продуктовъ. Всѣ цивилизованныя націи стремятся развить у себя животноводство на счетъ зерноваго хозяйства, потому что послѣднее даетъ работу земледѣльцу лишь въ теченіе лѣтняго полугодія, тогда такъ первое дозволяетъ производительно примѣнять трудъ сельскаго хозяина въ теченіе круглаго года. Цивилизованныя націи достигаютъ этой цѣли, между прочимъ, тѣмъ, что такъ или иначе возлагаютъ производство для себя зерна на другія страны, а свою землю обращаютъ, главнымъ образомъ, подъ культуру кормовыхъ средствъ для скота и стараются получить изъ-за границы побольшее отбросовъ мукомольнаго и масляннаго производства, служащихъ прекраснымъ кормовымъ средствомъ для скота. Россія, какъ мы видѣли, идетъ навстрѣчу этимъ стре-

мленіямъ и въ большихъ количествахъ отправляетъ въ чужія страны и хлѣбъ, и овесъ, и отруби, и выжимки. Несмотря на такую политику, богатыя западно-европейскія государства потребляютъ такія количества масла, сыра и мяса, что ихъ собственное производство этихъ продуктовъ не удовлетворяетъ внутренняго спроса, и для болѣе земледѣльческихъ государствъ открывается возможность развить у себя эти выгодныя отрасли сельскохозяйственной промышленности для удовлетворенія требованій международнаго рынка. Такая же возможность открывалась и для нашей страны, но она не могла ею воспользоваться, и потому снабженіе Европы мало выгоднымп для производителя зерновымп товарами осталось лежать на ней, а производство для иностранцевъ молочныхъ и мясныхъ продуктовъ взяли другія страны, питающія свой скотъ, между прочимъ, кормовыми средствами, получаемыми изъ Россіи. Такъ, несмотря на многолѣтнія заботы объ экспортѣ изъ Россіи мясныхъ товаровъ, мы вывозимъ ихъ всего въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ пудовъ въ годъ, между тѣмъ какъ маленькая Голландія отправляетъ за границу около 4 милл. пуд., Данія—5 милл. пуд., а Соединенные Штаты отправляютъ мяса 35—40 милл. пуд. въ годъ и получаютъ за него 350—400 милл. рублей. Россія занимаетъ исключительное положеніе лишь по вывозу живой птицы и битой дичи, превысившему 8 милл. пуд. въ годъ. Молочные продукты изъ нашей обширной земледѣльческой страны вывозятся за границу въ количествѣ 3 милл. пуд. въ годъ, и преимущественно экспортируемый товаръ доставляетъ Сибирь, между тѣмъ какъ маленькая Голландія отправляетъ за границу больше 4 милл., а Данія 5 милл. пуд. масла и сыра въ годъ; а изъ заокеанскихъ странъ крупныя количества означенныхъ товаровъ, а именно около 7 милл. пуд. въ годъ, поставляетъ на международные рынки Канада.

Характернымъ показателемъ нашей промышленной отсталости служитъ фактъ ничтожнаго вывоза металловъ, рудъ, каменнаго угля и другихъ ископаемыхъ. Несмотря на богатыя залежи послѣднихъ, мы ихъ вывозимъ за границу (не считая нефтяныхъ продуктовъ) всего на 11 милл. рублей. Наша промышленная техника развита такъ мало, что мы не въ состояніи извлечь минеральныя богатства изъ нѣдръ земли для того, чтобы сдѣлать ихъ предметомъ экспорта. Тогда какъ Германія, напр., вывозитъ каменнаго угля на 100 милл. а Великобританія—на 270 милл. руб. въ годъ, Россія не отправляетъ его и на одинъ милліонъ рублей. Въ связи съ данными о другихъ статьяхъ экспорта это приводитъ насъ къ заключенію, что Россія въ состояніи участвовать въ міровомъ товарообмѣнѣ только продуктами самаго простого физическаго труда, обращаемаго на эксплуатацію силъ природы при помощи той самой сохи, косы, топора и пилы, которыми русскій человѣкъ боролся съ природой еще при царѣ Горохѣ. Въ нашъ вѣкъ машинъ, пара, электричества и интенсивнаго сельскаго хозяйства подобное промышленное вооруженіе страны свидѣтельствуетъ лишь о крайней бѣдности ея населенія.

Разсмотрѣніе свѣдѣній о внѣшней торговлѣ показало, что Россія играетъ въ міровомъ товарооборотѣ роль поставщика жизненныхъ припасовъ, въ меньшей степени—сырыхъ растительныхъ матеріаловъ, т.-е., что въ международныхъ промышленныхъ отношеніяхъ она является представителемъ земледѣльческаго промысла. Къ такому же заключенію о преимущественно земледѣльческомъ характерѣ Россіи приводятъ и данныя всероссійской переписи 1897 г. о занятіяхъ ея населенія.

Населеніе Россійской Имперіи, въ отношеніи занятій, группируется въ переписи по двумъ признакамъ: 1) по числу лицъ, участвующихъ въ той или другой профессіи (т.-е. по числу работающихъ, служащихъ и иными способами получающихъ средства существованія) и 2) по числу живущихъ на доходы отъ того или другого занятія. Первая группа обнимаетъ лицъ, добывающихъ средства существованія; вторая—охватываетъ и работающихъ, и членовъ ихъ семей. Остановимся сначала на второй группѣ.

Перепись 1897 г. опредѣляетъ населеніе Россійской Имперіи въ 125 милліоновъ человѣкъ. По отношенію къ средствамъ существованія это населеніе можно подраздѣлить на слѣдующія группы.

Первая группа не имѣетъ собственныхъ средствъ существованія и состоитъ изъ воспитанниковъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ и больницахъ, изъ арестантовъ и т. п. Къ ней принадлежатъ 853 тыс. человѣкъ или 0,7% всего населенія.

Вторая группа обнимаетъ около 1,5 милл. лицъ (1,2% населенія), живущихъ доходами съ капиталовъ, пенсіями, пособіями родственниковъ и т. п.

Въ третью группу мы относимъ 1,1 млрд. (0,9%) солдатъ, отбывающихъ обязательную воинскую повинность.

Четвертая группа обнимаетъ 3,2 млрд. (2,6%) лицъ слѣдующихъ категорій: лица, живущія на жалованье, доставляемое службой въ государственныхъ учрежденіяхъ (800 тыс.—0,64%); живущія на средства, доставляемыя общественной службой (300 тыс.—0,24%); получающія средства къ жизни удовлетвореніемъ религіозныхъ потребностей народа (800 тыс.—0,64%); живущія на заработки врачей, учителей, адвокатовъ, писателей и лицъ другихъ профессій, удовлетворяющихъ духовныя потребности народа (1,3 милл.—1,04%).

Въ пятую группу входятъ лица (2,2 млрд.—2,6%), живущія на доходы домашней прислуги.

Всѣ эти столь различныя по своему содержанію категоріи населенія имѣютъ то общее, что онѣ не участвуютъ въ производствѣ, торговлѣ и перевозкѣ товаровъ. Онѣ живутъ на заработки, получаемые за услуги, оказываемыя ими государству, обществу или частнымъ лицамъ. Вслѣдствіе ихъ неприкосновенности къ промышленной дѣятельности, эти классы общества называются классами непроизводительными, понимая слово «производительный» въ узкомъ смыслѣ производства матеріальныхъ предметовъ.

Эти такъ называемые непроизводительные классы составляютъ около 9 милл. лицъ или нѣсколько болѣе 7% всего населенія нашей страны.

Шестая, самая многочисленная группа лицъ обнимаетъ всѣхъ тѣхъ, кто почерпаетъ средства существованія отъ дѣятельности по производству и торговлѣ товарами и продуктами потребленія и по участію въ перевозкѣ людей и товаровъ. Эта огромная категорія включаетъ, главнымъ образомъ, представителей физическаго труда и ихъ семьи; но сюда же входятъ хозяева и завѣдующіе промышленными предпріятіями и высшіе ихъ служащіе. Общее число лицъ этой группы — 116 милл. или 93% всего населенія. Разбивая этотъ крупный отдѣлъ на лицъ, живущихъ отъ сельскаго хозяйства и отъ всѣхъ прочихъ отраслей въ совокупности, мы увидимъ, что къ земледѣльческому классу относится около 93 милл. душъ, т.-е. 74% всего населенія, а всѣ прочія отрасли производства, торговля и транспортъ доставляютъ средства жизни 23,7 милліонамъ лицъ или 19% населенія Россійской Имперіи.

Чтобы нагляднѣе представить, въ какомъ видѣ рисуется, согласно переписи 1897 г., составъ нашего населенія по источникамъ его средствъ существованія, мы повторимъ вышеприведенныя данныя въ круглыхъ числахъ.

Изъ каждыхъ ста человѣкъ населенія нашей страны два человѣка получаютъ средства къ жизни, не неся никакого труда, одинъ человѣкъ несетъ обязательную воинскую повинность, одинъ—содержится на жалованье служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, два лица получаютъ средства къ жизни путемъ удовлетворенія потребностей общества (религіозныхъ, врачебныхъ, образовательныхъ и т. п.), не имѣющихъ матеріальнаго характера, и два лица содержатся на жалованье домашней прислуги. Всего непроизводительнаго населенія будемъ считать 8 человѣкъ (въ дѣйствительности его нѣсколько болѣе 7%). Изъ остальныхъ 92 человѣкъ—73 живутъ сельскимъ хозяйствомъ и 19—разными другими промыслами.

Чтобы судить о томъ, какъ отличается въ этомъ отношеніи Россія отъ другихъ европейскихъ государствъ, мы сдѣлаемъ сравненіе съ Германіей—столь же молодой промышленной націей, какъ и Россія.

Согласно переписи 1895 г., изъ 51 милл. населенія Германской Имперіи 7 милліоновъ или 13—14% принадлежало къ непроизводительнымъ классамъ, а 86 — 87% — къ производительнымъ; изъ этихъ же послѣднихъ 18 милл. лицъ или 35% всего населенія получали средства существованія отъ сельскаго хозяйства и 26 милл. лицъ (51%) отъ остальныхъ промысловъ. Изъ каждыхъ ста жителей Германской Имперіи, слѣдовательно, къ непроизводительнымъ классамъ принадлежатъ 14 человѣкъ, т.-е. вдвое больше, чѣмъ въ Россіи; къ классу земледѣльцевъ относится 35 человѣкъ—слишкомъ вдвое меньше, чѣмъ въ Россіи, и къ промышленнымъ классамъ—51 человѣкъ или въ $2^1/_2$ раза болѣе, чѣмъ въ Россіи.

Этихъ данныхъ достаточно для того, чтобы составить общее понятіе о промышленномъ характерѣ нашей страны сравнительно съ Западной Европой; и мы видимъ, что они находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что показали свѣдѣнія о международномъ товарномъ оборотѣ. Согласно этимъ свѣдѣніямъ, Россію надлежитъ отнести къ земледѣльческимъ, а Германію—къ промышленнымъ націямъ. Данныя переписей населенія говорятъ то же самое. Въ Германіи на 35 лицъ земледѣльческихъ классовъ приходится 51 лицо промышленныхъ; число промышленниковъ въ $1^1/_2$ раза превосходитъ число земледѣльцевъ (съ ихъ семьями). Германія, слѣдовательно, рисуется намъ промышленной страной. Въ Россіи на 73 лица земледѣльческихъ классовъ приходится 19 лицъ, принадлежащихъ къ классу промышленному; первыхъ почти въ 4 раза больше, нежели вторыхъ. Россія представляется намъ страной земледѣльческой.

Эти же свѣдѣнія подтверждаютъ и другое заключеніе, напѣянное объемомъ и содержаніемъ внѣшней торговли различныхъ государствъ,—заключеніе о меньшей производительности Россіи, сравнительно съ передовыми европейскими государствами. Подтвержденіе этого заключенія мы находимъ въ томъ, что число лицъ, непричастныхъ къ производительной дѣятельности, въ Германіи относительно вдвое больше, чѣмъ въ Россіи (14% и 7%). Это служитъ признакомъ большей производительности (и зажиточности) Германіи, въ силу того соображенія, что содержатся всѣ эти лица изъ годового продукта страны, и оплачиваются ихъ услуги изъ заработковъ, доходовъ и налоговъ, взимаемыхъ съ остальнаго населенія. Если каждыя сто семей нѣмцевъ содержатъ 14 семей врачей, учителей, писателей, музыкантовъ, чиновниковъ и т. п., а сто семей русскихъ содержатъ всего 7 такихъ семей, то мы съ огромной вѣроятностью можемъ положить, что общая производительность Германіи и зажиточность ея населенія выше производительности и зажиточности населенія Россіи.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло со всѣмъ населеніемъ Россіи, не отдѣляя лицъ, добывающихъ средства существованія, отъ членовъ ихъ семей. Теперь мы перейдемъ къ тому населенію, которое своими заработками, жалованьемъ и доходами разнаго рода доставляетъ средства содержанія зависимымъ отъ него лицамъ. Данныя по этой категоріи населенія должны бы охватить всѣхъ работающихъ, всѣхъ служащихъ и всѣхъ лицъ, какими способами добывающихъ средства существованія. Такой характеръ и имѣютъ свѣдѣнія о занятіяхъ населенія, собираемыя переписями вообще. Но наша первая всероссійская народная перепись почему-то отказалась отъ подсчета всѣхъ лицъ, принимающихъ участіе въ сельскомъ хозяйствѣ, и для крестьянскихъ семей включала въ подсчетъ только хозяина двора или надѣла, а члены семей, участвовавшіе въ земледѣльческихъ работахъ, сосчитывались вмѣстѣ съ неработящими ихъ членами.

Примѣнивъ такую систему учета самодѣятельнаго населенія, перепись

сообщаетъ, что работаютъ, служатъ и другими способами добываютъ средства существованія въ Россіи 33 милліона лицъ обоего пола; а распредѣляются они между тремя крупными категоріями самодѣятельныхъ такимъ образомъ, что къ непроизводительнымъ классамъ принадлежатъ 5,6 милліоновъ лицъ, занимаются сельскимъ хозяйствомъ 18 милліоновъ, а отдаютъ свои силы прочимъ отраслямъ труда 9,5 милліоновъ человѣкъ. Но показанное здѣсь число земледѣльцевъ, какъ мы знаемъ, значительно ниже дѣйствительнаго, и мы попытаемся дать болѣе правильную его цифру.

Всѣхъ самостоятельныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ перепись насчитала 15900 тыс. мужчинъ и 2090 тыс. женщинъ, всего около 18 милліоновъ лицъ. Въ это число включено 1855 тыс. мужчинъ и 753 тыс. женщинъ, заявившихъ, что они работаютъ по найму. Вполнѣ самостоятельныхъ земледѣльцевъ, т.-е. владѣющихъ землей, оказывается, такимъ образомъ, 15397 тыс. Если положить, что въ каждомъ такомъ хозяйствѣ работаетъ, по крайней мѣрѣ, одинъ взрослый мужчина, то общее число мужчинъ, работающихъ на своемъ полѣ, совпадетъ съ указанной выше цифрой, а присоединяя сюда наемныхъ рабочихъ мужчинъ, мы получили бы 17247 тыс. взрослыхъ мужчинъ, участвующихъ въ сельскохозяйственномъ промыслѣ. Но вѣдь многія крестьянскія семьи имѣютъ двухъ и трехъ мужчинъ, занятыхъ хозяйствомъ. Число мужчинъ, обрабатывающихъ землю, должно поэтому превосходить выше исчисленное количество. Правильнѣе будетъ считать, что въ обработкѣ крестьянской земли принимаютъ участіе, въ качествѣ главныхъ рабочихъ, всѣ взрослые мужчины крестьянскихъ семей. То же самое приложимо и ко всей группѣ лицъ, получающихъ средства существованія отъ сельскаго хозяйства. Главными работниками здѣсь являются, конечно, взрослые мужчины; а если такъ, то для приблизительнаго опредѣленія числа мужчинъ, прилагающихъ свой трудъ къ области сельскаго хозяйства, нужно знать, сколько взрослыхъ рабочихъ мужчинъ заключается въ числѣ 93 милліоновъ душъ, живущихъ отъ земледѣлія. Такихъ лицъ (въ возрастѣ 17—59 лѣтъ) насчитывается здѣсь болѣе 22 милліоновъ, и всѣ они, нужно полагать, прилагаютъ свои силы къ землѣ, какъ главные рабочіе. Но мы знаемъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ, кромѣ взрослаго мужчины, принимаютъ участіе мужчины-полурабочіе и женщины. Полурабочихъ мужчинъ (15—16 лѣтъ и старше 59 лѣтъ) среди земледѣльческаго населенія больше 4 милліоновъ, а женщинъ въ возрастѣ 15 лѣтъ и старше—27 милліоновъ. Большая часть тѣхъ и другихъ помогаетъ главнымъ рабочимъ при бороньбѣ, при уборкѣ травъ и хлѣбовъ, въ молотьбѣ; а на женщинахъ лежитъ къ тому же и уходъ за скотомъ. Не будетъ по этому преувеличеніемъ утверждать, что къ сельскому хозяйству въ большей или меньшей степени прилагаютъ руки до 40 милл. лицъ обоего пола. Но мы, конечно, не примемъ всѣхъ этихъ лицъ къ нашему учету. Мы занесемъ въ число земледѣльцевъ лишь тѣхъ лицъ, для которыхъ земледѣліе служитъ главнымъ занятіемъ, т.-е.

22 милліона взрослыхъ мужчинъ и 7,53 тыс. женщинъ, работающихъ въ сельскомъ хозяйствѣ въ качествѣ патроновъ. Въ такомъ случаѣ, число лицъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, опредѣлится приблизительно въ 23 милліона, а все число самостоятельныхъ—почти въ 38 милліоновъ человѣкъ.

Эти 38 милліоновъ лицъ распредѣляются между крупными группами самодѣятельныхъ слѣдующимъ образомъ: къ непроизводительному классу принадлежитъ 3,6 милліоновъ лицъ, или 15% общаго числа самодѣятельныхъ; земледѣліемъ занимается около 23 милліоновъ лицъ или 60%, и остальными промыслами 9,5 милл., т.-е. 25% самодѣятельныхъ.

Для лучшаго выясненія вопроса о занятіяхъ русскаго населенія мы разсмотримъ занятія мужчинъ и женщинъ отдѣльно другъ отъ друга. Основаніемъ къ такому раздѣленію служитъ тотъ фактъ, что главнымъ добытчикомъ средствъ существованія и главнымъ производителемъ товаровъ является мужчина, вовсе почти устранившійся отъ домашняго хозяйства и надзора за семьей, которыя поэтому и лежатъ исключительно на женщинахъ. Вслѣдствіе указаннаго обстоятельства мужчина, какъ общее правило, ищетъ себѣ доходнаго занятія; женщина же въ большинствѣ случаевъ ограничивается выполненіемъ домашнихъ и семейныхъ своихъ обязанностей. По высказаннымъ причинамъ хозяйственный строй націи достаточно опредѣлится, если будетъ изучено распредѣленіе по занятіямъ одного лишь мужского ея населенія. Въ нашемъ же случаѣ особое разсмотрѣніе мужскихъ занятій представляется желательнымъ еще потому, что изъ женскаго трудящагося населенія мы исключили всѣхъ женщинъ, участвующихъ въ земледѣльческихъ работахъ, какъ помощницъ своихъ мужей, братьевъ и отцовъ.

Принимая нашу поправку относительно числа земледѣльцевъ, къ самодѣятельному мужескому населенію нужно отнести около 33 милліоновъ лицъ, распредѣляемыхъ между тремя крупными категоріями слѣдующимъ образомъ: на долю непроизводительныхъ классовъ относится 3,3 милл. лицъ или 10% общаго числа самодѣятельныхъ; сельскимъ хозяйствомъ занимаются 22 милліона человѣкъ или 67% и остальными промыслами, транспортомъ и торговлей—7,7 милл. лицъ, т.-е. 23%. Сельскохозяйственная дѣятельность привлекаетъ, слѣдовательно, 2/3 мужчинъ рабочихъ, избирающихъ себѣ ту или иную профессію.

Разобьемъ на болѣе мелкія группы 3,3 милліона лицъ, не принадлежащихъ къ производительнымъ классамъ. Здѣсь мы найдемъ около 750 мужчинъ (2,3% всего числа самодѣятельныхъ), не занимающихся никакимъ трудомъ; 1,1 милл. лицъ (3,3%), отбывающихъ воинскую повинность; около 400 тысячъ душъ (1,2%), состоящихъ на государственной и общественной службѣ; 600 тыс. (1,8%), принадлежащихъ къ духовенству и свободнымъ профессіямъ, и 450 тыс. (1,3%) человѣкъ, находящихся на домашнемъ услуженіи. Интересно указать численность нѣкоторыхъ болѣе

елкихъ профессій. Въ администраціи, судѣ и полиціи служатъ 223 тыс. человѣкъ; на общественной и сословной службѣ подвизаются 104 тыс. лицъ; участвуютъ въ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей народа 213 тыс. мужчинъ (и 80 тыс. женщинъ), а въ учебной и воспитательной дѣятельности 130 тыс. мужчинъ (и 72 тыс. женщинъ); наукамъ, искусствамъ и литературѣ отдаютъ свои силы 25 тыс. мужчинъ (и 6 тыс. женщинъ). Эти цифры достаточно ярко рисуютъ бѣдность нашей страны интеллигентными силами!

Самодѣятельныхъ женщинъ у насъ около 5 милліоновъ, и распредѣляются онѣ по занятіямъ слѣдующимъ образомъ: 720 тысячъ (15%) живутъ капиталами, пенсіей, находятся въ учебныхъ заведеніяхъ и т. п.; 250 тыс. (5%) служатъ и занимаются свободными профессіями; 1,3 милл. (27%) имѣютъ мѣста домашней прислуги; 1,8 милл. душъ (37%) участвуютъ въ торгово-промышленной дѣятельности и 750 тыс. (16%) нанимаются на работы въ сельскомъ хозяйствѣ. Образуя и здѣсь три крупныя группы, мы увидимъ, что почти половина самостоятельнаго женскаго населенія (47%) принимаетъ участіе въ занятіяхъ, не относящихся къ производству и распредѣленію матеріальныхъ благъ; а изъ другой ея половины 16% занимается сельскимъ хозяйствомъ и 37% — торгово-промышленной дѣятельностью. Это распредѣленіе женскаго населенія по занятіямъ рѣзко отличается отъ того, какое мы наблюдали въ области мужского труда. Тамъ земледѣліе стояло на первомъ планѣ, а занятія, не относящіяся къ производству и распредѣленію товаровъ, на послѣднемъ; здѣсь наблюдается какъ-разъ обратное. Это заключеніе въ отношеніи сельско-хозяйственнаго промысла подлежитъ, однако, измѣненію въ силу того обстоятельства, что мы не принимали въ расчетъ работы крестьянской женщины въ хозяйствѣ ея семьи. Но если приведенныя данныя не даютъ надлежащаго понятія объ участіи женщинъ въ національномъ производствѣ, то они достаточно правильно характеризуются способы пріобрѣтенія женщинами средствъ существованія продажей своей рабочей силы.

Если оставить въ сторонѣ женщинъ не трудящихся, то окажется, что изъ 40 милліоновъ взрослыхъ женщинъ Россіи заработка внѣ собственнаго хозяйства ищутъ 4 милліона женщинъ или 10%. Изъ нихъ 1,8 милл. или 44%, ищущихъ заработка находятъ его въ промышленности и торговлѣ, 1,3 милл. или 32% занимаютъ мѣста домашней прислуги; 750 тыс. или 18% нанимаются на сельскохозяйственныя работы, и лишь 250 тыс. или 6% находятъ себѣ занятіе въ болѣе высокихъ отрасляхъ труда.

Всероссійская перепись населенія даетъ возможность выдѣлить изъ числа трудящихся наемное, собственно, рабочее населеніе. Рабочими или прислугой при переписи показали себя 6335 тыс. мужчинъ и 2822 тыс. женщинъ, всего 9157 тыс. человѣкъ. Это составляетъ менѣе $^1/_5$ части занятыхъ мужчинъ и 70% занятыхъ женщинъ. Весь этотъ наемный персоналъ можетъ быть разбитъ на слѣдующіе главные отдѣлы труда:

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Итого.
Сельско-хозяйственные рабочіе	1855 т.	750 т.	2605 т.
Поденщики и чернорабочіе	810 »	285 »	1095 »
Прислуга домашняя и прочая	750 »	1367 »	2117 »
Промышленность и торговля	2890 »	450 »	3340 »
Итого	6305 т.	2852 т.	9157 т.

Изъ этой таблицы видно, что въ промышленности и торговлѣ занято круглымъ счетомъ 3.3 милл. рабочихъ обоего пола, въ сельскомъ хозяйствѣ — 2.6 милл., между прислугою считаютъ 2.1 милл. лицъ и занимаются чернымъ трудомъ 1.1 милл. человѣкъ. Посмотримъ теперь, какую роль играетъ наемный трудъ въ двухъ крупныхъ отрасляхъ хозяйственной дѣятельности: земледѣліи и торгово-промышленной жизни. Въ сельскомъ хозяйствѣ мы считали принадлежащими къ нему около 22 милл. мужчинъ; изъ этого числа 1855 тыс. или 8.5% принадлежатъ къ числу наемныхъ работниковъ. Въ торгово-промышленной дѣятельности занято 7.7 милл. мужчинъ и 1.3 милл. женщинъ. Въ это число вошли поденщики и чернорабочіе (810 тыс. мужчинъ и 285 тыс. женщинъ) и прислуга на фабрикахъ и заводахъ (294 тыс. мужчинъ и 31 тыс. женщинъ). Исключивъ эти категоріи труда (1104 тыс. мужчинъ и 316 тыс. женщинъ), мы получимъ 6.7 милл. мужчинъ и 1.0 милл. женщинъ, принадлежащихъ къ различнымъ торгово-промышленнымъ профессіямъ. Въ числѣ этихъ лицъ значится наемныхъ рабочихъ 2.9 милл. мужчинъ и 450 тыс. женщинъ. Въ числѣ мужчинъ торгово-промышленнаго класса наемныхъ рабочихъ насчитывается 45%, а въ числѣ женщинъ — 30%.

Этотъ расчетъ наглядно показываетъ, какъ различна у насъ организація сельскохозяйственной и промышленной дѣятельности: въ первой наемные рабочіе не составляютъ и 10% всего числа трудящихся, а въ послѣдней имъ принадлежитъ почти половина всего мужского персонала.

Относительно того, что нами говорено о распредѣленіи населенія по занятіямъ, мы должны высказать слѣдующее замѣчаніе. Сводъ данныхъ общей переписи, которымъ мы пользовались въ своемъ изложеніи, по образцу всѣхъ переписей, группируя населеніе по профессіямъ, имѣетъ въ виду главное занятіе каждаго лица. Но есть многіе, кромѣ главнаго, пробавляются и въ дополнительныхъ заработкахъ, отличныхъ отъ ихъ главной профессіи, и эти побочныя занятія населенія должны найти себѣ мѣсто въ разработкѣ, предпринимаемой Сводомъ собраннаго переписью матеріала. Въ нынѣшнемъ Сводѣ данныхъ переписи это условіе выполнено [illegible]: въ немъ приведены свѣдѣнія о побочныхъ занятіяхъ земледѣльческаго населенія ([illegible]), и отсутствуютъ данныя о побочныхъ занятіяхъ другихъ классовъ общества. Въ числѣ этихъ занятій на первомъ мѣстѣ стоитъ, возможно, земледѣліе.

Что касается побочныхъ заработковъ населенія, получающаго главныя средства существованія отъ сельскаго хозяйства, то торгово-промышленные заработки имѣютъ 3575 тыс. мужчинъ и 2 милл. женщинъ. Въ число побочныхъ занятій земледѣльческаго населенія входятъ и кустарные промыслы, и лѣсные, и строительныя работы, и извозъ, и торговля и т. д. Въ числѣ лицъ, обращающихся къ такимъ заработкамъ, имѣются, конечно, и лица, работающія по найму предпринимателей.

ГЛАВА IV.

Поземельная собственность въ Россіи.

Ознакомившись съ общимъ характеромъ хозяйственнаго быта Россіи, мы приступимъ къ болѣе подробному изученію ея сельскохозяйственныхъ и промышленныхъ отношеній. Начнемъ съ основного факта соціальнаго строя: размѣровъ и формъ землевладѣнія.

До 1861 г. въ Европейской Россіи существовало, главнымъ образомъ, два вида поземельной собственности: государственная и дворянская. И та, и другая категорія собственности обнимала, между прочимъ, земли, находившіяся въ пользованіи крестьянъ: государственныхъ, съ одной стороны, помѣщичьихъ—съ другой. Нѣкогда государство считало своею собственностью почти всю территорію Россіи, а дворянскія владѣнія образовались, главнымъ образомъ, путемъ отведенія служилымъ людямъ, вмѣсто жалованья, государственныхъ земель и путемъ пожалованія земельныхъ имуществъ за особыя заслуги государству и услуги правителямъ. Первоначально отчодимыя служилому сословію помѣстья находились во временномъ и условномъ его владѣніи, а затѣмъ были обращены въ полную собственность дворянъ, несмотря на то, что сами дворяне были освобождены отъ обязательной службы. Въ послѣдующее время дворянскія имѣнія распространялись путемъ пожалованія царскимъ фаворитамъ и чиновникамъ населенныхъ казенныхъ имѣній. Въ до-реформенныя времена помѣщичьи имѣнія обрабатывались почти исключительно крѣпостнымъ трудомъ; поэтому ненаселенныя имѣнія цѣнились очень низко. А такъ какъ владѣніе крестьянами было разрѣшено лишь лицамъ дворянскаго сословія, то не-дворяне пріобрѣтали мало земель, и частная недворянская собственность наканунѣ крестьянской реформы не составляла, вѣроятно, и 10 милліоновъ десятинъ.

Какъ сказано выше, государственная и дворянская собственность

обнимала и тѣ земли, на которыхъ жили и которыя обрабатывали въ свою пользу крестьяне. Крестьяне помѣщичьи состояли въ крѣпостной зависимости отъ владѣльцевъ. Крестьяне государственные числились свободными, но находились въ большой зависимости отъ административныхъ учрежденій министерства государственныхъ имуществъ, которое считало нужнымъ опекать ихъ, поощрять и даже наказывать, какъ малыхъ, неразумныхъ ребятъ. Въ земельномъ отношеніи положеніе помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ было не одинаково. Законъ не налагалъ на владѣльцевъ крѣпостныхъ никакихъ опредѣленныхъ обязательствъ. Было только запрещено продавать крестьянъ безъ земли и требовать отъ нихъ больше трехъ дней (въ недѣлю) барщины. Но владѣльцы въ собственныхъ интересахъ должны были отводить крѣпостнымъ такое количество земли, чтобы крестьяне могли отъ нея кормиться. А гдѣ владѣльцы не заводили собственной запашки, они предоставляли крѣпостнымъ пользоваться чуть не всѣми своими сельскохозяйственными угодьями. Доходъ владѣльцевъ такихъ имѣній заключался въ денежномъ оброкѣ, который они взимали съ крестьянъ, и размѣры коего не были установлены закономъ. Государственные крестьяне большей части губерній (малоземельныхъ) пользовались почти всѣми сельскохозяйственными казенными угодьями и платили правительству (кромѣ общаго подушного налога), какъ бы за пользованіе его землями, опредѣленный, для каждой губерніи одинаковый, подушный оброкъ.

Когда пробилъ часъ преобразованія крѣпостного быта, крестьяне были освобождены отъ прежней зависимости и обращены въ особое, однородное сословіе. Земли, отведенныя въ ихъ пользованіе, были рѣзко отграничены отъ государственныхъ и помѣщичьихъ, и, на ряду съ двумя вышеназванными категоріями земельной собственности, появилась третья крупная категорія землевладѣнія—надѣльныя крестьянскія земли. Надѣльное землевладѣніе образовалось, слѣдовательно, не путемъ частныхъ гражданскихъ сдѣлокъ. Оно было создано (вѣрнѣе, оформлено и регулировано) властью, руководившеюся при этомъ важными государственными интересами. Участіе правительства въ установленіи надѣльнаго землевладѣнія выразилось въ опредѣленіи нормы надѣла, въ указаніи условій перехода земли изъ рукъ прежнихъ собственниковъ къ крестьянамъ и въ посредничествѣ между сторонами по выкупу одною изъ нихъ земельныхъ угодій.

Принявъ близкое участіе въ образованіи надѣльнаго землевладѣнія—руководствуясь сознаніемъ важности обезпеченія освобождаемому народу условій для самостоятельнаго веденія сельскохозяйственнаго промысла, правительство, естественно, временно наложило на крестьянъ ограниченія права распоряженія землею и запретило ея продажу. Помимо цѣли предупрежденія обезземеленія крестьянъ въ первое время свободнаго ихъ состоянія, эти ограниченія имѣли еще въ виду обезпечить исправное погашеніе крестьянами правительственной ссуды по выкупу ихъ земель. Вслѣдствіе

всѣхъ этихъ условій надѣльное крестьянское землевладѣніе представляетъ особую категорію земельной собственности. Ограниченія снимаются съ надѣльныхъ земель послѣ уплаты крестьянами долга правительству по выкупу послѣднихъ. Въ силу закона объ отмѣнѣ выкупныхъ платежей, ограниченія права собственности крестьянъ на надѣльныя земли упраздняются съ 1907 г. Но какія формы приметъ послѣ того крестьянское землевладѣніе—сказать трудно, такъ какъ нынѣ самимъ народомъ поставленъ на очередь вопросъ о коренномъ преобразованіи аграрнаго строя Россіи.

Поземельная собственность крестьянъ создалась не сразу. Первоначальными Положеніями о крестьянахъ установлена была сразу поземельная собственность только удѣльныхъ крестьянъ, которые, по закону 26 іюня 1863 г., по истеченіи 2 лѣтъ послѣ его обнародованія, поступали въ разрядъ крестьянъ-собственниковъ съ обязательствомъ вносить въ теченіе 49 лѣтъ выкупные за отведенныя имъ земли платежи. Положеніями 19 февраля 1861 г. и 27 іюня 1862 г. о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, земля отводилась крестьянамъ въ постоянное, за опредѣленныя помѣщику повинности, пользованіе; обращеніе же ея въ собственность крестьянъ поставлено было въ зависимость отъ согласія владѣльца. Обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами въ литовскихъ, бѣлорусскихъ и юго-западныхъ губерніяхъ съ господствомъ крупнаго польскаго землевладѣнія, въ виду политическихъ условій того времени (польское возстаніе), были прекращены, и крестьяне переведены на выкупъ указами 1 марта, 30 іюля и 2 ноября 1863 г., причемъ отведеніе крестьянамъ земель и выкупная операція были произведены на очень выгодныхъ для крестьянъ условіяхъ. Въ остальной Россіи, гдѣ земля для выкупа (особенно въ нечерноземной полосѣ) была оцѣнена значительно выше ея рыночной стоимости, помѣщики сами спѣшили прекратить временно-обязанныя отношенія къ нимъ своихъ бывшихъ крестьянъ и соглашались на выкупъ послѣдними отведенной имъ земли; помѣщики нечерноземныхъ губерній въ широкихъ размѣрахъ воспользовались при этомъ предоставленнымъ имъ правомъ переводить крестьянъ на выкупъ, не спрашивая ихъ согласія. Около 1 милл. ревизскихъ душъ помѣщичьихъ крестьянъ, еще остававшихся во временно-обязанныхъ отношеніяхъ, были съ 1 января 1883 г. переведены на выкупъ закономъ 28 декабря 1881 г. Государственные крестьяне 9 западныхъ губерній были переведены на выкупъ въ 1867 г., а всѣхъ прочихъ — въ 1887 г.

Результатомъ крестьянской реформы было распредѣленіе главной части территоріи Россіи на три крупныхъ категоріи собственности: государственную, дворянскую и надѣльную крестьянскую. Но этими категоріями не обнимаются всѣ виды поземельной собственности Россіи. Наши казачьи войска имѣютъ крупныя площади земли, большая часть которыхъ находится въ надѣлѣ казачьихъ станицъ, меньшая часть составляетъ войсковой за-

пасъ, и еще меньшая распредѣлена между казачьими офицерами и чиновниками. Только эта послѣдняя часть войсковой территоріи и можетъ быть отнесена къ категоріи частной поземельной собственности. Земельныя владѣнія имѣютъ наши города, монастыри и церкви. Въ восточныхъ губерніяхъ находятся земли инородцевъ (башкировъ, калмыковъ и др.). Въ Полтавской и Черниговской губ. насчитывается нѣсколько сотъ тысячъ крестьянъ потомковъ казаковъ, владѣющихъ землями. Въ нѣкоторыхъ южныхъ и приволжскихъ губерніяхъ поселены выходцы изъ-за границы (колонисты), получившіе землю отъ государства. Въ нѣкоторыхъ, преимущественно западныхъ губерніяхъ, на помѣщичьихъ земляхъ жили крестьяне-арендаторы, которые понемногу выкупаютъ, при посредствѣ правительства, земли, состоящія въ ихъ пользованіи. На особомъ положеніи было устроено землевладѣніе бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя мелкія категоріи землевладѣнія, мы закончимъ перечисленіе видовъ поземельной собственности Европейской Россіи напоминаніемъ о томъ, что въ моментъ крестьянской реформы, кромѣ частной дворянской собственности, находилось еще нѣсколько милліоновъ частной собственности лицъ другихъ сословій.

Если выдѣлить землевладѣніе казачьихъ войскъ и инородческое, то въ Европейской Россіи (не считая Царства Польскаго и Кавказа) слѣдуетъ различать четыре категоріи земельной собственности: государственную, (вмѣстѣ съ удѣльной), частновладѣльческую, крестьянскую надѣльную (вмѣстѣ съ землей прибалтійскихъ крестьянъ, черниговскихъ казаковъ, колонистовъ и т. п.) и различныхъ учрежденій (города, церкви, монастыри). Согласно изслѣдованію 1887 гг., территорія 48 губерній Европейской Россіи (не считая Донской области и Астраханской губ.) распредѣлялась между этими видами собственности слѣдующимъ образомъ:

государственная	1550 милл.	дес.	41%
крестьянская	1115 »	»	31 »
частновладѣльч.	1000 »	»	26 »
разн. учрежд.	77 »	»	22 »
Итого	3372 милл.	дес.	100%

Таблица эта показываетъ, что нѣсколько болѣе $^{22}/_{55}$ территоріи Россіи принадлежитъ государству, $^{11}/_{44}$ часть—частнымъ владѣльцамъ и около $^{11}/_{33}$ составляетъ крестьянскую надѣльную собственность. Въ моментъ крестьянской реформы частными собственниками земли были почти исключительно дворяне; владѣнія лицъ прочихъ сословій не превосходили 100 милліоновъ десятинъ. Переходъ земель въ руки неофиціальныхъ сословій получилъ возможность широкаго развитія послѣ того, какъ земля, вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, пріобрѣла самостоятельную цѣнность, и когда у насъ началась усиленная вырубка лѣсовъ, привлекшая къ себѣ вниманіе

капиталистовъ. Въ теченіе протекшихъ съ момента реформы 45 лѣтъ дворяне продали въ руки разныхъ сословій около половины своихъ владѣній. О современномъ распредѣленіи частнаго землевладѣнія можно составить довольно правильное понятіе по даннымъ объ обложеніи земель земскими сборами, въ 1900 году. Такими сборами облагаются, какъ извѣстно, лишь земли удобныя, т.-е. способныя приносить доходъ. Изъ 102 милл. десятинъ обложенной частновладѣльческой земли дворянамъ принадлежало 54 милл. дес. или 53%, а лицамъ прочихъ сословій—48 милл. дес. Въ числѣ этой послѣдней земли заслуживаетъ особаго вниманія земля, пріобрѣтенная лицами крестьянскаго сословія. Въ 1861 г. крестьяне, на правахъ полной собственности, владѣли приблизительно тремя милліонами десятинъ. Черезъ 40 лѣтъ въ ихъ владѣніи оказывается уже 20 милл. десятинъ; площадь ихъ частнаго землевладѣнія возросла, такимъ образомъ, на 17 милл. дес. Въ руки крестьянъ перешло безъ малаго половина той земли, какая выскользнула въ этотъ періодъ изъ рукъ дворянскаго сословія. Но, конечно, далеко не вся эта земля попала въ руки лицъ, въ потѣ лица добывающихъ хлѣбъ свой.

Послѣднее замѣчаніе приводитъ къ постановкѣ вопроса о распредѣленіи частновладѣльческихъ и надѣльныхъ земель по размѣрамъ отдѣльныхъ имѣній и участковъ. Освѣтить, однако, этотъ вопросъ мы можемъ только приблизительно. Это относится, главнымъ образомъ, къ категоріи частнаго землевладѣнія; что же касается надѣльной земли—она распредѣляется между участниками въ ея пользованіи такими мелкими участками, что почти сплошь должна быть зачислена въ разрядъ мелкаго владѣнія. По вопросу о распредѣленіи между собственниками земли частнаго владѣнія мы можемъ привести сколько-нибудь полныя свѣдѣнія лишь для 1877 г. 92 милл. десятинъ частныхъ владѣній того времени (не считая 1775 тыс. дес., принадлежавшихъ коммерческимъ обществамъ и компаніямъ, и 763 тыс. дес., купленныхъ крестьянскими обществами) распадались по площадямъ отдѣльныхъ владѣній слѣдующимъ образомъ:

Разряды владѣній							
до 50 дес.	51 — 100 дес.	101 — 500 дес.	501 — 1000 дес.	1001 — 5000 дес.	5001 — 10000 дес.	свыше 10000 дес.	Всего
Проценты въ нихъ земли							
4,6	2,2	12,4	10,2	30,1	10,8	29,7	100

Разсмотрѣніе этой таблицы показываетъ, что мелкому землевладѣнію (лишь немного превышающему трудовую норму) принадлежала въ 1877 г. ничтожная площадь (4,6%) нашего частнаго землевладѣнія; это послѣднее поэтому мы должны характеризовать какъ землевладѣніе среднее и крупное. Относя къ среднему землевладѣнію участки отъ 100 до 1000 дес., мы увидимъ, что на ихъ долю приходилось около 23% частной собственности. Что же касается владѣній, превышающихъ 1000 дес., таковыя охватывали цѣлыхъ 70% площади частнаго землевладѣнія, причемъ настоящія латифундіи—имѣнія свыше 10000 дес.—занимали 30% площади частнаго землевладѣнія. На долю этихъ громадныхъ имѣній приходилось въ 1877 г. больше 27 милл. дес., и составляли онѣ собственность всего 924 лицъ. Каждый собственникъ владѣлъ такимъ образомъ въ среднемъ 29 тыс. дес. Дѣйствительные размѣры земельнаго имущества отдѣльныхъ лицъ превышали, однако, указанныя числа, потому что лица, владѣвшія землею въ разныхъ уѣздахъ, считались за разныхъ собственниковъ.

Эти данныя относятся къ 1877 г. Съ тѣхъ поръ составъ частной поземельной собственности потерпѣлъ измѣненія въ смыслѣ увеличенія числа мелкихъ и сокращенія крупныхъ владѣній. Въ этомъ направленіи вліялъ на поземельную собственность естественный фактъ раздѣла имѣній между наслѣдниками. Но въ томъ же направленіи дѣйствовало и весьма выраженное стремленіе крестьянъ пополнить недостатокъ надѣльной земли покупкой частновладѣльческихъ угодій. Покупки эти совершались и единолично мелкими участками, и товариществами домохозяевъ или даже цѣлыми сельскими обществами, въ каковомъ случаѣ купленное имѣніе распредѣлялось между членами товарищества или общества соотвѣтственно внесеннымъ ими деньгамъ. Такой способъ дополненія земельныхъ участковъ земледѣльцевъ доступенъ былъ, конечно, болѣе состоятельнымъ крестьянамъ. Съ 1883 г. на помощь крестьянамъ пришелъ вновь учрежденный государственный крестьянскій банкъ, и при его посредствѣ крестьянами, въ числѣ около милліона домохозяевъ, пріобрѣтено до 7 милл. дес., что составляетъ въ среднемъ около 7 дес. на домохозяина. Мелкими участками крестьяне и лица другихъ сословій пріобрѣтали землю и при посредствѣ частныхъ банковъ. И такъ какъ расширеніе мелкаго землевладѣнія происходило, главнымъ образомъ, на счетъ дворянскихъ имѣній, которыя, говоря вообще, отличаются крупными размѣрами, то составъ частнаго землевладѣнія со времени 1877 г. долженъ былъ значительно измѣниться въ смыслѣ увеличенія площади мелкихъ и уменьшенія площади крупныхъ владѣній. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, какъ распредѣляется частная собственность по величинѣ отдѣльныхъ владѣній въ настоящее время; но мы можемъ составить приблизительное понятіе о распространеніи самыхъ мелкихъ и самыхъ крупныхъ частныхъ владѣній.

Считая земли, пріобрѣтенныя при посредствѣ крестьянскаго банка,

принимая во вниманіе свѣдѣнія относительно общественныхъ и мелкихъ единоличныхъ покупокъ земли безъ посредства государственнаго банка и сообразуясь съ тѣмъ, какъ распредѣлена была крестьянская частная собственность въ 1877 г., можно съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ допустить, что мелкой полной частной собственности принадлежитъ въ настоящее время около 15 милл. десятинъ. Что касается вопроса о современномъ распространеніи крупнаго землевладѣнія, то хотя и на него мы не можемъ дать опредѣленнаго отвѣта, у насъ есть все-таки данныя, свидѣтельствующія о томъ, что крупныя владѣнія и въ настоящее время занимаютъ значительную площадь земли. Крупными размѣрами, судя по даннымъ 1877 г., отличаются дворянскія и особенно купеческія владѣнія. Дворянская собственность сокращается изъ года въ годъ, но часть ея переходитъ въ руки купцовъ и въ настоящее время двумъ названнымъ сословіямъ вмѣстѣ принадлежитъ, вѣроятно не менѣе $^2/_3$ общей площади частныхъ владѣній. Можно бы ожидать, что въ средѣ самихъ этихъ категорій землевладѣнія совершается процессъ раздробленія крупныхъ имѣній, но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, слѣдуетъ заключить, что этотъ процессъ идетъ довольно медленно. Такъ, изъ данныхъ, касающихся дворянскаго землевладѣнія въ 1896 г., видно, что на долю имуществъ площадью свыше 5000 десятинъ, въ 1877 г. приходилось 43,5% всѣхъ дворянскихъ владѣній, а въ 1896 г.—40,4%. Площадь крупныхъ дворянскихъ владѣній не сократилась (относительно, конечно) за протекшія между двумя изслѣдованіями 18 лѣтъ и на $^1/_{10}$, а средняя величина крупнаго имѣнія даже увеличилась на 1000 десятинъ. Мы въ правѣ поэтому принимать, что наше крупное землевладѣніе сохраняетъ и въ настоящее время характеръ латифундій, присущій ему потому, что крупныя дворянскія имѣнія образовались не путемъ пріобрѣтенія покупкой и постепеннаго сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ многихъ сравнительно мелкихъ участковъ, а вслѣдствіе пожалованія царскимъ фаворитамъ огромныхъ площадей государственныхъ земель. Въ новѣйшее время очень крупными владѣльцами становятся лица купеческаго сословія, пріобрѣтающія дворянскія имѣнія, главнымъ образомъ, для эксплуатаціи лѣсовъ и для сахарныхъ заводовъ.

Подобно тому, какъ голый итогъ площади крупнаго землевладѣнія, безъ подраздѣленія на разряды имѣній, не даетъ правильнаго понятія о характерѣ послѣдняго, такъ и простое указаніе на то, что въ Европейской Россіи имѣется 115 милл. дес. надѣльной земли, недостаточно для того, чтобы считать вопросъ о нашемъ мелкомъ землевладѣніи совершенно выясненнымъ. Данная площадь надѣльной земли можетъ очень разнообразно распредѣляться между отдѣльными владѣльцами, и передъ нами возникаетъ поэтому вопросъ о распредѣленіи площади крестьянскихъ надѣловъ по размѣрамъ семейныхъ участковъ. Отвѣта на этотъ вопросъ мы не имѣемъ; но это не лишаетъ насъ возможности составить нѣкоторое понятіе о разно-

образіи размѣровъ семейныхъ крестьянскихъ участковъ и о степени обезпеченности землей различныхъ группъ крестьянскаго населенія. Возможность составленія нѣкотораго понятія по указаннымъ предметамъ мы почерпаемъ изъ того, что въ большинствѣ случаевъ земля крестьянамъ отводилась на цѣлыя общества на основаніи опредѣленныхъ душевыхъ нормъ и распредѣлялась между семьями по числу состоявшихъ въ нихъ душъ. Зная эти нормы, мы можемъ, по крайней мѣрѣ, судить о томъ—велико ли возможное разнообразіе семейныхъ участковъ, и велико ли должно быть число малоземельныхъ крестьянскихъ семей. Ниже приводятся свѣдѣнія о душевыхъ надѣлахъ бывшихъ государственныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, получившихъ землю на 20 милл. 487 тыс. ревизскихъ душъ мужского пола.

Душевой надѣлъ на ревизскую душу									
менѣе 1 дес.	1—2 дес.	2—3 дес.	3—4 дес.	4—6 дес.	6—8 дес.	8—10 дес.	10—15 дес.	болѣе 15 дес.	Всего
тысячъ ревизскихъ душъ									
630	1665	3780	4448	5812	2295	1015	663	180	20487
процентъ ревизскихъ душъ									
3,1	8,2	18,4	21,7	28,4	11,2	4,9	3,3	0,9	100

Читатель видитъ, какъ разнообразны должны быть семейные участки крестьянъ. Душевые надѣлы колеблются отъ доли одной десятины до 15 дес. и выше. Надѣлы менѣе десятины и около десятины принадлежатъ преимущественно крестьянамъ, согласившимся получить отъ своихъ бывшихъ владѣльцевъ въ даръ $^1/_{44}$ часть назначеннаго для данной мѣстности высшаго надѣла. Надѣлы въ 8 дес. и болѣе принадлежатъ, главнымъ образомъ, бывшимъ государственнымъ крестьянамъ многоземельныхъ степныхъ или сѣверныхъ лѣсныхъ губерній. Вообще слѣдуетъ имѣть въ виду, что размѣръ душевого надѣла или—что почти одно и то же—степень земельнаго обезпеченія населенія опредѣляется двумя факторами: юридическимъ разрядомъ крестьянъ и скученностью населенія. Въ общемъ, государственные крестьяне имѣютъ наибольшіе, а помѣщичьи наименьшіе надѣлы; въ центральныхъ, густо населенныхъ губерніяхъ надѣлы крестьянъ мельче; въ южныхъ, восточныхъ и сѣверныхъ рѣже населенныхъ областяхъ—крупнѣе. Въ среднемъ для цѣлыхъ губерній площадь душевого надѣла колеблется отъ 2,5 дес. въ Полтавской до 24 дес. въ Олонецкой губерніи; но бывшіе помѣщичьи крестьяне Полтавской губерніи получили, въ среднемъ, всего 1,7 дес. на ревизскую душу. Это—самый низкій средній погубернскій надѣлъ.

Земля, отнесенная въ категорію частныхъ владѣній, въ большей ея части находится въ полной частной собственности. Но въ сѣверо-восточныхъ (преимущественно Пермской) губерніяхъ крупныя площади земли при-

надлежатъ частнымъ лицамъ на правахъ ограниченнаго владѣнія. Это такъ называемыя посессіонныя земли, приписанныя къ горнымъ заводамъ со спеціальной цѣлью служить интересамъ этихъ послѣднихъ. Заводы съ приписанными къ нимъ землями и обитавшими на послѣднихъ крестьянами были переданы правительствомъ въ разное время крупнымъ купцамъ (Демидову, Строганову и другимъ) и дворянамъ, въ видахъ развитія горной промышленности. Земли эти не могутъ быть дробимы между наслѣдниками, равно какъ и при переходѣ ихъ изъ рукъ въ руки иными путями; на такой переходъ, кромѣ того, требуется, разрѣшеніе горнаго департамента и Сената.

Надѣльная земля принадлежитъ крестьянамъ на правахъ подворнаго или общиннаго владѣнія. И та, и другая формы развились исторически. Общинное владѣніе сдѣлалось господствующимъ въ раіонѣ московскаго государства и распространялось вмѣстѣ съ русскимъ населеніемъ на вновь колонизуемыя пространства. Подворное владѣніе землей установилось въ областяхъ, находившихся подъ властью Польши, Литвы и Ливонскаго ордена. Юридически распространеніе обѣихъ формъ крестьянскаго землевладѣнія опредѣлено положеніями о крестьянахъ и другими узаконеніями. Согласно этимъ законамъ общинное владѣніе распространяется въ различныхъ губерніяхъ на различныя площади надѣльной земли. Въ польскихъ и литовскихъ губерніяхъ общинное владѣніе вовсе отсутствуетъ; въ юго-западныхъ и Полтавской губерніяхъ оно распространяется на 5—20% площади крестьянской земли; въ Курской, Черниговской и Витебской—на 40—60%; въ Могилевской, Орловской, Тульской, Архангельской, Херсонской и Таврической губерніяхъ—на 70—90%; на всемъ же остальномъ громадномъ пространствѣ Имперіи къ востоку отъ названныхъ губерній въ общинномъ владѣніи состоитъ болѣе 9/10 крестьянской земли. Изъ 110 милл. дес. крестьянской земли въ 48 губерніяхъ Европейской Россіи въ общинномъ владѣніи находится 88 милл. дес., въ подворномъ—22 милл. дес.

Но юридическое распространеніе общиннаго землевладѣнія не совпадаетъ съ фактическимъ, такъ какъ въ дѣйствительности въ раіонѣ общиннаго землевладѣнія существуетъ цѣлый рядъ переходныхъ ступеней отъ настоящаго общиннаго къ подворному владѣнію. Эти переходныя ступени не представляютъ чего-либо устойчиваго и вполнѣ опредѣлившагося. Онѣ измѣняются въ ту и другую сторону подъ вліяніемъ различныхъ факторовъ, и общинное въ нихъ начало то какъ бы потухаетъ, то вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ.

Общинная земля, по постановленію схода домохозяевъ, можетъ быть періодически перераспредѣляема между членами общины, въ видахъ уравнительнаго пользованія ею. Въ до-реформенныя времена общіе передѣлы пріурочивались къ переписямъ податного населенія (ревизіямъ), устанавливавшимъ число душъ мужского пола, которыя, какъ извѣстно, облагались подушнымъ въ пользу государства налогомъ. По этимъ душамъ обыкновенно распре-

дѣлялась и общинная земля. Переписи повторялись черезъ 10—15 лѣтъ, и послѣдняя была произведена въ 1858 г. Послѣ освобожденія крестьянъ ревизіи не производились, но и не было объявлено объ ихъ прекращеніи. Это внесло большую путаницу въ поземельныя отношенія крестьянъ-общинниковъ, но и облегчило, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность измѣненія общинныхъ распорядковъ, въ зависимости отъ столкнувшихся интересовъ различныхъ членовъ общины.

Среди государственныхъ крестьянъ, привыкшихъ въ общинѣ къ переделамъ земли, уравнительная тенденція восторжествовала, и, несмотря на отсутствіе ревизій, переделы послѣ реформы осуществлялись почти всюду. Иное слѣдуетъ сказать о бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ. Они и при крѣпостномъ правѣ, по крайней мѣрѣ, въ барщинныхъ имѣніяхъ, въ сущности не знали общины, такъ какъ отведеніе новому работнику земли происходило по распоряженію помѣщика. Послѣ освобожденія крестьянъ переделы земли очень долгое время совсѣмъ не производились тамъ, гдѣ земля дѣлилась крестьянами, и всякій крѣпко за нее держался. Внесеніе выкупа за землю и юридическое наименованіе крестьянъ (выкупившихъ надѣлы) «собственниками» вызывало въ умахъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ представленіе, что они получаютъ землю въ личную собственность, и это представленіе отражалось на отношеніи къ состоявшимъ въ ихъ пользованіи участкамъ общинной земли. Но въ послѣднія двадцать лѣтъ и въ этой группѣ населенія начинаютъ проявляться уравнительныя тенденціи, возникаетъ борьба между приверженцами и противниками переделовъ, и мѣстами дѣло оканчивается осуществленіемъ послѣднихъ.

Но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ почвы плохи и лежащіе на крестьянахъ платежи не покрывались доходами земли, бывшіе помѣщичьи крестьяне, во избѣжаніе накопленія недоимокъ, лежавшихъ на отвѣтственности сельскаго общества, съ первыхъ же лѣтъ свободной жизни должны были сообразовать платежи своихъ членовъ съ ихъ производительными силами. Всѣ платежи, лежавшіе на общинѣ, перелагались ею на землю, и земля-то и распредѣлялась между домохозяевами соотвѣтственно ихъ производительнымъ средствамъ. Главнымъ же производительнымъ источникомъ трудящагося человѣка является его рабочая сила. По этому признаку, т.-е. по рабочему составу домохозяевъ или, говоря иначе, по производительной нормѣ, и развёрстывалась земля (а съ нею и подати) какъ бывшими помѣщичьими, такъ и государственными крестьянами тѣхъ районовъ, гдѣ земля не окупала платежей, и крестьяне не стремились получить въ пользованіе возможно большую площадь обремененнаго налогами надѣла. Рабочая сила домохозяевъ не оставалась долго неизмѣнной. Въ однѣхъ семьяхъ подростали новые рабочіе, въ другихъ — умирали старые; вмѣстѣ съ этимъ измѣнялись и производительныя средства домохозяевъ; это происходило изъ года въ годъ. Поэтому уравненіе землепользованія по рабочимъ силамъ требовало постоян-

наго перераспредѣленія земли между домохозяевами, но не между всѣми, а между тѣми, гдѣ произошли убыль и прибыль рабочихъ силъ. Уравненіе здѣсь достигалось поэтому не путемъ общаго передѣла, повторяемаго черезъ болѣе или менѣе длинные промежутки времени, а путемъ частныхъ передѣловъ, производимыхъ по мѣрѣ надобности.

Тамъ, гдѣ земля покрывала съ избыткомъ лежавшіе на крестьянахъ платежи, и каждый членъ общины готовъ былъ получить ее въ пользованіе въ возможно бо́льшемъ количествѣ, распредѣленіе общинной земли преслѣдовало цѣль дать каждой семьѣ участокъ, соотвѣтствующій ея потребностямъ. Первоначально мѣрою потребностей въ землѣ служило число душъ мужского пола—система, унаслѣдованная отъ до-реформенныхъ временъ. Но съ теченіемъ времени въ крестьянскомъ населеніи стала развиваться идея о правѣ на землю и лицъ женскаго пола, и разверстка земли по «ѣдокамъ», т.-е. по душахъ обоего пола, получаетъ болѣе и болѣе широкое распространеніе. Системы разверстки общинной земли по численному составу семей—принимались ли при этомъ во вниманіе только лица мужского или обоего пола — получили въ литературѣ наименованіе системъ разверстки по нормѣ потребительной.

Описанныя системы разверстки общинной земли—по потребительной и по производительной нормѣ—выражаются въ дѣйствительной жизни не только раздѣлами между семьями земли по числу работниковъ, съ одной стороны, по числу мужскихъ или обоего пола душъ—съ другой. Въ дѣйствительной жизни существуетъ цѣлая масса переходныхъ ступеней отъ одной системы къ другой. Разнообразіе системъ разверстки общинной земли обусловливается многими обстоятельствами. Здѣсь играетъ роль отсутствіе рѣзкой разницы между общинами, гдѣ земля очевидно не окупаетъ лежащихъ на крестьянахъ платежей, и общинами, гдѣ она приноситъ чистый доходъ; здѣсь замѣчается вліяніе борьбы интересовъ и борьбы идей, и, пока новая идея—о разверсткѣ земли по душамъ обоего пола—получитъ всеобщее признаніе, она осуществляется въ практикѣ общинной жизни въ неполномъ видѣ; здѣсь, наконецъ, оказываетъ вліяніе и недостатокъ у крестьянъ земли, побуждающій общину, признавшую опредѣленный принципъ разверстки, допускать извѣстныя ограниченія въ практическомъ его примѣненіи.

Согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Кочаровскимъ относительно 35 губерній Европейской Россіи, гдѣ сосредоточена основная масса крестьянъ-общинниковъ, и обнимающимъ половину населенія этихъ губерній, 45 милл. десятинъ земли бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ, о которыхъ получены свѣдѣнія, распредѣляются по системѣ разверстки слѣдующимъ образомъ:

1) 16,4% всей земли принадлежитъ общинамъ, еще не производившимъ послѣ крестьянской реформы уравненія земли;

2) 4,6% земли находится въ общинахъ съ непредѣлившимся результатомъ попытокъ къ передѣламъ;

3) въ общинахъ, владѣющихъ въ совокупности 6,3% всей надѣльной земли, замѣчаются слабыя попытки введенія уравнительнаго пользованія ею;

4) на территоріи общинъ, охватывающей 12,1% крестьянскихъ земель, существуютъ регулярные передѣлы по неопредѣленнымъ и смѣшаннымъ системамъ;

5) въ общинахъ, владѣющихъ въ совокупности 11,8% надѣльной земли, введено регулированіе землепользованія крестьянъ по рабочимъ силамъ семей; и, наконецъ,

6) на территоріи, охватывающей почти половину (48,8%) площади надѣловъ бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ, земли регулярно распредѣляются между семьями по потребительной нормѣ.

Въ 1893 г. изданъ былъ законъ, ограничивающій право общинъ постановлять приговоры о передѣлахъ земли. Этимъ закономъ срокъ между передѣлами установленъ былъ не менѣе 12 лѣтъ; частные передѣлы запрещены; приговоры общинъ о передѣлѣ подлежали разсмотрѣнію уѣзднаго начальства, которому предоставлялось отмѣнять ихъ, если, по его мнѣнію, приговоръ нарушаетъ законъ, интересы общества или права отдѣльныхъ членовъ послѣдняго. Законъ этотъ внесъ большую путаницу въ развитіе поземельныхъ отношеній и побудилъ населеніе прибѣгать къ ряду уловокъ, чтобы уклониться отъ фактическаго его примѣненія.

Разверстка общинной земли преслѣдуетъ цѣль уравненія членовъ общины въ пользованіи землею не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніяхъ. Община стремится къ тому, чтобы каждая семья получила площадь, соотвѣтствующую ея производительнымъ силамъ или потребительнымъ способностямъ; и она же заботится, чтобы качество и другія свойства ея владѣній были распредѣлены между всѣми равномѣрно. Для достиженія этой послѣдней цѣли община разбиваетъ свою землю на участки, различающіеся по качеству или по отдаленности отъ усадьбы, и нарѣзаетъ всѣмъ домохозяевамъ полосы въ каждомъ изъ этихъ участковъ. Земля очень многихъ общинъ представляетъ такое разнообразіе достоинствъ, что и при помощи описанныхъ мѣръ нѣтъ возможности уравнять владѣнія отдѣльныхъ лицъ въ качественномъ отношеніи. Въ этихъ случаяхъ община уравниваетъ своихъ членовъ, пересаживая ихъ съ однихъ участковъ на другіе съ разсчетомъ, чтобы въ теченіе извѣстнаго періода времени въ пользованіи каждаго члена по возможности перебывали всѣ разряды ея земель. Пересадка домохозяевъ съ однѣхъ полосъ на другія происходитъ при помощи такъ называемыхъ жеребьевокъ или переверстокъ, повторяющихся черезъ короткіе промежутки времени.

Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что въ общинѣ каждый домохозяинъ получаетъ приходящуюся ему долю земли не въ одномъ, а во многихъ мѣстахъ, мелкими полосами, что затрудняетъ тщательную обработку земли и

ведетъ къ потерѣ времени на переѣздъ съ сохою, плугомъ или косою съ одной полосы на другую. Это расположеніе участковъ наблюдается, однако, не только на территоріи общиннаго владѣнія. Оно встрѣчается на всемъ почти пространствѣ Россіи, гдѣ крестьяне живутъ деревнями, а не отдѣльными хуторами, и примѣняется даже тѣми лицами, которыя пріобрѣтаютъ землю въ собственность болѣе или менѣе крупными товариществами. Такое черезполосное расположеніе земли русское населеніе предпочитаетъ именно въ виду разнокачественности почвы; оно даетъ возможность пріобщить всѣхъ жителей деревни къ пользованію и лучшими и худшими участками земли. Но черезполосица, развивающаяся на земляхъ подворнаго крестьянскаго владѣнія, представляетъ гораздо болѣе неудобствъ, чѣмъ черезполосное расположеніе участковъ членовъ общины, потому что эта черезполосица, заведенная много десятковъ лѣтъ тому назадъ съ цѣлью уравненія всѣхъ домохозяевъ въ пользованіи разнокачественными угодьями, усложнилась тѣми раздробленіями семейныхъ участковъ, которыя происходили вслѣдствіе продажи крестьянами земель и раздѣла ихъ между наслѣдниками. На земляхъ подворнаго владѣнія поэтому черезполосица дробнѣе и неправильнѣе; а домохозяева, привязанные къ своимъ участкамъ, не рѣшаются на новое перераспредѣленіе земли, имѣющее въ виду исправленіе и сокращеніе черезполосицы. Въ общинѣ же черезполосица преслѣдуетъ строго опредѣленную цѣль, и, когда населеніе начнетъ очень тяготиться даннымъ дробленіемъ земли, общинный сходъ большинствомъ голосовъ можетъ постановить произвести новое перераспредѣленіе земли и сократить число участковъ, отводимыхъ каждому домохозяину.

Въ связи съ черезполоснымъ расположеніемъ семейныхъ участковъ на земляхъ общиннаго и подворнаго крестьянскаго владѣнія находится и другая особенность, отличающая мелкое наше землевладѣніе отъ крупнаго: обязательность сѣвооборота, одинаковаго для всѣхъ хозяевъ одного поселенія. Хозяйственное распредѣленіе земли всякаго владѣнія имѣетъ приблизительно такой видъ: пахотныя земли отдѣлены отъ сѣнокосныхъ и выгонныхъ; площадь пахотной земли раздѣлена на нѣсколько полей, соотвѣтственно принятому сѣвообороту, и эти поля поочередно засѣваются различными растеніями, а затѣмъ обращаются подъ паръ. Въ крупномъ единоличномъ владѣніи вся эта земля, равно какъ и отдѣльныя ея части, принадлежатъ одному лицу. Въ крестьянскомъ же владѣніи въ каждой изъ вышеуказанныхъ частей поля и въ сѣнокосномъ угодіи нарѣзаны участки для каждаго домохозяина. Отсюда проистекаютъ извѣстныя стѣсненія сельскохозяйственной дѣятельности крестьянина. Крестьянинъ не можетъ ввести желательное для него чередованіе растеній потому, что его участки поступаютъ подъ озимые, яровые посѣвы или подъ паръ и подъ пастьбу скота вмѣстѣ съ полями всего селенія.

При описанныхъ порядкахъ сельскохозяйственнаго расположенія кре-

сельскихъ — общинныхъ и подворныхъ — земель, отдѣльные домохозяева не могутъ, независимо отъ всего селенія, приступить къ радикальнымъ измѣненіямъ своего хозяйства. Для того же, чтобы такія измѣненія осуществлялись, нужно или производить ихъ цѣлымъ обществомъ и селеніемъ, или стремиться къ упраздненію черезполосицы и къ образованію сплошныхъ, такъ называемыхъ отрубныхъ подворныхъ владѣній. То и другое и наблюдается въ крестьянской средѣ. Въ районѣ общиннаго владѣнія (главнымъ образомъ, въ центральныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ) крестьяне цѣлыми общинами отъ трехполья переходятъ къ многопольнымъ сѣвооборотамъ съ посѣвами на поляхъ кормовыхъ травъ. Въ западной полосѣ подворнаго владѣнія цѣлыя селенія разбиваютъ свои земли на отдѣльные для каждой семьи сплошные участки, и каждый домохозяинъ въ своей хозяйственной дѣятельности становится, такимъ образомъ, совершенно независимымъ отъ сосѣдей.

ГЛАВА V.

Форма сельскохозяйственнаго производства. — Крестьянская аренда.

Различныя категоріи земельной собственности въ Россіи распредѣляются по угодьямъ весьма неодинаково. Въ составѣ государственныхъ (вмѣстѣ съ удобными) земель огромное преобладаніе имѣютъ лѣса; частновладѣльческія земли распредѣляются почти поровну между лѣсами (вмѣстѣ съ неудобными) и прочими угодьями; въ составѣ надѣльныхъ земель лѣсовъ (и неудобныхъ земель) очень мало. Но исключеніи лѣсовъ и неудобныхъ земель изъ 372 милл. дес. владѣній всякаго рода въ 48 губерніяхъ Европейской Россіи, остается около 150 милл. дес., могущихъ служить для сельскохозяйственныхъ цѣлей. Изъ нихъ въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ находится около 50 милл. десятинъ или около $^1/_3$ части общей ихъ площади, въ рукахъ государства и различныхъ учрежденій — около 15 милл. дес. или $^1/_{10}$ часть этой площади, а около 90 милл. дес. или почти 60% общей площади сельскохозяйственныхъ угодій находится въ составѣ крестьянской — надѣльной земли.

Изъ того, что было говорено выше о распредѣленіи вообще и въ частности сельскохозяйственныхъ угодій Европейской Россіи по категоріямъ владѣнія, видно, что государство извлекаетъ земельные доходы, главнымъ

боразомъ, путемъ эксплуатаціи лѣсовъ. Размѣры этой эксплуатаціи далеко, впрочемъ, не соотвѣтствуютъ площади лѣсныхъ владѣній казны, простирающихся до 100 милл. дес. Главная причина этого заключается въ томъ, что около 80% казенныхъ лѣсовъ находится въ малонаселенныхъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, и это значительно затрудняетъ правильную ихъ эксплуатацію. Впрочемъ, доходы казны отъ ея земельныхъ имуществъ возрастаютъ изъ года въ годъ. Такъ, за послѣднія 10 лѣтъ лѣсной доходъ поднялся съ 20 до 65 милл. рублей. Оброчныя земельныя статьи даютъ государству 5—6 милл. рублей въ годъ. Удѣльные лѣса и оброчныя статьи приносятъ въ послѣдніе годы приблизительно по 6 милл. рублей (тѣ и другія въ отдѣльности) въ годъ.

Площадь частновладѣльческихъ земель распредѣляется, какъ мы видѣли, между лѣсными и сельскохозяйственными угодьями почти поровну. Описанія помѣщичьяго лѣснаго хозяйства не имѣется, но, судя по тому, что въ Россіи ежегодно потребляется около 40 милл. куб. саж. лѣса, и что государственнаго лѣса продается всего 8 милл. куб. саж., слѣдуетъ полагать, что остальные 32 милл. куб. саж. древесины поставляютъ на рынокъ частные лѣсовладѣльцы. Между тѣмъ частныхъ лѣсовъ у насъ вдвое меньше, чѣмъ казенныхъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что частные лѣса у насъ просто опустошаются, а не эксплуатируются, подобно лѣсамъ казеннымъ, правильнымъ порядкомъ. Сознаніе этого обстоятельства побудило правительство принять мѣры къ охранѣ лѣсовъ, и въ 1888 г. изданъ законъ о воспрещеніи изводить лѣса, защищающія мѣстность отъ размыва водою, засыпанія песками и т. п. Крестьяне имѣютъ такъ мало лѣсовъ, что въ большей части Россіи не обезпечены даже топливомъ. Ихъ лѣсныя владѣнія не могутъ поэтому быть разсматриваемы какъ доходная статья, и денежные доходы они получаютъ лишь отъ своихъ сельскохозяйственныхъ угодій.

Изъ того, что было сейчасъ сказано, слѣдуетъ, что лѣсное хозяйство носитъ у насъ капиталистическій характеръ. Государство, удѣлы и крупные собственники нанимаютъ мѣстныхъ крестьянъ на лѣсныя работы. Крестьяне обязуются въ теченіе зимы вырубить, очистить и свезти къ берегамъ рѣчекъ условленное количество деревъ. Весною по рѣчкамъ сплавляется срубленный лѣсъ до мѣста перехода его на сухопутье. На сплавъ нанимаются частью тѣ же крестьяне, которые рубили лѣсъ. Лѣсная работа очень тяжела. Крестьяне цѣлыми недѣлями живутъ во время работы въ лѣсахъ, ночуя въ тѣсныхъ, нарочно для этого выстраиваемыхъ избенкахъ. Но эта работа представляетъ тѣ выгоды для земледѣльцевъ, что даетъ имъ и ихъ лошадямъ заработокъ въ зимнее время, когда затихаютъ земледѣльческія работы. Въ Европейской Россіи рубка и сплавъ лѣса, заготовка и возка дровъ даетъ занятіе около 500 тысячамъ мужчинъ.

Если одинъ отдѣлъ сельскаго хозяйства—лѣсное дѣло—носитъ у насъ

капиталистическій характеръ, то совершенно иное слѣдуетъ сказать о другомъ его отдѣлѣ, составляющемъ главный промыселъ русскаго народа,—о земледѣліи. Это видно уже изъ распредѣленія земельной собственности по размѣрамъ отдѣльныхъ владѣній. Правда, наша оффиціальная статистика знаетъ лишь юридическія категоріи землевладѣнія, и, согласно ея даннымъ, государству, городамъ, монастырямъ и церквамъ принадлежитъ, какъ мы видѣли, около 15 милл. дес. или 10% общей площади сельскохозяйственныхъ угодій, въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ находится около 50 милл. дес. или около $^1/_3$ части, а на долю надѣльнаго землевладѣнія приходится около 90 милл. дес. или нѣсколько меньше 60% площади сельскохозяйственныхъ угодій Европейской Россіи. Но указанная группировка земли приблизительно выражаетъ и ея распредѣленіе по размѣрамъ отдѣльныхъ владѣній. Надѣльное землевладѣніе, въ общемъ, должно быть причислено къ разряду мелкаго; что же касается остальныхъ категорій собственности, то изъ 15 милл. дес. приблизительно нами опредѣленной мелкой частной собственности на долю сельскохозяйственныхъ угодій должно быть отчислено, вѣроятно, не менѣе 10—12 милл. дес. При такомъ разсчетѣ площадь мелкаго владѣнія сельскохозяйственными угодьями опредѣлится до 100 милл. дес. и будетъ равняться $^2/_3$, если не болѣе, общаго количества сельскохозяйственныхъ угодій.

Правда, не вся надѣльная земля обрабатывается исключительно руками ея владѣльцевъ. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ крестьянская земля сосредоточена въ рукахъ меньшей части населенія, и многіе крестьяне прибѣгаютъ при обработкѣ къ найму батраковъ. Въ южныхъ и восточныхъ многоземельныхъ губерніяхъ зажиточные члены общинъ сосредоточиваютъ, при помощи аренды, такое количество надѣльныхъ и посторонніихъ земель, что прибѣгаютъ также къ найму рабочихъ. Но въ общей массѣ крестьянскаго населенія такія полубатрацкія хозяйства составляютъ ничтожную долю, и въ общей массѣ надѣльной земли земля, обрабатываемая наемнымъ трудомъ, составляетъ ничтожную часть. И если не претендовать на совершенно точный учетъ изучаемыхъ нами явленій, то можно почти всю надѣльную землю зачислить въ фондъ мелкаго земледѣльческаго производства.

Но мелкое сельское хозяйство распространяется и за предѣлы мелкой собственности. Вслѣдствіе недостатка у крестьянъ земли они прибѣгаютъ къ арендѣ чужихъ угодій и даютъ за нихъ такія высокія цѣны, что многіе крупные землевладѣльцы находятъ болѣе выгоднымъ сдавать землю крестьянамъ, а не обрабатывать ее за свой страхъ наемнымъ трудомъ. Аренда крестьянами земель составляетъ очень широко распространенное явленіе, но точнаго учета числа арендаторовъ и количества принимаемой ими земли не имѣется. Земскія изслѣдованія 80-хъ годовъ, охватившія далеко не всю Россію, показали, что къ арендѣ пахотныхъ и сѣнокосныхъ земель прибѣгаетъ около половины наличныхъ крестьянъ-домохозяевъ; если же считать и аренду пастбищъ, то процентъ этотъ значительно повысится. Если при-

знать правильнымъ для всей Россіи то, что земская статистика установила для изслѣдованныхъ районовъ, т.-е. что площадь арендуемой крестьянами пахотной и сѣнокосной земли составляетъ около $^1/_5$—$^1/_6$ части площади надѣльнаго землевладѣнія, въ такомъ случаѣ слѣдуетъ считать, что въ арендѣ крестьянъ находится не менѣе 15 милл. дес. пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій. Изъ нихъ около 4 милл. дес. падаетъ на долю государственныхъ и удѣльныхъ оброчныхъ статей и не менѣе 11 милл. дес. принадлежитъ частнымъ владѣльцамъ. Площадь мелкаго земледѣлія, кромѣ 100 милл. дес. земли (надѣльной и частновладѣльческой), принадлежащей самимъ земледѣльцамъ, распространяется, слѣдовательно, еще на 15 милл. дес. чужихъ угодій, а подъ крупной культурой находится менѣе 30 милл. дес. частной собственности. Если даже всѣ прочія земли считать состоящими подъ крупной культурой, то и въ такомъ случаѣ мелкое хозяйство окажется занимающимъ площадь въ 115 милл. дес., что составляетъ 77% общей площади сельскохозяйственныхъ угодій Россіи.

Къ приблизительному учету распространенія у насъ крупнаго и мелкаго хозяйства мы можемъ подойти и другимъ путемъ. Согласно оффиціальнымъ даннымъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи ежегодно засѣвается 50 милл. дес. надѣльной земли и 20 милл. дес. частновладѣльческой. Принимая во вниманіе, что изъ 50 милл. дес. частныхъ владѣній болѣе 10 милл. дес. принадлежитъ къ мелкому землевладѣнію, и что значительная часть помѣщичьей земли снимается подъ посѣвъ крестьянами, можно, не преувеличивая, допустить, что не менѣе половины посѣва на владѣльческихъ земляхъ принадлежитъ къ мелкой культурѣ.

Въ такомъ случаѣ посѣвы мелкихъ земледѣльцевъ составятъ 60 милл. дес. или 85% общей площади посѣвовъ, а посѣвы крупныхъ хозяевъ—10 милл. дес. или 15% этой площади.

Наше заключеніе о значительномъ преобладаніи мелкаго самостоятельнаго земледѣльческаго производства надъ крупнымъ капиталистическимъ находитъ себѣ подтвержденіе въ данныхъ переписи 1897 г. о главныхъ занятіяхъ населенія. Согласно этимъ даннымъ, въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи во всѣхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства (кромѣ лѣсоводства) находятъ себѣ занятіе въ качествѣ наемныхъ рабочихъ 1,8 милл. душъ обоего пола, между тѣмъ какъ обработкой земли за свой счетъ занято, вѣроятно, около 15 милл. взрослыхъ мужчинъ и множество женщинъ и полурабочихъ.

Исчисленная нами (прибавимъ—очень осторожно) площадь аренды крестьянами пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій—15 милл. дес. при 90 милл. дес. надѣльныхъ земель—можетъ дать поводъ къ заключенію, что аренда не играетъ существенной роли въ мелкомъ земледѣліи. Но значеніе аренды въ крестьянскомъ хозяйствѣ представится въ другомъ видѣ, если принять во вниманіе, что около $^2/_3$ арендованной площади снимается половиною

крестьянскаго населенія, бывшими помѣщичьими крестьянами, во владѣніи коихъ состоитъ $^{2}/_{3}$ часть площади всего надѣльнаго землевладѣнія. Въ средѣ этого разряда крестьянъ арендуемыя пахотныя и сѣнокосныя угодья составляютъ уже около $^{1}/_{3}$ части ихъ собственныхъ владѣній. А если принять во вниманіе, что добрая половина бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ не можетъ обойтись и безъ чужихъ пастбищныхъ угодій, то значеніе аренды для мелкаго земледѣлія покажется намъ еще болѣе рѣшительнымъ.

Дѣйствительно, наслѣдованія земскихъ статистиковъ (относящіяся преимущественно къ восьмидесятымъ годамъ истекшаго столѣтія) показали, что къ арендѣ внѣнадѣльныхъ пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій прибѣгаетъ большая половина наличныхъ домохозяевъ разряда бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Не всѣ, однако, наличные домохозяева должны быть отнесены къ самостоятельнымъ земледѣльцамъ; изъ этой категоріи должны быть исключены крестьяне, не имѣющіе ни одной лошади. И если принять, что къ арендѣ прибѣгаютъ преимущественно лошадные домохозяева, то процентъ арендаторовъ въ разрядѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ поднимется въ разныхъ черноземныхъ губерніяхъ до 60—85. Въ виду такихъ данныхъ нельзя не признать, что аренда земель составляетъ жизненную необходимость для разсматриваемаго разряда крестьянъ. А ознакомленіе съ исторіей поземельнаго устройства дастъ намъ ключъ къ объясненію этого явленія.

Приступая къ крестьянской реформѣ, результатомъ которой должно быть образованіе новаго класса свободныхъ гражданъ, занимающихся земледѣліемъ, правительство не могло не озаботиться тѣмъ, чтобы этотъ классъ получилъ въ свое владѣніе достаточное количество земли. При этомъ естественнымъ образомъ возникалъ вопросъ, какое количество земли считать достаточнымъ для освобождаемаго крестьянина-земледѣльца. Теоретически отвѣтить на этотъ вопросъ нетрудно: крестьянину должна быть отведена такая площадь земли, коей обезпечивалось бы удовлетвореніе его главнѣйшихъ личныхъ и общественныхъ нуждъ и обязанностей. Практически рѣшеніе этого вопроса не представляло серьезныхъ затрудненій по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ. Здѣсь и въ до-реформенныя времена правительство заботилось о томъ, чтобы крестьяне имѣли достаточное количество земли. Съ этой цѣлью, по мѣрѣ размноженія населенія, крестьянскимъ общинамъ прирѣзывалась земля изъ сосѣднихъ оброчныхъ казенныхъ статей, а крестьянамъ малоземельныхъ районовъ предоставлялось переселяться въ многоземельныя губерніи. При освобожденіи этихъ крестьянъ изъ вѣдомства государственныхъ имуществъ оставалось лишь закрѣпить за ними существующіе надѣлы, съ небольшими измѣненіями въ цѣляхъ округленія владѣній, уничтоженія черезполосицы съ казенными землями и т. п. За эти земли бывшіе государственные крестьяне первоначально уплачивали опредѣленный оброкъ, какъ бы арендную плату, а въ 1886 г. оброчные платежи были замѣнены выкупными (превышавшими первые на 45%),

погашавшимися въ теченіе 49 лѣтъ. Закономъ 3 ноября 1905 г. выкупные платежи, какъ извѣстно, были отмѣнены, и съ 1907 г. земля государственныхъ крестьянъ (равно какъ и крестьянъ прочихъ разрядовъ) будетъ считаться окончательно выкупленной. Благодаря тому обстоятельству, что государственные крестьяне, при увольненіи изъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, сохранили свои надѣлы, переходъ ихъ въ новое, свободное состояніе совершился безъ замѣтнаго потрясенія ихъ хозяйственнаго быта. Нельзя сказать того же относительно крестьянъ помѣщичьихъ.

Высочайшимъ рескриптомъ 2 ноября 1857 г. повелѣно было составить Положеніе объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ въ такомъ духѣ, чтобы крестьянамъ отводилось количество земли, достаточное для «обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщиками». Подъ обязанностями передъ правительствомъ понимались государственные налоги, а передъ помѣщиками—платежи за землю, отводимую крестьянамъ. Выполненіе этого повелѣнія требовало бы учета того, какое количество земли давало крестьянамъ различныхъ районовъ достаточный, въ вышеуказанномъ смыслѣ, доходъ; и опредѣленныя такимъ образомъ нормы должны бы быть положены въ основаніе поземельнаго устройства крестьянъ. Но такъ какъ составленіе проектовъ положеній объ освобожденіи крестьянъ каждой губерніи возложено было на мѣстные комитеты, составленные изъ помѣщиковъ, такъ какъ и въ послѣдующихъ инстанціяхъ, гдѣ объединялись работы дворянскихъ комитетовъ и составлялся законъ о крестьянахъ, дворяне, заинтересованные въ дѣлѣ, играли выдающуюся роль, то Высочайшее повелѣніе 2 ноября не было приведено въ исполненіе. Вмѣсто того было принято начало сохраненія за освобождаемыми крестьянами тѣхъ надѣловъ, которыми они пользовались при крѣпостномъ правѣ. Это было признано также удобнымъ средствомъ избѣжать при освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ рѣзкаго потрясенія ихъ хозяйственнаго быта; потому что считалось, что помѣщики, во время крѣпостного права въ своихъ собственныхъ интересахъ, должны были отводить въ пользованіе своихъ крѣпостныхъ такое количество земли, которое, вмѣстѣ съ посторонними заработками, давало имъ средства существованія. Иначе владѣльцамъ приходилось бы на свой счетъ содержать крестьянъ. Правда, были безъ сомнѣнія помѣщики, весьма плохо заботившіеся о своихъ крѣпостныхъ, и отводившіе въ ихъ пользованіе завѣдомо недостаточное количество земли. Равно какъ и встрѣчались щедрые владѣльцы, разрѣшавшіе своимъ крестьянамъ пользоваться чуть не всей землей. Но въ предупрежденіе тѣхъ потерь, какія испытали бы въ одномъ случаѣ крестьяне, въ другомъ помѣщики—если бы правило сохраненія за крестьянами крѣпостныхъ надѣловъ получило буквальное примѣненіе—рѣшено было назначить высшія и низшія нормы надѣловъ освобождаемыхъ крестьянъ. Высшая норма означала бы тотъ передѣлъ крестьянскаго участка, за которымъ слѣдовала отрѣзка крестьянской земли въ пользу помѣщика;

низшая норма давала бы малоземельнымъ крестьянамъ право требовать прирѣзки къ своему надѣлу изъ помѣщичьей земли.

Изъ самаго существа дѣла о высшихъ и низшихъ нормахъ надѣловъ слѣдуетъ, что разница между ними не могла быть особенно значительной. Это были бы границы тѣхъ нормальныхъ, такъ сказать, участковъ, какими пользовалось огромное большинство крѣпостныхъ крестьянъ, и которые были сообразованы съ матеріальными потребностями послѣднихъ, вездѣ приблизительно одинаковыми. Другимъ признакомъ правильности назначенія высшихъ и низшихъ нормъ крестьянскихъ надѣловъ была бы рѣдкость ихъ примѣненія на практикѣ, потому что огромное большинство помѣщиковъ не отличалось, нужно полагать, ни большой щедростью, ни особенной скаредностью по отношенію къ крестьянамъ.

Составители закона объ освобожденіи крестьянъ, принявъ за правило сохраненія за крестьянами тѣхъ участковъ, коими они пользовались ранѣе, дѣйствительно полагали, что увеличеніе и уменьшеніе ихъ на основаніи назначенныхъ ими высшихъ и низшихъ нормъ будетъ встрѣчаться очень рѣдко. Но когда эти нормы были назначены, и было приступлено къ фактическому отведенію освобожденнымъ крестьянамъ земли, то оказалось, что прирѣзки земли для доведенія крестьянскаго надѣла до низшей его нормы было дѣйствительно исключеніемъ, а отрѣзки крестьянскихъ земель во многихъ губерніяхъ чуть не правиломъ. Такой отрицательный для крестьянъ результатъ благихъ пожеланій законодателя объясняется тѣмъ участіемъ, какое принимали въ составленіи закона помѣщики. Они доставили не вполнѣ вѣрныя свѣдѣнія о землевладѣніи своихъ крѣпостныхъ, между тѣмъ какъ эти свѣдѣнія служили для назначенія высшей нормы надѣла въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Они же настаивали на уменьшеніи нормъ послѣ того, какъ тѣ были назначены. Въ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ земля, сама по себѣ, цѣнилась очень низко, и помѣщики стремились къ тому, чтобы на крестьянъ былъ наложенъ возможно высокій выкупъ за отходящія къ нимъ угодья, высшая норма надѣла была назначена приблизительно въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными владѣніями крѣпостныхъ. Въ черноземной же полосѣ, гдѣ дворяне очень дорожили землей, эта норма была сильно урѣзана, и сокращеніе крестьянскихъ участковъ получило очень широкое распространеніе.

Если назначеніемъ низкихъ цифръ для высшихъ надѣловъ помѣщики достигли того, что въ ихъ руки перешла значительная часть земли, находившейся въ пользованіи ихъ крѣпостныхъ, то установленіемъ низшихъ нормъ надѣловъ они предупредили сколько-нибудь значительное распространеніе прирѣзокъ малоземельнымъ крестьянамъ земли изъ помѣщичьихъ угодій. Они этого достигли тѣмъ, что низшій надѣлъ былъ назначенъ въ половину высшаго въ малороссійскихъ и въ $^1/_3$ часть высшаго въ великороссійскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ. Понятно безъ всякихъ объясненій,

что если даже крестьяне, получившіе при освобожденіи высшіе надѣлы, вслѣдствіе значительнаго сокращенія своихъ участковъ, вышли на волю съ надѣлами, не обезпечивающими средней степени матеріальнаго благополучія, то надѣлы въ два и три раза меньшіе лишали крестьянъ возможности даже кормиться отъ своихъ участковъ. Между тѣмъ это была не единственная статья закона, жертвовавшая интересами крестьянъ въ пользу владѣльцевъ. Есть еще нѣсколько правилъ, пользуясь которыми, помѣщики могли оставлять въ своемъ владѣніи часть крестьянской земли. Изъ этихъ правилъ мы упомянемъ объ одномъ, допускающемъ такъ называемые четвертные или нищенскіе надѣлы. Согласно этому правилу помѣщикъ могъ покончить всѣ свои отношенія съ крестьянами, если тѣ согласятся удовольствоваться полученіемъ отъ него въ даръ $^1/_4$ части высшаго надѣла, установленнаго для даннаго раіона. Многіе помѣщики черноземныхъ губерній сумѣли склонить невѣжественныхъ своихъ крѣпостныхъ воспользоваться этой статьей закона и теперь пожинаютъ плоды своихъ подвиговъ, взимая съ дарственниковъ непомѣрныя цѣны за землю, сдаваемую имъ въ аренду.

Описанныя правила поземельнаго устройства бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ изданы были не для всей территоріи Россійской Имперіи. Въ западномъ раіонѣ, гдѣ помѣщики были преимущественно поляки, освобожденіе крестьянъ было проведено съ бо́льшей выгодой для послѣднихъ. Уже въ первоначальномъ законѣ, изданномъ въ 1861 г., крестьянамъ литовскихъ и юго-западныхъ губерній предоставлено было получить при освобожденіи всю землю, какой они пользовались при крѣпостномъ правѣ, безъ урѣзокъ и безъ прирѣзокъ. А когда въ 1863 году вспыхнуло польское возстаніе, и правительство сочло желательнымъ привязать къ себѣ крѣпостныхъ крестьянъ польскихъ помѣщиковъ, въ названныя губерніи посланы были комиссіи для провѣрки отведенныхъ крестьянамъ надѣловъ, и, благодаря дѣятельности этихъ комиссій, крестьяне получили почти въ $1^1/_2$ раза больше того, чѣмъ они владѣли въ крѣпостныя времена. Въ прочихъ же губерніяхъ значительная часть крестьянъ потерпѣла сокращеніе своихъ надѣловъ; особенно это имѣло мѣсто, какъ сказано выше, въ черноземной полосѣ. Если разсматривать отдѣльныя губерніи цѣликомъ, то наиболѣе пострадавшими при освобожденіи окажутся крестьяне слѣдующихъ мѣстностей: крестьяне Нижегородской, Курской и Воронежской губерній потеряли при освобожденіи около $^1/_5$ части своей земли; крестьяне Харьковской, Симбирской и Казанской губерній—около 30%; крестьяне Полтавской, Екатеринославской, Саратовской и Самарской губерній—около 40%. Если же раздробить данныя, касающіяся какой-либо губерніи, то найдутся группы крестьянъ, пострадавшихъ при освобожденіи гораздо больше. Въ Саратовской губерніи, напр., сокращеніе участковъ коснулось 182 тыс. ревизскихъ душъ (64% общаго числа помѣщичьихъ крестьянъ). При этомъ у 31 тыс. душъ отрѣзано 10—25% ихъ надѣла, у 35 тыс. душъ—25—50%, у 57 тыс.

душъ 50—75%, и 59 тыс. ревизскихъ душъ потеряли при освобожденіи болѣе 3/4 своей земли! Въ этой губерніи оказалось много крестьянъ, получившихъ въ даръ 1/4 часть надѣла.

Но отрѣзка въ пользу помѣщиковъ земли, находившейся при крѣпостномъ правѣ во владѣніи крестьянъ, было не единственной причиной уменьшенія землепользованія освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости населенія. Другая причина ограниченія хозяйственныхъ рессурсовъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ заключалась въ лишеніи ихъ, безъ всякаго вознагражденія, права пользованія тѣми угодьями владѣльцевъ, которыя не состояли въ надѣлѣ крестьянъ. Однимъ изъ такихъ угодій были лѣса, доставлявшія крѣпостнымъ крестьянамъ топливо и матеріалъ для ремонта жилищъ. Но, кромѣ лѣсовъ, крестьяне пользовались еще правомъ выгонять свой скотъ на владѣльческія пастбища. Лишеніе этихъ правъ было особенно чувствительно для крестьянъ нечерноземныхъ губерній, богатыхъ и лѣсами и пастбищами. Поэтому немалый хозяйственный ущербъ освобожденіе нанесло и крестьянамъ нечерноземной полосы, несмотря на то, что угодья, находившіяся въ ихъ единственномъ владѣніи, въ большинствѣ случаевъ, не потерпѣли при этомъ существеннаго сокращенія.

Изъ сказаннаго выше читатель можетъ заключить, какъ различно переустройство быта крестьянъ должно было отразиться на государственныхъ и владѣльческихъ крестьянахъ (удѣльныхъ крестьянъ, за ихъ малочисленностью, мы оставляемъ въ сторонѣ), а также на владѣльческихъ крестьянахъ коренной Россіи и западныхъ губерній. Государственнымъ крестьянамъ въ общемъ были оставлены ихъ старые надѣлы; сельскохозяйственныя угодья, находившіяся внѣ надѣльной земли, продолжали сдаваться въ аренду на прежнихъ основаніяхъ. Только право пользованія крестьянъ казенными лѣсами потерпѣло послѣ реформы нѣкоторыя ограниченія. Помѣщичьи крестьяне западныхъ губерній получили при освобожденіи больше земли, чѣмъ они имѣли ея въ крѣпостномъ состояніи, и тотчасъ же были переведены на выкупъ, что связано было съ уменьшеніемъ платежей за землю. Въ иномъ положеніи оказались помѣщичьи крестьяне остальныхъ, преимущественно черноземныхъ губерній. Ихъ хозяйственное состояніе не могло не пошатнуться по причинѣ и сокращенія участковъ, находившихся въ ихъ единственномъ владѣніи, и лишенія ихъ права пользованія лѣсными и пастбищными угодьями ихъ бывшихъ владѣльцевъ.

Чтобы наглядно показать, какъ различны были хозяйственные рессурсы государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ послѣ перехода ихъ въ свободное состояніе, достаточно сравнить средніе душевые надѣлы тѣхъ и другихъ. Въ общемъ для Европейской Россіи средній надѣлъ на ревизскую душу мужского пола государственныхъ крестьянъ равняется 6,5 дес., а помѣщичьихъ—3,4 дес. или почти вдвое менѣе. Принимая во вниманіе, что государственные крестьяне обрабатывали земли собственнымъ трудомъ, и что,

не довольствуясь надѣльной землей, они прибѣгали къ арендѣ казенныхъ оброчныхъ статей, можно безъ преувеличенія утверждать, что, въ среднемъ, надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ были тотчасъ послѣ освобожденія недостаточны для занятія даже половины всѣхъ ихъ рабочихъ силъ. Правильность такого заключенія подтверждается и соображеніемъ о томъ, что надѣлы крѣпостнымъ крестьянамъ отводились въ разсчетѣ на то, что половину своего рабочаго времени они будутъ отдавать владѣльцу. Площадь этого надѣла соотвѣтствовала поэтому половинѣ рабочихъ силъ крестьянской семьи. А такъ какъ при освобожденіи землепользованіе крестьянъ тѣмъ или инымъ путемъ было ограничено, то оставшейся въ ихъ владѣніи земли было, очевидно, недостаточно для того, чтобы занять даже половину рабочихъ силъ крестьянскихъ семей.

Но недостатокъ поземельнаго устройства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ заключался не только въ томъ, что крестьяне получили слишкомъ мало земли. Отведенные имъ надѣлы были, кромѣ того, лишены основного условія для самостоятельности хозяйства: правильной пропорціональности отдѣльныхъ, составляющихъ ихъ угодій. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, при выходѣ на волю, у крестьянина, по закону, долженъ былъ уменьшиться надѣлъ, отрѣзкѣ подлежали преимущественно сѣнокосныя и пастбищныя угодья. Такимъ образомъ, усадебную и пахотную землю крестьяне въ большинствѣ случаевъ получили въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они пользовались при крѣпостномъ правѣ; что же касается пастбищъ и сѣнокосовъ, т.-е. угодій, служащихъ для корма скота, то въ большинствѣ случаевъ площадь ихъ была ограничена. Вслѣдствіе этого крестьяне не могли прокормить на своемъ надѣлѣ того количества скота, какимъ они владѣли при крѣпостномъ правѣ; для прокорма этого скота имъ нужно было такъ или иначе выцарапать отъ владѣльцевъ свои утраченныя угодья.

Съ первыхъ же шаговъ свободнаго состоянія освобожденные отъ юридической зависимости крестьяне оказались, такимъ образомъ, въ хозяйственной зависимости отъ своихъ прежнихъ владѣльцевъ. Крѣпостныя отношенія, слѣдовательно, не были совершенно ликвидированы; они продолжали существовать и принимали новыя формы въ сферѣ поземельныхъ отношеній и выросшихъ на нихъ явленій закабаленія крестьянина. Крестьяне нуждались въ помѣщичьихъ земляхъ не для того только, чтобы расширить свои запашки. Въ рукахъ владѣльца очутилась органическая часть крестьянскаго участка, одно изъ угодій, безъ котораго крестьянинъ не могъ сохранить запашки даже въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она у него имѣлась въ крѣпостномъ состояніи. Крестьянинъ долженъ былъ возвратить назадъ эту часть своего участка, и такъ какъ у него не было средствъ пріобрѣсть ее въ собственность, то ему оставалось нанимать ее на время и находиться, такимъ образомъ, въ постоянной зависимости отъ чужого владѣнія.

По мѣрѣ размноженія земледѣльческаго населенія нужда крестьянъ

въ землѣ увеличивалась; удовлетворить эту нужду путемъ пріобрѣтенія земли въ собственность удавалось лишь немногимъ счастливцамъ; бо́льшей же части населенія приходилось пополнять недостатокъ своей земли арендой земель частновладѣльческихъ. Зависимость мелкаго хозяйства отъ крупнаго землевладѣнія сдѣлалась вслѣдствіе этого болѣе выраженной и болѣе тяжелой, потому что съ теченіемъ времени приходилось платить за нужную землю болѣе высокія цѣны. И такъ какъ число крестьянъ-конкурентовъ на помѣщичьи земли постоянно возростало, то всякій земледѣлецъ, арендующій 2—3 десятины частновладѣльческихъ угодій сегодня и, благодаря этой, хотя и крайне тяжелой, арендѣ, сохраняющій тѣнь хозяйственной самостоятельности, не увѣренъ въ томъ, что ему удастся удержать аренду завтра, а, лишаясь чужого угодья, онъ рискуетъ утратить и положеніе самостоятельнаго хозяина, потому что собственнаго его участка сплошь-и-рядомъ недостаточно для содержанія лошади, безъ которой нѣтъ и хозяйства. Благодаря краткосрочности заключаемыхъ крестьянами сдѣлокъ по арендѣ помѣщичьихъ земель, опасность утраты арендуемой земли, которая для многихъ крестьянъ равносильна потерѣ хозяйственной самостоятельности, грозитъ мелкому земледѣльцу ежегодно.

Таково современное положеніе половины крестьянскаго населенія Россіи. Не удивительно, если, получивъ возможность высказаться о своихъ нуждахъ, крестьянство первымъ дѣломъ выдвинуло для немедленнаго разрѣшенія аграрный вопросъ.

ГЛАВА VI.

Общій характеръ хозяйственной эволюціи Россіи.

Реформы шестидесятыхъ годовъ положили грань между старой и новой Россіей. Въ экономической сферѣ это выразилось не только упраздненіемъ подневольнаго труда, но и быстрымъ развитіемъ тѣхъ хозяйственныхъ отношеній, сѣмена которыхъ заложены были ранѣе. До-реформенный строй имѣлъ, какъ намъ извѣстно, полунатуральный характеръ. Съ первыхъ же шаговъ новаго состоянія рѣзко обозначилась тенденція къ распространенію мѣновыхъ или денежныхъ отношеній.

Денежные обороты должны были усилиться уже потому, что, съ упраздненіемъ крѣпостного права, тѣ хозяйственныя отношенія, которыя раньше носили натуральный характеръ, теперь должны были пріобрѣтать характеръ

денежный. Лишившись дарового труда, помѣщики для обработки своихъ земель должны были прибѣгать къ труду вольнонаемному, а для удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей покупать такіе предметы, которые въ прежнее время производились крѣпостными ремесленниками изъ домашняго или покупного матеріала. Крестьяне (огромное большинство которыхъ состояло на барщинѣ), вмѣсто отбыванія повинности владѣльцу трудомъ, обязаны были денежнымъ въ его пользу оброкомъ (въ суммѣ отъ 7 до 12 рублей съ ревизской души) или выкупнымъ платежомъ (на 20% ниже оброка). Денежные расходы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ возросли еще вслѣдствіе того, что имъ предстояло пріобрѣтать на деньги лѣсъ для отопленія и ремонта своихъ жилищъ, и что они лишены были права на пособіе со стороны владѣльца въ несчастныхъ случаяхъ (пожаръ, падежъ скотины, болѣзнь кормильца семьи и т. п.), которые такъ часто посѣщаютъ русскую деревню, что потеряли характеръ случайности.

Нужда крестьянина въ деньгахъ возросла затѣмъ еще болѣе потому, что преобразованіе всѣхъ сторонъ нашего общественнаго быта потребовало крупныхъ расходовъ, покрывавшихся земскими, мірскими и прямыми и косвенными государственными налогами, взыскивавшимися съ русскаго земледѣльца. О ростѣ этого бремени можно до извѣстной степени судить по даннымъ о нашемъ государственномъ бюджетѣ въ различные моменты пореформеннаго періода.

Вскорѣ послѣ реформы, а именно въ 1867 г., государство получило доходовъ всего 430 милл. руб. (не считая дохода отъ желѣзныхъ дорогъ); черезъ 10 лѣтъ эта сумма уже поднялась въ $1^1/_2$ раза и составила 650 милл. руб.; въ 1890 г. она увеличилась до 820 милл., а въ 1900 г. составляла уже около 1 милл. 300 тыс. рублей. Къ 1903 г. государственные доходы поднялись еще на 400 милл. рублей. Изъ сказаннаго читатель можетъ усмотрѣть, что требованія денежныхъ средствъ, предъявляемыя государствомъ населенію, возросли послѣ реформы въ четыре раза. Эти денежныя средства нужно было такъ или иначе добыть, нужно было выручить путемъ продажи народныхъ произведеній или народнаго труда.

Почувствовавъ новую нужду въ деньгахъ, испытывая недостатокъ земли и получивъ нѣкоторую свободу передвиженія, крестьянинъ сталъ больше прежняго искать посторонніхъ заработковъ и началъ переполнять города и промышленные центры. Вслѣдствіе этого сильно увеличилось предложеніе наемнаго труда, и крупныя промышленныя предпріятія перестали испытывать недостатокъ рабочихъ рукъ для расширенія своихъ фабрикъ и заводовъ, для разработки минеральныхъ богатствъ, для вырубки лѣса и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ увеличился и спросъ рынка на различные продукты промышленности. Спросъ этотъ увеличился прежде всего потому, что съ приливомъ населенія въ города и промышленные центры здѣсь нужно было строить новыя помѣщенія и приготовлять для нихъ различные

строительные матеріалы. Въ томъ же направленіи вліяло оживившееся послѣ реформы сооруженіе желѣзныхъ дорогъ на счетъ правительства или частныхъ обществъ, для которыхъ правительство доставало за границей капиталы и гарантировало опредѣленный на нихъ доходъ, независимо отъ того, будутъ ли новыя дороги приносить прибыли или убытки. Въ теченіе перваго десятилѣтія послѣ крестьянской реформы у насъ было сооружено 7 тыс. верстъ желѣзныхъ дорогъ, во второе десятилѣтіе—12 тыс. верстъ, въ третье—6 тыс. верстъ и въ четвертое—болѣе 20 тыс. верстъ.

Усиленная строительная дѣятельность создавала спросъ на строительные матеріалы и на рабочія руки, а рабочіе, занятые въ этихъ отрасляхъ, покупали для личнаго потребленія преимущественно не кустарныя, а болѣе дешевыя, изящныя и входившія въ моду произведенія фабрикъ и заводовъ. Такимъ образомъ, въ городахъ увеличивался спросъ на фабричныя издѣлія, служащія для общаго потребленія. А по мѣрѣ распространенія сѣти желѣзныхъ дорогъ облегчалась доставка фабрикатовъ въ села и деревни, и здѣсь они стали успѣшно конкурировать съ продуктами мѣстной кустарной промышленности и вытѣснять домашнія издѣлія. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ къ портамъ и къ сухопутной границѣ, значительно удешевивъ перевозку громоздкихъ товаровъ, вызвало сильное развитіе экспорта хлѣба, лѣса, льна, пеньки и т. п.; крестьяне накинулись поэтому на землю, усилили добываніе сырыхъ сельскохозяйственныхъ произведеній, а купцы набросились на лѣса, вырубали ихъ и частью отправляли за границу, частью поставляли въ города и промышленные центры для построекъ новыхъ зданій, фабрикъ, заводовъ, для отопленія жилищъ, фабрикъ, для потребленія желѣзныхъ дорогъ и т. п.

Вывозъ главнѣйшихъ нашихъ произведеній возросталъ слѣдующимъ образомъ. Передъ самымъ освобожденіемъ крестьянъ Россія отправляла за границу 70 милл. пудовъ четырехъ главнѣйшихъ хлѣбовъ (пшеница, рожь, ячмень, овесъ) въ годъ. Въ первое десятилѣтіе послѣ реформы эти хлѣба вывозились уже въ количествѣ въ среднемъ 100 милл. пуд. въ годъ; во второе десятилѣтіе вывозъ составлялъ 220 милл. пуд., въ третье—320 милл. пуд. и въ періодъ 1891—1900 гг.—415 милл. пуд., а въ послѣднія пять лѣтъ—500 мил. пуд. въ годъ. Вывозъ изъ Россіи хлѣбовъ до самаго послѣдняго времени продолжаетъ, такимъ образомъ, увеличиваться, и въ настоящій моментъ количество вывозимаго зерна въ 7—8 разъ превышаетъ вывозъ его наканунѣ реформы. Это возрастаніе вывоза въ послѣднія 7 лѣтъ отчасти поддерживается сибирскимъ хлѣбомъ, экспортъ котораго сдѣлался возможнымъ послѣ сооруженія сибирской желѣзной дороги. Слѣдующее за хлѣбами мѣсто по суммѣ доставляемаго странѣ дохода занимаетъ экспортъ льна, пеньки, льняной и пеньковой пакли. Въ теченіе первыхъ трехъ десятилѣтій послѣ крестьянской реформы вывозъ этихъ продуктовъ нашего сельскаго хозяйства также увеличивался, хотя и не столь быстро, какъ

экспортъ хлѣбовъ. Во вторую половину 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія мы отправляли за границу въ среднемъ 8 милліоновъ пуд. въ годъ названныхъ матеріаловъ, а въ 80-хъ годахъ—16 милліоновъ пуд. Въ послѣдующее время экспортъ льняныхъ и пеньковыхъ матеріаловъ колеблется около 16—17 милліоновъ пуд. въ годъ. Развитіе экспорта третьяго нашего растительнаго матеріала—лѣса—задерживалось обложеніемъ его вывозной пошлиной, и экспортъ его сталъ быстро расти послѣ того, какъ эта пошлина въ концѣ 60-хъ годовъ была отмѣнена. Въ началѣ 60-хъ годовъ лѣсныхъ матеріаловъ вывозилось изъ Россіи въ среднемъ на 7 милліоновъ руб. въ годъ; въ 70-хъ гг. ихъ вывозили уже на 18 милліоновъ рублей въ годъ, въ 80-хъ гг. на 36 милліоновъ руб., въ 90-хъ гг. на 50 милліоновъ руб. въ годъ и въ послѣднее пятилѣтіе — на 66 милліоновъ руб. въ годъ. Въ послѣднее время, однако, цѣнность вывоза лѣса поднялась, главнымъ образомъ, вслѣдствіе увеличенія цѣнъ на лѣсные товары.

Нужда въ землѣ крестьянъ, развитіе экспорта земледѣльческихъ и лѣсныхъ продуктовъ, вмѣстѣ съ возвышеніемъ спроса на нихъ со стороны увеличивающагося городского и промышленнаго населенія, повели къ распространенію денежныхъ оборотовъ и на сферу поземельныхъ отношеній. Крестьяне стали нанимать тѣ земли своихъ бывшихъ владѣльцевъ, которыя въ крѣпостныя времена находились въ ихъ пользованіи, или которыя они тогда обрабатывали въ пользу владѣльцевъ барщиннымъ трудомъ. Беззастѣнчивые эксплуататоры, видя нужду крестьянъ въ землѣ, старались пріобрѣтать помѣщичьи имѣнія, особенно выгодныя въ смыслѣ возможности эксплуатаціи крестьянъ. Другая категорія капиталистовъ набросилась на помѣщичьи владѣнія, ради наживы путемъ сельскохозяйственной дѣятельности и лѣсныхъ операцій. Помѣщичьи имѣнія поступали, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, въ пользованіе капиталистовъ путемъ аренды или покупки. О размѣрахъ вовлеченія земли въ товарный оборотъ купли-продажи можно судить по тому, что въ первое десятилѣтіе послѣ реформы ежегодно продавалось и покупалось въ среднемъ около 2 мпл. дес., во второе десятилѣтіе—около $3^1/_2$ милл. дес., въ третье—2,8 милл. дес. и въ пятилѣтіе 1893—97 гг.—около 3,2 милл. дес. въ годъ.

Какимъ образомъ этотъ процессъ быстраго разрушенія натуральнаго хозяйства и замѣщенія его хозяйствомъ денежнымъ отражался на положеніи земледѣльца?

Самымъ общимъ и важнымъ результатомъ развитія денежнаго хозяйства и крупной промышленности было лишеніе крестьянина подсобныхъ занятій къ его главному промыслу.

Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ повело къ уничтоженію дальняго извоза, составлявшаго важный источникъ дохода многихъ земледѣльческихъ районовъ; распространеніе дешевыхъ фабрикатовъ упразднило кустарные промыслы и домашнее изготовленіе предметовъ крестьянскаго потребленія. Насколько

имѣло мѣсто сокращеніе этихъ заработковъ, настолько крестьянинъ лишался денежныхъ и натуральныхъ неземледѣльческихъ доходовъ, и увеличивалось число предметовъ потребленія, которые крестьянинъ долженъ былъ покупать на деньги. Вмѣстѣ съ возрастаніемъ личныхъ денежныхъ расходовъ крестьянина, связанныхъ съ уничтоженіемъ домашнихъ промысловъ, таковые росли еще вслѣдствіе перемѣнъ бытового характера, вслѣдствіе распространенія въ крестьянской средѣ потребленія чая, сахара, керосина и другихъ продуктовъ, которые можно пріобрѣсть только на деньги.

Правда, на ряду съ возрастаніемъ денежныхъ расходовъ земледѣльца увеличивался и спросъ на продукты его хозяйственной дѣятельности какъ для потребленія растущаго городского населенія, такъ и для вывоза за границу. Производство для этого спроса могло бы покрыть недочеты отъ сокращенія подсобныхъ заработковъ и дать средства для удовлетворенія новыхъ потребностей земледѣльца, если бы въ соотвѣтствіи съ утратою имъ промышленныхъ заработковъ расширялось его земледѣльческое хозяйство. Но дабы расширеніе хозяйства происходило въ размѣрахъ, обезпечивающихъ земледѣльцу доходы, достаточные для покрытія его старыхъ и новыхъ нуждъ, нужно было осуществленіе двухъ условій. Первое условіе: такой отливъ населенія изъ деревень въ города, чтобы оставшіеся на мѣстахъ могли увеличить свои земельные участки до размѣровъ, допускающихъ примѣненіе въ хозяйствѣ всѣхъ ихъ рабочихъ силъ; второе условіе—такое измѣненіе спроса рынка на сельскохозяйственные продукты, чтобы земледѣльцы могли перейти отъ экстенсивнаго зернового хозяйства къ интенсивному животноводству и находили примѣненіе въ земледѣліи своихъ силъ не только въ лѣтнемъ, но и въ зимнемъ полугодіи. Но у насъ не случилось ни того, ни другого.

Несмотря на всѣ мѣры правительства для развитія крупной промышленности; несмотря на то, что правительство оградило внутренній рынокъ отъ конкуренціи иностранныхъ фабрикатовъ высокими таможенными пошлинами; что оно сооружало нужныя и ненужныя желѣзныя дороги съ цѣлью давать доходы промышленникамъ и распространять ихъ издѣлія въ самые глухіе уголки Россіи; что оно покровительствовало открытію коммерческихъ банковъ и развитію спекуляціи, привлекало изъ-за границы капиталы и бросало въ промышленныя дѣла казенныя деньги, выжимаемыя съ массы населенія,—наша промышленность развивалась сравнительно медленно и не привела къ образованію многочисленнаго промышленнаго класса, что мы наблюдали въ передовыхъ государствахъ Западной Европы. Такъ, за время, обнимающее самый цвѣтущій періодъ нашей индустріи—1887—1900 гг.,—число рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и копяхъ возросло съ 1,3 до 2,4 милл., т.-е. увеличилось на милліонъ съ небольшимъ, что соотвѣтствуетъ ежегодному возрастанію на 75 тыс. человѣкъ. Если взять въ разсчетъ приростъ рабочихъ въ другихъ отрасляхъ промышленной дѣя-

тельности, преимущественно въ торговой, перевозочной, строительной, въ черной работѣ, то число лицъ, ежегодно привлекаемыхъ къ торгово-промышленной дѣятельности, опредѣляется въ размѣрѣ не болѣе 200—250 тыс. человѣкъ. Между тѣмъ, въ силу естественнаго размноженія, рабочее населеніе нашей страны увеличивается приблизительно на 750 тыс. человѣкъ ежегодно. Отливъ населенія изъ деревень далеко поэтому не достигалъ такихъ размѣровъ, чтобы мелкіе земледѣльцы не чувствовали конкуренціи вновь возникающихъ хозяйствъ.

Приведенныя данныя рисуютъ спросъ на рабочую силу капиталистической промышленности въ періодъ самаго цвѣтущаго ея состоянія, въ періодъ «невиданныхъ», какъ у насъ выражались, успѣховъ главнѣйшихъ ея отраслей, въ періодъ, когда и сооруженіе на казенныя средства желѣзныхъ дорогъ—въ видахъ покровительства той же промышленности—происходило съ небывалой у насъ энергіей. Въ предшествовавшія тридцать лѣтъ наша промышленность развивалась гораздо медленнѣе, и приростъ мелкихъ земледѣльцевъ былъ поэтому еще значительнѣе.

Причины столь незначительнаго отвлеченія къ промышленности рабочихъ силъ въ то время, когда были осуществлены элементарныя условія для широкаго промышленнаго развитія, заключаются въ томъ, что въ пореформенный періодъ у насъ наблюдалось не простое распространеніе обрабатывающей промышленности, а и преобразованіе послѣдней изъ мелкой формы въ крупную. Ремесло и кустарные промыслы, основанные на ручномъ трудѣ, замѣщались фабриками и заводами, въ которыхъ главную роль играютъ не сила мышцъ и искусство человѣческихъ рукъ, а сила пара и искусство машинъ. Вслѣдствіе того, что въ крупныхъ предпріятіяхъ главная производительная роль принадлежитъ механическимъ силамъ природы, одинъ рабочій производитъ здѣсь такое же количество продуктовъ, какое ручнымъ трудомъ приготовляется нѣсколькими лицами. Это явленіе опредѣляется въ наукѣ выраженіемъ, что фабрика вытѣсняетъ рабочія руки. Парализовать это вытѣсненіе рабочихъ можно лишь быстрымъ развитіемъ потребленія фабрично-заводскихъ издѣлій. Возрастаніе потребленія этихъ издѣлій, правда, сопровождаетъ всякое развитіе крупной промышленности, потому что продукты фабрикъ дешевле ручныхъ издѣлій, и развитію промышленности обыкновенно сопутствуетъ возвышеніе заработной платы. Но этотъ ростъ внутренняго рынка далеко не соотвѣтствуетъ возрастанію производства, потому что наибольшая часть дохода отъ умножающихся фабрикъ и заводовъ поступаетъ въ руки небольшой кучки капиталистовъ, которые не имѣютъ возможности потребить достающуюся имъ долю національной продукціи и не предъявляютъ достаточнаго спроса на товары. Для широкаго развитія крупной капиталистической промышленности нужно имѣть возможность продавать ея продукты не только на внутреннемъ но и на внѣшнихъ рынкахъ. Наиболѣе промышленныя европейскія государства на

завоеваніи такихъ рынковъ и основали пышный расцвѣтъ своего капитализма. Россія не можетъ отбить у нихъ этихъ рынковъ и, какъ мы видѣли, вывозитъ за границу ничтожное количество фабрикатовъ. Въ границахъ же внутренняго спроса на ея продукты наша промышленность не въ состояніи получить такого развитія, чтобы привлечь къ себѣ весь приростъ населенія, какъ это наблюдается, напримѣръ, въ Германіи.

Играя, какъ видимъ, далеко недостаточную роль въ качествѣ источника поглощенія рабочей силы, капиталистическая промышленность является, вмѣстѣ съ тѣмъ, могущественнымъ средствомъ уничтоженія старыхъ формъ промышленнаго труда, основанныхъ на соединеніи его съ трудомъ земледѣльческимъ. Вслѣдствіе этого земледѣльческое населеніе болѣе и болѣе утрачиваетъ подсобные заработки, и дѣло дошло, наконецъ, до того, что 70-тимилліонное населеніе Европейской Россіи, согласно переписи 1897 г., насчитываетъ въ своей средѣ всего 3 милліона мужчинъ и $1^1/_2$ милліона женщинъ, въ дополненіе къ главному своему земледѣльческому доходу получающихъ заработки промыслового характера.

Итакъ, новѣйшее направленіе хозяйственной жизни Россіи, выражающееся преобладаніемъ крупной капиталистической организаціи промышленности, ведетъ двумя путями къ увеличенію нужды крестьянъ въ землѣ. Крупная промышленность лишаетъ земледѣльца подсобныхъ промысловыхъ заработковъ и побуждаетъ его расширять свою сельскохозяйственную дѣятельность; и она же отрѣзываетъ значительной части естественно прирастающаго населенія возможность найти приложеніе своихъ силъ на полѣ промышленной дѣятельности, вслѣдствіе чего ей приходится устраиваться въ той отрасли труда, которая доступна членамъ земледѣльческихъ семей, имѣющихъ право на надѣлъ общинной земли или на долю подворнаго семейнаго участка.

Сокращеніе подсобныхъ промысловыхъ заработковъ крестьянина требовало расширенія его земледѣльческаго хозяйства, а увеличеніе, вслѣдствіе прироста населенія, числа земледѣльцевъ грозило ограниченіемъ и того участка, который уже состоялъ въ его пользованіи. Примиреніе этихъ двухъ тенденцій было бы достигнуто такимъ преобразованіемъ сельскаго хозяйства, которое привело-бы къ возвышенію производительности земли и допускало бы производительное примѣненіе труда земледѣльца не только лѣтомъ, но и зимою. Общій характеръ этого преобразованія долженъ заключаться въ относительномъ сокращеніи добычи зерна и расширеніи животноводства.

Желательное преобразованіе сельскаго хозяйства, однако, не наступило, и наше земледѣліе продолжаетъ сохранять зерновой характеръ, совершенно не соотвѣтствующій той ступени промышленнаго развитія, какой достигла наша страна. Этотъ характеръ нашего земледѣлія наглядно проявляется при сравненіи развитія русскаго продуктивнаго скотоводства и западно-европейскаго.

Въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи въ 1900 г. считалось 33 милліона головъ рогатаго скота, что составитъ 33 штуки на 100 жителей и 20 штукъ на 100 десятинъ площади сельскохозяйственныхъ угодій. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что въ отношеніи этой отрасли хозяйства Россія не представляетъ рѣзкаго отличія отъ странъ съ высокимъ состояніемъ земледѣльческой культуры. Такъ, въ Германіи на 100 жителей приходится 35 головъ рогатаго скота, а во Франціи—около 40 головъ. Но для оцѣнки настоящаго значенія этихъ чиселъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что заграничный скотъ въ $1^1/_2$ раза крупнѣе русскаго, и что въ Россіи рогатый скотъ держится не только въ качествѣ продуктивнаго, но и какъ скотъ рабочій. Но и при этихъ условіяхъ оказывается, что на десятину сельскохозяйственныхъ угодій въ Россіи держится въ 2—3 раза меньше рогатаго скота, чѣмъ во Франціи и Германіи. Овецъ и козъ въ Россіи около 50 милл. головъ, что составляетъ 30 штукъ на 100 десятинъ сельскохозяйственныхъ угодій; въ Германіи же приходится 50 штукъ на 100 десятинъ, а во Франціи—70 штукъ. Свиней въ Россіи 12 милл. штукъ, т.-е. 12 штукъ на 100 жителей и 8 штукъ на 100 дес. земли. Въ Германіи на 100 жителей приходится 27, а на 100 дес. 43 штуки; во Франціи на 100 жителей 20, а на 100 дес. 23 свиньи. Изъ приведенныхъ цифръ можно вывести заключеніе, что въ Россіи въ 2—3 раза меньше продуктивнаго скота, чѣмъ могло бы его прокормиться при условіяхъ французскаго или нѣмецкаго хозяйства. Это происходитъ оттого, что господствующей отраслью сельскохозяйственной дѣятельности нашего населенія является добываніе зерна.

Сельскохозяйственная дѣятельность имѣетъ цѣлью полученіе дохода, и на основаніи приведенныхъ свѣдѣній о сравнительномъ распространеніи зернового хозяйства и животноводства въ Россіи и въ западно-европейскихъ государствахъ мы можемъ высказать опредѣленное заключеніе о сравнительной доходности хозяйства у насъ и въ Западной Европѣ и о сравнительной зажиточности русскаго земледѣльца и его западнаго собрата. Мы можемъ это сдѣлать, потому что зерновое хозяйство и животноводство поглощаютъ неодинаковое количество труда и доставляютъ поэтому не одинаковую сумму цѣнностей. Земледѣлецъ, добывающій зерно, затрачиваетъ въ сельскомъ хозяйствѣ лѣтнее свое время и вкладываетъ въ свой продуктъ цѣнность, соотвѣтствующую этой затратѣ. Хозяинъ, основавшій производство на разведеніи рогатаго скота, овецъ и свиней, поставляющій на рынокъ молоко, сыръ, масло, мясо, имѣетъ работу по выращиванію и откорму скота въ теченіе круглаго года, извлекаетъ изъ хозяйства доходъ, прилагая производительно свой трудъ и лѣтомъ и зимою. Чѣмъ болѣе поэтому животноводство развивается на счетъ добыванія зерна, тѣмъ большая часть земледѣльческаго населенія получаетъ производительное примѣненіе своего труда въ теченіе круглаго года, и тѣмъ меньшая доля его обречена

на праздное состояніе въ теченіе зимняго полугодія; тѣмъ выше доходы хозяина, и тѣмъ богаче вся страна.

Но широкое развитіе животноводства имѣетъ важное значеніе и для зернового хозяйства.

Чтобы имѣть высокіе урожаи зерна, нужно хорошо удобрять почву, а для полученія удобренія слѣдуетъ держать много скота. Незначительное количество послѣдняго въ нашемъ отечествѣ должно поэтому выражаться низкими сборами зерна сравнительно съ западно-европейскими. И, дѣйствительно, средній урожай у насъ равняется 42 пудамъ съ десятины, между тѣмъ какъ во Франціи и Германіи онъ вдвое выше, а въ Даніи, Бельгіи и Великобританіи (странахъ съ особенно высокимъ развитіемъ скотоводства) втрое выше. Производительность земли въ нашемъ крупномъ хозяйствѣ нѣсколько выше, нежели въ крестьянскомъ: десятина крестьянскаго посѣва даетъ 40 пуд., а помѣщичьяго — 48 пудовъ зерна. Впрочемъ, отдѣльныя наши крупныя хозяйства значительно возвышаются надъ среднимъ уровнемъ.

Помѣщичье хозяйство поставлено у насъ лучше крестьянскаго потому, что частный владѣлецъ свободнѣе крестьянина въ распоряженіи своей землей; что у него есть знанія, коихъ не хватаетъ крестьянину, или средства для приглашенія свѣдущаго управляющаго, равно какъ и для затратъ на усовершенствованныя орудія и на другія статьи хозяйства, способствующія поднятію производительности земли. Несмотря на это, урожаи хлѣбовъ у частныхъ владѣльцевъ лишь немного превышаютъ сборы зерна съ крестьянскихъ полей и сильно отличаются отъ урожаевъ Западной Европы. Это даетъ основаніе полагать, что условія сельскохозяйственной дѣятельности въ Россіи не благопріятствуютъ высокому состоянію производительности земли. Обратимся же къ разсмотрѣнію этихъ условій.

Современный строй общества основывается на обмѣнѣ. Это значитъ что большая часть товаровъ производится для того, чтобы быть проданной на рынкѣ. Не составляетъ исключенія изъ этого правила и земледѣльческая промышленность. Правда, мелкій сельскій хозяинъ самъ потребляетъ часть своихъ произведеній; но все, что превышаетъ его семейныя потребности, должно быть продано на рынкѣ. Отсюда слѣдуетъ, что размѣры возможной сельскохозяйственной производительности какой-либо страны, равно какъ и сумма доходовъ сельскаго хозяина, обусловливаются спросомъ на сельскохозяйственныя произведенія со стороны рынка. При маломъ спросѣ на эти произведенія страна не можетъ производить, а земледѣлецъ не можетъ продавать большаго количества земледѣльческихъ продуктовъ, и, какъ бы низки ни были урожаи полей, ихъ нельзя, т.-е. не стоитъ, дѣлать болѣе высокими. Если послѣ этихъ предварительныхъ разъясненій мы обратимся къ вопросу о томъ, въ какомъ положеніи находятся русскій и иностранный земледѣльцы въ отношеніи спроса на ихъ продукты, и остановимся на тѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, которыя отли-

чаются высокими урожаями своихъ полей, то между этими государствами и Россіей мы замѣтимъ существенное различіе.

Покупателями продуктовъ сельскаго хозяйства являются лица, не занимающіяся земледѣліемъ. Размѣры возможнаго сбыта этихъ продуктовъ и возможной денежной выручки земледѣльца опредѣляются поэтому сравнительной численностью промышленныхъ и городскихъ классовъ, съ одной стороны, и земледѣльцевъ—съ другой; опредѣляются числомъ покупателей сельскохозяйственныхъ продуктовъ, приходящимся на одного земледѣльца. Въ тѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, которыя отличаются высокой производительностью земли, отношеніе между земледѣльческимъ и неземледѣльческимъ населеніемъ таково, что на одно лицо земледѣльческаго класса приходится лицъ прочихъ классовъ: во Франціи больше одного, въ Германіи около двухъ, въ Бельгіи больше двухъ, въ Великобританіи восемь. Во всѣхъ этихъ государствахъ, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, земледѣльческіе классы составляютъ меньше половины населенія. Въ Россіи же (Европейской), съ ея стомилліоннымъ населеніемъ, земледѣліемъ живутъ 70 милліоновъ лицъ, а покупатели земледѣльческихъ произведеній составляютъ въ суммѣ 30 милліоновъ человѣкъ, т.-е. 2—3 лица земледѣльческихъ классовъ приходятся на одно лицо классовъ, не занимающихся сельскимъ хозяйствомъ. Такимъ образомъ, во Франціи въ среднемъ одинъ земледѣлецъ имѣетъ слишкомъ одного покупателя, въ Германіи—почти двухъ, въ Бельгіи—болѣе двухъ и въ Великобританіи 8 покупателей; между тѣмъ какъ въ Россіи два-три земледѣльца разсчитываютъ всего на одного покупателя. Очевидно, что русскій земледѣлецъ не можетъ добывать въ своемъ хозяйствѣ такого количества продуктовъ и получать отъ ихъ продажи такую сумму денегъ, какіе добываетъ и получаетъ сельскій хозяинъ во Франціи, въ Германіи, Бельгіи или Англіи; онъ не можетъ довести производительность своей земли до уровня производительности ея въ перечисленныхъ выше государствахъ.

Читатель можетъ на это замѣтить, что мы продаемъ сельскохозяйственные товары не только внутри страны, но и за границей, и вывозомъ ихъ на внѣшніе рынки какъ бы замѣняемъ недостатокъ внутреннихъ потребителей. Такъ, мы отправляемъ за границу до 600 милл. пудовъ зерна; это равносильно тому, какъ будто бы мы имѣли 30 милліоновъ заграничныхъ потребителей въ придачу къ тѣмъ 30 милліонамъ лицъ неземледѣльческихъ классовъ, которыя являются покупателями сельскохозяйственныхъ произведеній внутри страны. Благодаря внѣшнему рынку, мы, слѣдовательно, удваиваемъ число покупателей продуктовъ нашего земледѣлія и доводимъ отношеніе между производителями этихъ продуктовъ и ихъ покупателями до того, какое имѣетъ, напримѣръ, мѣсто во Франціи, и при которомъ сельское хозяйство пришло въ цвѣтущее состояніе. Но бѣда въ томъ, что 30 милліоновъ заграничныхъ потребителей нашихъ сельскохозяйственныхъ

произведеній берутъ у насъ только зерно и отказываются отъ мяса, масла и другихъ продуктовъ нашего животноводства или принимаютъ послѣдніе въ самыхъ ограниченныхъ количествахъ. Германія, напримѣръ, и Франція взимаютъ съ ввозимаго масла пошлину въ размѣрѣ 1 рубля съ пуда. Мясо облагается такой же или болѣе высокой таможенной пошлиной. Высота пошлины сообразована съ той опасностью, какая грозитъ внутреннему рынку отъ иностранныхъ производителей, и она достигаетъ своей цѣли. Мѣстные хозяева Франціи и Германіи совсѣмъ почти не испытываютъ конкуренціи заграничнаго масла, а иностранное мясо ввозится въ Германію въ количествѣ всего 3—4 милл. пудовъ въ годъ.

Свободный доступъ мясные и молочные продукты имѣютъ въ Великобританію, представляющую, вмѣстѣ съ тѣмъ, и главнѣйшую потребительницу привозныхъ продуктовъ животноводства. Но ея спросъ на мясо удовлетворяется, главнымъ образомъ, привозомъ его изъ-за океана (Соединенные Штаты Америки, Аргентина, Австралія), гдѣ еще много сохранилось естественныхъ пастбищъ, и мясо поэтому дешево. Что же касается англійскаго спроса на привозные молочные продукты, то изъ 20 милл. пудовъ этого спроса въ теченіе года четвертую часть доставляетъ ея ближайшая крошечная сосѣдка, Данія (основавшая на спросѣ англійскаго рынка свое высоко развитое скотоводческое хозяйство); другую четверть—отдаленная Канада. Остальные 10 милл. пудовъ спрашиваемыхъ Англіей молочныхъ продуктовъ распредѣляются между многими государствами, причемъ Россія могла себѣ отвоевать поставку на англійскій рынокъ лишь $1^1/_2$ милліона пудовъ масла.

Англія представляетъ единственную страну, потребляющую значительныя количества масла и мяса заграничнаго происхожденія. Она махнула рукой на сельское хозяйство и свое благополучіе основала на индустріи, привлекая къ ней возможно бо́льшее число рабочихъ и обмѣнивая ея продукты за границей на хлѣбъ, мясо и другіе жизненные припасы. Поэтому она не принимаетъ искусственныхъ мѣръ покровительства своему земледѣлію и не оберегаетъ его таможенными пошлинами отъ конкуренціи иностранныхъ производителей. Прочія европейскія государства, стремясь также къ преимущественному развитію индустріи, понимаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что не могутъ достигнуть въ этомъ отношеніи тѣхъ успѣховъ, какіе выпали на долю Англіи. Они поэтому заботятся о поднятіи у себя сельскаго хозяйства и поддерживаютъ высокія цѣны его продуктовъ обложеніемъ привозныхъ произведеній. Наиболѣе выгодной отраслью сельскаго хозяйства является животноводство, дающее земледѣльцу занятіе въ теченіе круглаго года. На развитіе этой отрасли и направлены усилія Западной Европы. Мелкіе хозяева Германіи, напримѣръ, почти вовсе не продаютъ зерна и добываютъ его въ количествахъ, необходимыхъ для пропитанія ихъ семей и прокормленія скота. Достиженіе цѣли перевода возможно бо́льшаго числа

земледѣльцевъ отъ добычи зерна къ приготовленію животныхъ продуктовъ облегчается для западно-европейскихъ государствъ тѣмъ, что нужные хлѣба они имѣютъ возможность получать изъ-за границы. Предоставивъ иностранцамъ расширять зерновое хозяйство для того, чтобы удовлетворять потребность въ хлѣбѣ не только собственнаго, но и чужого населенія, передовыя европейскія страны получили возможность сократить у себя эту маловыгодную отрасль хозяйства и на ея счетъ расширили животноводство. Въ числѣ поставщиковъ зерна на иностранные рынки находится и наше отечество, и услуга, оказываемая имъ иностранному сельскому хозяйству, выражается тѣми 30 милліонами потребителей, которыхъ оно кормитъ своимъ хлѣбомъ, освобождая отъ этой обязанности иностранныхъ хозяевъ и предоставляя имъ приготовлять для нихъ масло, молоко, мясо и т. п. припасы.

Итакъ, хотя, благодаря вывозу за границу, мы какъ бы и удваиваемъ число покупателей продуктовъ нашего сельскаго хозяйства, но это мало отражается на производительности нашей земли, потому что иностранные рынки даютъ возможность расширять добычу у насъ зерна, между тѣмъ какъ для поднятія производительности почвы требуется содержаніе большого количества скота, какъ главнаго источника удобренія. Содержаніе скота ради одного удобренія, конечно, невозможно. Удобреніе является побочнымъ продуктомъ животноводства; прямой же его задачей въ странахъ интенсивнаго хозяйства служитъ снабженіе населенія молокомъ, масломъ, мясомъ и т. д. Спросъ на эти продукты создается, главнымъ образомъ, городскимъ и промышленнымъ населеніемъ. А такъ какъ въ Россіи къ этимъ классамъ принадлежитъ менѣе $^1/_3$ части жителей, то русскій рынокъ и не представляетъ достаточнаго основанія для широкаго развитія интенсивнаго животноводства, и русскія поля не имѣютъ достаточнаго удобренія. А между тѣмъ удобрять намъ приходится не только поля, дающія хлѣбъ для внутренняго потребленія, но и земли, воздѣлываемыя для иностранныхъ потребителей.

Отдѣльные наши владѣльцы, конечно, могутъ поставить свои хозяйства очень хорошо: ввести интенсивное животноводство и продавать молоко, масло, мясо и т. п. или приспособить ихъ къ сахароваренію, винокуренію и получать доходы, не уступающіе доходамъ западныхъ хозяевъ. Но размѣрамъ и винокуренія, и сахароваренія, и животноводства положенъ у насъ узкій предѣлъ ограниченнымъ спросомъ рынка на соотвѣтствующіе продукты. И если бы всѣ наши владѣльцы въ разсчетѣ на крупные барыши вздумали преобразовать свои хозяйства такъ, чтобы выдвинуть на первый планъ указанныя выше отрасли, дающія, вмѣстѣ съ тѣмъ, обильное удобреніе для полей,—рынокъ переполнился бы товарами, и вмѣсто барышей сельскіе хозяева получили бы убытки. Такое явленіе десять лѣтъ назадъ имѣло мѣсто въ области нашего сахароваренія, и правительство, по просьбѣ хозяевъ, положило, какъ извѣстно, предѣлъ дальнѣйшему безпорядочному

возрастанію сахарнаго производства, введя обязательную его нормировку. Не нашло бы помѣщенія на внутреннемъ рынкѣ и усиленное производство, напримѣръ, молочныхъ продуктовъ. Не даромъ же сибирскіе сельскіе хозяева воспользовались сибирской желѣзной дорогой для сбыта своего масла не въ Европейскую Россію, а въ Англію.

Въ противность тому, что наблюдается въ нашемъ отечествѣ, земледѣльческое населеніе Западной Европы имѣетъ обширный рынокъ для цѣнныхъ продуктовъ сельскаго хозяйства, представляемый спросомъ многочисленнаго городского и промышленнаго населенія. Западныя правительства, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимаютъ спеціальныя мѣры къ тому, чтобы обезпечить сельскимъ хозяевамъ высокія цѣны ихъ произведеній, и облагаютъ привозные товары таможенными пошлинами. Россія лишена возможности примѣнить это средство поддержанія своего земледѣлія потому, что она не ввозитъ, а вывозитъ сельскохозяйственные продукты; вмѣстѣ съ тѣмъ, таможенныя мѣры Германіи, Франціи и Италіи приносятъ ей новый ущербъ, такъ какъ уплату если не всей, то значительной части пошлины ей приходится брать на себя и терять при продажѣ 15—20 копѣекъ на каждомъ пудѣ зерна.

Первую главу настоящихъ очерковъ мы закончили замѣчаніемъ, что капиталистическая эволюція будетъ имѣть безспорные, положительные съ хозяйственной точки зрѣнія результаты въ томъ случаѣ, если, на ряду съ отдѣленіемъ промысловъ отъ земледѣлія, послѣдуетъ такое преобразованіе сельскаго хозяйства, при которомъ земледѣлецъ будетъ вознагражденъ за утрату промысловыхъ заработковъ распространеніемъ сельскохозяйственныхъ занятій на зимнее полугодіе. Въ Западной Европѣ осуществилось это условіе. Въ Россіи же сохраняется та система хозяйства, которая согласована съ началомъ единенія земледѣльческой и промышленной дѣятельности и оказывается разорительной при разрушеніи этого единенія. И система эта поддерживается въ нашей странѣ не только условіями внутреннихъ отношеній, но и повелительными требованіями международнаго товарнаго оборота, диктуемыми передовыми капиталистическими странами. Сохраненіе у насъ этой системы является, какъ мы видѣли, однимъ изъ условій преобразованія земледѣльческой промышленности западноевропейскихъ государствъ, отвѣчающаго выше формулированнымъ требованіямъ капиталистическаго строя. Поэтому капиталистическая эволюція на Западѣ привела къ обогащенію, а въ Россіи—къ обѣднѣнію массы населенія.

Итакъ, мелкій русскій земледѣлецъ не нашелъ (да и не искалъ) въ преобразованіи хозяйства средства восполненія недочета въ своихъ доходахъ, происходящаго отъ сокращенія его зимнихъ промысловыхъ занятій и ограниченія площади обрабатываемой имъ земли. Не имѣя этого средства поддержанія своихъ доходовъ на уровнѣ растущихъ тратъ, онъ былъ обреченъ на болѣе или менѣе быстрое обѣднѣніе. Пореформенная исторія нашего крестьянина—преимущественно центральной черноземной, затѣмъ восточной

и, наконецъ, южной полосы и исторія крестьянина многихъ нечерноземныхъ районовъ—есть лѣтопись борьбы земледѣльца съ неблагопріятствующими ему условіями хозяйственной эволюціи страны и постепеннаго паденія его въ этомъ неносильномъ состязаніи. Роковое противорѣчіе, представившееся русскому земледѣльцу, заключается въ томъ, что сокращеніе подсобныхъ заработковъ требуетъ расширенія его земледѣльческаго хозяйства, а увеличеніе числа земледѣльцевъ грозитъ сокращеніемъ послѣдняго. Поставленный между двумя противоположными другъ другу тенденціями, крестьянинъ не можетъ и думать о возвышеніи своего благосостоянія; и въ тѣхъ раіонахъ, гдѣ отсутствуютъ посторонніе заработки, всѣ его усилія обращены на то, чтобы какъ-нибудь удержаться въ положеніи самостоятельнаго земледѣльца. Много хозяевъ падаетъ въ этой непосильной борьбѣ съ обстоятельствами, а тѣ, кто еще сохраняетъ призракъ самостоятельности, достигаютъ этого тяжелыми жертвами подчиненія земельному и ростовщическому капиталамъ.

Наиболѣе остро выражается этотъ разрушительный процессъ въ разрядѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Сокращеніе, вслѣдствіе размноженія населенія, надѣльнаго участка крестьянинъ стремится восполнить арендой чужихъ угодій. Бывшій помѣщичій крестьянинъ самими условіями своего освобожденія поставленъ былъ, какъ мы видѣли, въ огромную зависимость отъ землевладѣльца. Съ размноженіемъ населенія и сокращеніемъ подсобныхъ заработковъ эта зависимость увеличивалась и принимала болѣе и болѣе тягостныя формы. Растущая конкуренція крестьянъ въ погонѣ за помѣщичьей землей подняла арендныя и продажныя цѣны послѣдней выше всякихъ предѣловъ благоразумія. Ни одинъ хозяинъ-коммерсантъ не вынесъ бы подобныхъ цѣнъ, а крестьянинъ даетъ ихъ потому, что видитъ въ этомъ единственное средство сохранить сколько-нибудь обезпечивающее его занятіе. Средство это оказывается, однако, очень ненадежнымъ. Только хорошіе урожаи доставляютъ мелкому хозяину возможность расплатиться съ владѣльцемъ арендуемой имъ земли, съ банкомъ, взявшимъ подъ залогъ купленный имъ участокъ, и съ другими, лежащими на немъ обязательствами. Средній же сборъ хлѣбовъ и тѣмъ болѣе легкій недородъ обращаютъ крестьянина въ несостоятельнаго плательщика аренды, банковыхъ процентовъ или казенныхъ налоговъ, а затѣмъ ведутъ его къ голоданію.

Недостаточность заработковъ подвергаетъ крестьянина въ новую зависимость: отъ ростовщика. Нуждаясь постоянно въ деньгахъ для удовлетворенія тѣхъ или другихъ своихъ потребностей, крестьянинъ стремится занять ихъ тамъ или здѣсь. Этимъ пользуются окружающіе его денежные люди и безбожно эксплуатируютъ его самыми разнообразными способами. Ростовщикъ требуетъ съ крестьянина по ссудѣ 50—100% годовыхъ и болѣе. Торговецъ предметамъ потребленія, отпуская ихъ въ кредитъ, назначаетъ такія цѣны, какія ему заблагоразсудится. Скупщикъ льна, пеньки, кустарныхъ издѣлій, ссужая крестьянина деньгами или матеріалами его промысла, обязываетъ

продавать ему продукты его труда и даетъ за нихъ совершенно произвольную сумму. Заводчики, лѣсоторговцы, землевладѣльцы нанимаютъ крестьянъ на работы (зимою, въ концѣ года, когда крестьянамъ дозарѣзу нужны деньги, и сборщики податей особенно настоятельно требуютъ погашенія недоимокъ) за половинную цѣну, но съ выдачею крупныхъ задатковъ, которыми тотчасъ же и затыкаются наиболѣе широкія дыры въ бюджетѣ земледѣльца. Самой первой дырой, требовавшей затычки, были казенныя подати, и нерѣдко весь задатокъ крестьянина за невыгодную работу прямо передается нанимателемъ сборщику податей.

Обѣднѣніе земледѣльческаго населенія неблагопріятно отражается и на промысловыхъ доходахъ той части сельскихъ хозяевъ, которые еще сохранили подсобныя занятія, равно какъ и на доходахъ кустарей, для которыхъ промыселъ служитъ главнымъ источникомъ средствъ существованія. Скудость сельскохозяйственныхъ доходовъ побуждаетъ земледѣльца всѣми силами держаться за свое подсобное занятіе, довольствоваться ничтожнѣйшими заработками, при крайнемъ расширеніи продолжительности своего рабочаго дня. Этими средствами онъ на время задерживаетъ совершенное уничтоженіе промысла; но, въ концѣ концовъ, кустарные промыслы одинъ за другимъ прекращаютъ свое существованіе, и хотя развитіе промышленной жизни порождаетъ новые мелкіе промыслы, но уничтоженіе таковыхъ идетъ быстрѣе, и связь земледѣлія и промышленности разрывается болѣе и болѣе. Уничтоженіе кустарныхъ промысловъ, конкурирующихъ съ крупными предпріятіями, неблагопріятно отражается и на тѣхъ ремеслахъ, которыя еще не захватываются фабриками. Земледѣльцы, лишенные фабрикой подсобнаго заработка, стремятся найти таковой въ другой области труда. Они берутся за ремесла, которымъ еще не грозитъ конкуренція крупнаго производства, переполняютъ рынки соотвѣтствующими продуктами, сбиваютъ цѣну послѣднихъ и понижаютъ такимъ образомъ заработки кустарей, давно отдающихся этому промыслу. Вслѣдствіе указанныхъ причинъ жалобы на упадокъ кустарныхъ промысловъ и низкіе заработки кустарей слышатся въ послѣдніе годы со всѣхъ концовъ Россіи.

Доходы большей части уломскихъ и нижегородскихъ, напримѣръ, гвоздарей (весьма сильно пострадавшихъ благодаря конкуренціи машиннаго проволочнаго гвоздя) въ теченіе шести зимнихъ мѣсяцевъ колеблются между 1—2 рублями въ недѣлю; заработки ростовскаго петельщика и семеновскаго ложкаря равняются 1 р.—1 р. 50 к., а подчасъ падаютъ до 65 к. въ недѣлю; заработокъ темниковскаго бондаря и макарьевскаго рогожника составляетъ 4 р. въ мѣсяцъ, осташковскаго плетельщика сѣтей—нѣсколько копѣекъ въ день, нижегородскаго плетельщика лаптей—5—7 р. въ зиму; цѣлая семья въ тверскомъ уѣздѣ, занимающаяся приготовленіемъ папиросныхъ гильзъ, зарабатываетъ 20—25 к. въ день; домашніе ткачи бумажной матеріи въ московской губерніи вырабатываютъ 5—6 р. въ мѣсяцъ; о

заработкахъ вятскихъ древодѣловъ можно судить по тому, что крашеные стулья продаются ими по 9 к. за штуку и т. д.

Изъ этихъ примѣровъ, относящихся и къ мелкимъ, и къ крупнымъ промысламъ (вязаніемъ сѣтей въ осташковскомъ уѣздѣ занято 20 тыс. рабочихъ, ткацкимъ промысломъ въ московской губ.—35 тыс. и т. д.), видно, какими жалкими доходами готовъ довольствоваться русскій земледѣлецъ лишь бы не упустить промысловаго заработка. И это вполнѣ понятно! Доходы отъ сельскаго хозяйства, требующаго примѣненія силы земледѣльца лишь въ теченіе лѣтняго времени, не могутъ обезпечить ему сноснаго существованія. Онъ стремится поэтому пополнять ихъ какими-либо заработками въ зимнее время. Русскаго земледѣльца вы встрѣтите зимою и извозчикомъ или чернорабочимъ въ городѣ, и на станціи желѣзной дороги, и слушащимся въ фабричныя ворота, и рубящимъ лѣса, и ищущимъ служебнаго занятія. А если онъ приспособился къ какому-либо промыслу, то держится его до послѣдней возможности. Здѣсь онъ имѣетъ если и низкій, то, по крайней мѣрѣ, постоянный заработокъ, между тѣмъ какъ съ уничтоженіемъ промысла ему придется каждую зиму задумываться о томъ, какимъ случайнымъ заработкомъ ему удастся заткнуть главнѣйшія дыры въ своемъ скромномъ бюджетѣ.

Вмѣстѣ съ упадкомъ кустарныхъ промысловъ наблюдается растущее порабощеніе кустаря капиталистомъ, являющимся къ нему прежде всего въ формѣ торговца.

Торговецъ образуетъ необходимое колесо въ организаціи промысла, работающаго для отдаленныхъ рынковъ и въ особенности, если при этомъ перерабатываются привозные матеріалы. Но растущее изо дня въ день порабощеніе кустаря торговцемъ проистекаетъ также отъ бѣдности и малокультурности населенія, не имѣющаго средствъ ни для пріобрѣтенія запасовъ сырья, ни для расходованія на другія нужды кустаря въ теченіе нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ. Вслѣдствіе отсутствія въ деревняхъ дешеваго организованнаго кредита, при всякой нуждѣ въ деньгахъ кустарю приходится обращаться къ мѣстному торговцу, который соглашается оказать ему ссуду подъ условіемъ продажи ему выдѣланныхъ предметовъ. Самая ссуда состоитъ не изъ денегъ, а изъ предметовъ потребленія кустаря и перерабатываемаго имъ матеріала. Все это становится въ счетъ кустарю по значительно возвышеннымъ цѣнамъ, а доставляемыя имъ издѣлія оцѣниваются, напротивъ того, низко. Если нужда кустаря изъ острой обратилась въ хроническую—а таковъ естественный исходъ для трудящагося при описанныхъ выше условіяхъ—и кустарь не выходитъ изъ долговъ, то образуются постоянныя зависимыя отношенія опредѣленныхъ кустарей къ опредѣленнымъ скупщикамъ. Послѣдній изъ кредитора обращается въ глазахъ перваго въ «хозяина», на котораго онъ работаетъ, пріобрѣтая у него матеріалъ и сбывая ему издѣліе или получая просто заработанную (поштучную) плату за переработку хозяйскаго сырья.

Такимъ образомъ, въ кустарныхъ промыслахъ наблюдаются всевозможныя переходныя ступени отъ полной самостоятельности производителей, свободно пріобрѣтающихъ матеріалъ и свободно продающихъ торговцу или потребителю свои издѣлія, до полнаго порабощенія ихъ предпринимателями подъ формою домашней системы капиталистической промышленности. Послѣдняя форма организаціи кустарныхъ промысловъ развивается съ теченіемъ времени болѣе и болѣе, и одно изъ условій ея распространенія заключается въ растущемъ обѣднѣніи кустаря-земледѣльца.

Представленный здѣсь общій очеркъ хозяйственной эволюціи реформированной Россіи показалъ, что главная отрасль нашей промышленной дѣятельности—земледѣліе—остается при прежней низкой производительности труда; что мелкая, кустарная промышленность погибаетъ, а крупная, капиталистическая развивается крайне недостаточно, и что преобладающая (земледѣльческая) масса населенія болѣе и болѣе утрачиваетъ возможность производительнаго примѣненія своего труда въ теченіе зимней половины года. Такая комбинація явленій выражается двумя итогами: обѣднѣніемъ земледѣльческаго населенія и сокращеніемъ объема производительнаго примѣненія рабочихъ силъ страны. Изъ этого съ неизбѣжностью вытекаетъ заключеніе, что въ отношеніи производительности Россія должна рѣзко отличаться отъ другихъ цивилизованныхъ государствъ. Имѣющіяся на этотъ счетъ данныя подтверждаютъ такое заключеніе.

Ежегодный національный доходъ на душу населенія исчисляется различными изслѣдователями для Англіи въ 345—380 р., для Франціи въ 300 р., для Германіи въ 250 р., а для Россіи всего въ 75—110 р. Это—рессурсы, которыми покрываются нужды страны. И мы видимъ, что Германія имѣетъ въ $2^1/_2$ раза больше такихъ рессурсовъ, чѣмъ Россія; Франція—въ 3 раза, а Великобританія почти въ 4 раза болѣе. Мы можемъ безошибочно поэтому утверждать, что личныя и особенно общественныя потребности нашего населенія удовлетворяются весьма недостаточно. И, дѣйствительно, многочисленныя наблюденія показали, что если брать уѣздъ или губернію цѣликомъ, то у русскаго земледѣльца отъ всѣхъ его заработковъ, за покрытіемъ хозяйственныхъ тратъ, очищается на всѣ прочіе, личные и общественные расходы, натурою и деньгами отъ 30 до 50 руб. на душу; не удивительно, при такихъ условіяхъ, если 13—14-трублевый (по разсчету на душу) государственный (вмѣстѣ съ общественнымъ) бюджетъ оказывается для него непосильнымъ, и онъ изнемогаетъ подъ бременемъ недоимокъ. Между тѣмъ какъ изъ національной производительности Австро-Венгріи удѣляется на общественныя нужды (въ формѣ затратъ государства и муниципальныхъ учрежденій) больше 30 руб. на одного жителя, во Франціи больше 45 р., а въ Великобританіи (въ самые послѣдніе годы) даже больше 60 руб. Въ соотвѣтствіи съ ничтожностью нашихъ общественныхъ тратъ ничтожны, конечно, и наши средства удовлетворенія

образовательныхъ, медицинскихъ, санитарныхъ и всѣхъ прочихъ культурныхъ потребностей народа.

Таковы итоги пореформенной эволюціи нашего хозяйственнаго быта!

ГЛАВА VII.

Факторы капиталистической эволюціи въ Россіи.

Несмотря на общій натуральный характеръ быта древней Руси, въ ней очень рано развилась живая торговая дѣятельность. Условіемъ, благопріятствовавшемъ раннему развитію у насъ торговли, было то обстоятельство, что славянскія племена, образовавшія русское государство, заняли мѣста, находившіяся на пути торговыхъ сношеній норманновъ съ Византіей (по р. Днѣпру) и болгаръ съ арабами (по р. Волгѣ), и сами были вовлечены въ международный торговый оборотъ. Непосредственнымъ результатомъ сказаннаго было развитіе сношеній между различными областями самой Руси, въ цѣляхъ пріобрѣтенія экспортируемыхъ русскихъ произведеній (частью путемъ покупки, частью какъ подать, уплачиваемая правительству мѣхами и другими продуктами мѣстной природы) и передачи по назначенію товаровъ, привозимыхъ изъ-за границы. Это, конечно, способствовало обмѣну товаровъ и между различными мѣстностями самой Россіи.

Описанныя условія были очень благопріятны для развитія промышленной дѣятельности въ подмосковномъ районѣ, который, какъ мы видѣли, призывался къ тому и большой густотой его населенія, и близостью къ правительственному центру, и удобствомъ расположенія относительно водяныхъ путей сообщенія. Живыя торговыя сношенія представляли готовые пути для распространенія мѣстныхъ издѣлій въ отдаленные районы страны. Разбросанность населенія этихъ районовъ и колонизаціонный характеръ исторіи русскаго народа представляли, въ свою очередь, благопріятныя условія для развитія торговли.

Въ силу перваго обстоятельства лица, нуждавшіяся въ болѣе искусномъ ремесленникѣ, рѣдко могли встрѣтить такового въ малолюдномъ районѣ своихъ повседневныхъ сношеній. И теперь еще во многихъ мѣстахъ не находится такихъ ремесленниковъ, и населеніе пользуется отхожими мастерами, посѣщающими повременамъ своихъ отдаленныхъ клієнтовъ. А въ прежнее время, когда отхожіе промыслы не имѣли такого развитія, населеніе охотно покупало привозныя готовыя издѣлія. Постоянный отливъ населенія

во вновь колонизуемыя страны создавать новые рынки для внутренней торговли продуктами промышленной дѣятельности. Такимъ образомъ, Россія прежняго времени представляла цѣлый случай сочетанія натуральнаго хозяйства съ довольно живыми торговыми сношеніями. А образовавшаяся при описанныхъ условіяхъ привычка пріобрѣтать нужные продукты на рынкѣ и дешевизна продажныхъ предметовъ обычнаго потребленія служили нѣкоторымъ препятствіемъ широкому распространенію заказовъ и въ то время, когда ослабѣли препятствія, задерживавшія ихъ развитіе. «Внутри Россіи — говоритъ одинъ иностранный писатель конца XVIII вѣка — очень рѣдко можно что-нибудь сдѣлать на заказъ; въ случаѣ какой-нибудь надобности нужно идти въ лавки или магазины, помѣщающіеся обыкновенно въ одномъ мѣстѣ. Но зато въ этихъ лавкахъ можно найти все, что угодно и къ тому же на тратъ дешевле, чѣмъ у ремесленниковъ, берущихъ работу на заказъ».

Но еще ранѣе, чѣмъ во внутренней торговлѣ, русскія произведенія обращались въ торговлѣ международной. Больше всего вывозились за границу сырые продукты добывающей промышленности: мѣха, медь, воскъ, позже ленъ, конопля. Затѣмъ Россія стала отпускать за границу нѣкоторое количество своихъ обработанныхъ издѣлій. Первоначально это были холсты и сукна; впослѣдствіи къ нимъ были присоединены выдѣланныя кожи, канаты, рогожи, смола, поташъ, сѣмянныя масла; а съ XVIII вѣка, послѣ энергичныхъ мѣръ правительства для развитія горнаго дѣла, Россія стала отправлять за границу желѣзо и мѣдь.

Экспортъ грубыхъ продуктовъ обработки сырыхъ матеріаловъ, доставляемыхъ нашимъ сельскимъ хозяйствомъ, былъ возможенъ потому, что въ Западной Европѣ, какъ и въ Россіи, предметы потребленія производились въ описываемое время ручнымъ трудомъ, и западно-европейскій ремесленникъ мало возвышался надъ русскимъ въ отношеніи производительности своего труда.

Экспортъ тканей и другихъ издѣлій мѣстной промышленности явился, слѣдовательно, результатомъ не особеннаго искусства русскихъ ремесленниковъ, а изобилія и дешевизны сырыхъ сельскохозяйственныхъ произведеній, превращаемыхъ въ издѣлія.

Вывозъ издѣлій за границу, равно какъ и широкое распространеніе внутренней торговли, развивавшейся на почвѣ мелкаго производства, составляло, казалось бы, благопріятное условіе для обращенія нашей мелкой промышленности въ крупную, потому что ими былъ уже приготовленъ рынокъ для сбыта произведеній. Но сумма другихъ неблагопріятныхъ условій для крупнаго производства парализовала вліяніе указаннаго обстоятельства, и наша обрабатывающая промышленность продолжала долгое время сохранять свой прежній кустарный характеръ.

Серьезный шагъ къ водворенію въ Россіи крупной промышленности сдѣланъ былъ при Петрѣ II, имѣвшемъ въ виду, главнымъ образомъ, обез-

печать войско предметами потребленія и военными принадлежностями внутренняго приготовленія. При пособіи и поощреніи правительства устраивались горныя предпріятія, оружейные заводы, суконныя, полотняныя, парусинныя фабрики и проч. Въ данномъ случаѣ насъ особенно интересуютъ послѣдствія этихъ заботъ правительства о развитіи самой древней нашей промышленной отрасли—обработки льняного волокна. Несомнѣннымъ результатомъ этихъ заботъ было усовершенствованіе кустарнаго льняного ткачества, именно распространеніе выдѣлки тонкихъ полотенъ, которой кустари научились на фабрикахъ. Что же касается фабричнаго ткачества, то оно развивалось туго, и въ XIX столѣтіи фабрика должна была даже уступить мѣсто кустарной спѣтелкѣ. Мы имѣли уже случай объяснить, что подобное явленіе было возможно потому, что на прежнихъ фабрикахъ, какъ и въ кустарномъ производствѣ, господствовалъ ручной трудъ. Фабрика имѣла преимущество передъ ручнымъ трудомъ въ первой отрасли процесса обработки льна—обращеніи волокна въ пряжу, и когда съ 1830 года у насъ стало распространяться механическое пряденіе, ручное приготовленіе пряжи было оставлено, и кустари начали выдѣлывать льняныя ткани изъ пряжи, производимой фабричнымъ путемъ.

Во второй половинѣ истекшаго вѣка, обработка льна, какъ и прочія отрасли нашей промышленности, стала совершенствоваться: капиталистическія предпріятія начали примѣнять машины и механическіе двигатели, и кустарное ткачество льняныхъ издѣлій стало быстро сокращаться. Такой же процессъ наблюдался и въ другихъ отрасляхъ нашей крупной промышленности. Но это развитіе русской капиталистической промышленности не могло идти ни въ какое сравненіе съ промышленностью западно-европейской и потому параллельно съ усовершенствованіемъ нашего производства экспортъ издѣлій не только не увеличивался, но сильно сокращался, и правительство должно было воздвигать таможенныя стѣны, чтобы оберегать русскій капитализмъ отъ разрушенія капитализмомъ иноземнымъ.

Дѣйствительно, ничто такъ не рисуетъ нашей отсталости въ промышленномъ отношеніи, какъ сокращеніе вывоза продуктовъ самыхъ древнихъ нашихъ промышленныхъ отраслей, переработывающихъ въ тому же старые матеріалы, доставляемые самымъ главнымъ промысломъ нашего населенія — сельскимъ хозяйствомъ. Судьба самыхъ старыхъ статей экспорта нашихъ издѣлій въ теченіе послѣдняго столѣтія рисуется слѣдующими цифрами.

Вывезено на сумму тысячъ рублей:

	въ 1802 г.	въ 1900 г.
кожи выдѣланныя	22557	7766
льняныя и пеньковыя издѣлія	44557	7299
веревки и канаты	8869	3866
мыло желѣзо	50604	4469
потаскъ	12243	2350

	въ 1802 г.	въ 1900 г.
конопляное масло	1872	9
рогожи	218	210
смола	418	694

Исключая рогожъ и смолы, вывозъ продуктовъ нашей индустріи, составлявшихъ съ давнихъ временъ предметъ нашего экспорта, сократился за истекшее столѣтіе въ нѣсколько разъ.

Было время, когда наша желѣзная промышленность стояла выше иностранной. Въ концѣ XVIII вѣка въ Россіи выплавлялось около 10 милліоновъ пудовъ чугуна, а въ Англіи и во Франціи — вдвое менѣе. Въ это время мы вывозили за границу 3—4 милліона пудовъ чугуна въ годъ, т.-е. наше производство этого металла на $^1/_3$—$^1/_2$ поддерживалось вывозомъ его за границу. Но, достигнувъ извѣстныхъ успѣховъ, наша металлургическая промышленность застыла въ одномъ положеніи, а англійское производство стало быстро совершенствоваться. Русскій чугунъ потерялъ, такимъ образомъ, возможность конкурировать на внѣшнихъ рынкахъ съ продуктомъ иностраннаго производства, и нашъ экспортъ чугуна въ первой четверти XIX вѣка опустился до $1^1/_4$ милліоновъ пудовъ.

Приблизительно то же самое надлежитъ сказать и о нашей льняной промышленности. Въ началѣ прошлаго вѣка вывозъ ея издѣлій былъ настолько значителенъ, что экспортъ составлялъ около $^1/_3$ части фабричнаго производства льняныхъ тканей: нѣкоторыя фабрики всецѣло работали для вывоза. Но затѣмъ, когда усовершенствованіе иностраннаго производства коснулось и тѣхъ грубыхъ издѣлій, какія поставляла за границу Россія — нашъ экспортъ сталъ падать и теперь выражается суммою въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей въ годъ. Такимъ образомъ, несмотря на древность нашей льняной промышленности, на то, что сырымъ матеріаломъ для нея служитъ дешевый продуктъ мѣстнаго сельскаго хозяйства высокаго натуральнаго достоинства, что Западная Европа нуждается въ льняныхъ издѣліяхъ и привыкла выписывать ихъ изъ Россіи,—капиталистическое производство льняныхъ тканей развито у насъ очень мало, и, вмѣсто снабженія иностранцевъ фабрикатами, мы способствуемъ развитію льняного ткачества у своихъ конкурентовъ, отправляя за границу для переработки большую часть добываемаго у насъ льняного волокна. Дѣйствительно, вывозъ за границу нашего льна колеблется въ послѣдніе годы около 14—15 милліоновъ пудовъ въ годъ, между тѣмъ какъ перерабатывается на русскихъ фабрикахъ нѣсколько болѣе 3 милліоновъ пудовъ, т.-е. почти въ 5 разъ менѣе. Выручка наша отъ экспортируемаго сырья (около 70 милл. руб.) почти въ $1^1/_2$ раза превышаетъ стоимость всѣхъ продуктовъ, приготовленныхъ изъ этого сырья на нашихъ фабрикахъ.

Характернымъ для нашего капитализма является и то обстоятельство,

что крупный капиталъ не беретъ на себя даже обращенія льняной тресты въ волокно, и тогда какъ въ Западной Европѣ роль земледѣльца въ дѣлѣ полученія льняного волокна заканчивается уборкой льна съ поля, а дальнѣйшая его отдѣлка производится фабричнымъ путемъ — въ Россіи и операціи мочки, трепанья и чесанія льна лежатъ, главнымъ образомъ, на крестьянахъ. Крестьяне не выпускаютъ изъ своихъ рукъ этихъ операцій потому, что онѣ даютъ имъ возможность производительнаго примѣненія ихъ труда послѣ окончанія полевыхъ работъ, и такъ какъ выращиваютъ ленъ у насъ почти исключительно мелкіе земледѣльцы, то они и пускаютъ въ продажу не льняную треcту, а вылущенныя изъ нея волокна. Возможность удержать въ рукахъ мелкихъ производителей эти операціи объясняется тѣмъ, что мочка тресты въ крупныхъ размѣрахъ не даетъ экономіи расходовъ; а при трепаніи льна экономія обусловливается лишь бо́льшей быстротой работы при примѣненіи механической силы. Но крестьяне соглашаются лучше выручать ничтожную сумму на своей малопроизводительной работѣ, нежели совершенно утратить источникъ заработка въ теченіе времени, свободнаго отъ сельскохозяйственныхъ занятій.

Такая организація приготовленія льняного волокна, конечно, вредно отражается на достоинствѣ послѣдняго, такъ какъ крестьяне, предоставленные въ этомъ дѣлѣ исключительно своимъ силамъ и незнакомые съ требованіями внутренняго и внѣшняго рынковъ, употребляютъ самые первобытные пріемы, дающіе неудовлетворительное волокно. Послѣднее окончательно портится вслѣдствіе организаціи льняной торговли, такъ какъ отъ крестьянъ волокно попадаетъ въ руки мелкихъ скупщиковъ, сильно эксплуатирующихъ крестьянъ и обманывающихъ своихъ покупателей, всячески фальсифицируя товаръ. Это создало очень плохую репутацію нашему льну на заграничныхъ рынкахъ, и за свой хорошій по натуральнымъ свойствамъ продуктъ Россія имѣетъ поэтому сравнительно незначительную выручку.

Начавъ прогрессировать въ то время, когда западная промышленность достигла значительного совершенства, наша льняная промышленность нуждалась, конечно, въ дѣятельной охранѣ отъ иностранной конкуренціи. Въ теченіе истекшаго столѣтія, подъ вліяніемъ мѣняющихся взглядовъ правящихъ сферъ, таможенныя пошлины на льняныя издѣлія и другіе предметы то возвышались, то опускались, и всякое ослабленіе таможеннаго покровительства вело тотчасъ къ усиленному ввозу иностранныхъ издѣлій. Только съ 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія, когда таможенная пошлина на льняныя издѣлія была назначена въ 70 к. съ фунта,—что равносильно обложенію высшихъ сортовъ издѣлій на 20% ихъ цѣнности, среднихъ—на 40—50% и низшихъ еще болѣе, и послѣ того какъ эта пошлина два раза возвышалась на 20%—ввозъ заграничныхъ произведеній сталъ уменьшаться, и мы теперь получаемъ только батисты и другіе высшіе сорта льняныхъ тканей на сумму около одного милліона рублей въ годъ.

Наши льняныя фабрики не могутъ производить самыхъ тонкихъ издѣлій, равно какъ и тонкихъ номеровъ льняной пряжи, которая и ввозится къ намъ, впрочемъ, всего только на нѣсколько сотъ тысячъ рублей въ годъ. По незначительности сбыта высшихъ сортовъ льняныхъ тканей капиталистамъ нѣтъ разсчета приспособлять свои заведенія къ приготовленію соотвѣтствующихъ продуктовъ въ то время, когда, благодаря высокой таможенной стѣнѣ, имъ обезпечены крупные барыши отъ производства среднихъ и низшихъ сортовъ издѣлій. Вывозимъ мы за границу льняныя издѣлія на сумму въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей въ годъ.

Останавливаясь на современномъ состояніи нашей крупной льняной промышленности, мы не можемъ не подчеркнуть жалкихъ итоговъ многолѣтнихъ заботъ о ея процвѣтаніи особенно, если сравнить ее съ положеніемъ другой, родственной отрасли производства—обработки хлопка.

Въ 1900 году въ крупныхъ заведеніяхъ по обработкѣ льна, конопли и джута занято было 80 тыс. рабочихъ, а въ предпріятіяхъ по обработкѣ хлопка 400 тыс. рабочихъ или въ 5 разъ болѣе; число механическихъ двигателей въ первой группѣ было 280, во второй 1900 или въ 7 разъ болѣе; механическихъ силъ въ нихъ 32 тыс. и 280 тыс.; въ хлопчатобумажной промышленности, слѣдовательно, въ 9 разъ болѣе; сумма выработки въ первой группѣ 67 милл. руб., во второй 531 милл. руб. или почти въ 8 разъ болѣе. Характеризуя среднее заведеніе той и другой отрасли мануфактурной промышленности, мы увидимъ слѣдующее между ними различіе.

Среднее заведеніе по обработкѣ льна, пеньки и конопли имѣетъ 178 рабочихъ, 80 паровыхъ силъ и вырабатываетъ въ теченіе года издѣлій на 168 тыс. рублей; среднее заведеніе по обработкѣ хлопка занимаетъ 550 рабочихъ, имѣетъ механическіе двигатели на 385 паровыхъ силъ, и стоимость его фабрикатовъ равняется 727 тыс. рублей. По всѣмъ важнѣйшимъ признакамъ хлопчатобумажная фабрика значительно превосходитъ заведеніе по обработкѣ другихъ волокнистыхъ матеріаловъ. Соотвѣтственно сказанному и производительность труда въ ней выше: стоимость выпускаемыхъ съ фабрики произведеній по расчету на одного рабочаго составляетъ въ льняномъ (и т. п.) дѣлѣ 840 руб., а въ обработкѣ хлопка 1333 руб. или слишкомъ въ $1^1/_2$ раза больше. Судьба льняного и хлопчатобумажнаго производства въ Россіи хорошо иллюстрируетъ условія широкаго развитія капиталистической промышленности въ Россіи.

Обработка льна есть самый старый нашъ промыслъ; поощреніе фабричной формы производства началось еще при Петрѣ Великомъ; сырой матеріалъ высокихъ натуральныхъ качествъ приготовляется внутри страны и стоитъ очень дешево. Несмотря на всѣ эти благопріятныя условія, крупное производство льняныхъ издѣлій занимаетъ у насъ болѣе чѣмъ второстепенное мѣсто, и всѣ наши капиталистическія предпріятія вырабатываютъ

въ видѣ пряжи и полотенъ на сумму не болѣе 50 милл. руб. въ годъ. Хлопчатобумажное дѣло появилось у насъ въ сколько-нибудь замѣтномъ размѣрѣ лишь въ XVIII вѣкѣ, развивалось на привозномъ матеріалѣ, не пользовалось активной поддержкой правительства въ видѣ казенныхъ заказовъ на ея издѣлія, и несмотря на это сдѣлалось одной изъ важнѣйшихъ нашихъ промышленныхъ отраслей, и стоимость всѣхъ его издѣлій, превышая 500 милл. рублей, въ 10 разъ превышаетъ стоимость издѣлій, вырабатываемыхъ въ теченіе года на всѣхъ крупныхъ льнопрядильныхъ и льноткацкихъ фабрикахъ.

Это различіе судьбы той и другой промышленности находитъ себѣ объясненіе въ неодинаковомъ ихъ положеніи относительно сбыта издѣлій.

За неимѣніемъ внѣшнихъ рынковъ для своихъ произведеній, и та, и другая отрасли крупной мануфактурной промышленности могли у насъ основаться лишь при условіи широкаго распространенія ихъ издѣлій внутри страны. И хотя высокими таможенными пошлинами внутренній рынокъ былъ закрѣпленъ за обѣими отраслями, но объемъ его для продуктовъ льняной и хлопчатобумажной промышленности былъ очень различенъ.

Обѣ эти отрасли приготовляютъ предметы массового потребленія народа, которые въ прежнее время выдѣлывались частью домашнимъ, частью кустарнымъ путемъ. Широкое развитіе крупнаго капиталистическаго производства и возможно лишь на почвѣ массового потребленія. Въ данномъ случаѣ это развитіе достигалось путемъ вытѣсненія фабричнымъ издѣліемъ продукта мелкой промышленности. Такое вытѣсненіе было возможно при значительномъ удешевленіи фабричнаго издѣлія вслѣдствіе широкаго примѣненія въ производствѣ машинъ и механическихъ двигателей.

Если, послѣ сдѣланнаго разъясненія, мы обратимся къ исторіи крупной нашей льняной промышленности, то увидимъ, что въ первое время по возникновеніи крупныхъ фабрикъ по обработкѣ льна, въ XVIII и даже въ первой половинѣ XIX вѣка, онѣ не могли заставить замолчать мелкое производство и даже должны были пасовать передъ нимъ потому, что на фабрикахъ, какъ и въ мелкомъ производствѣ издѣлія вырабатывались ручнымъ трудомъ. Когда же во второй половинѣ XIX столѣтія введено было механическое ткачество, и фабричныя льняныя ткани становились значительно дешевле предметовъ ручной выдѣлки, льняная капиталистическая промышленность встрѣтила на рынкѣ сбыта сильнаго себѣ соперника, также хорошо вооруженнаго въ техническомъ отношеніи — капиталистическое хлопчатобумажное производство.

Хлопчатобумажное производство водворилось у насъ путемъ, отличнымъ отъ льняного. Льняныя издѣлія начали приготовляться самими земледѣльцами изъ волокна, полученнаго въ собственномъ хозяйствѣ. Хлопчатобумажное производство основывалось на привозномъ матеріалѣ, и водвореніе его въ Россіи не могло поэтому совершиться безъ участія

торговца. И действительно, около середины XVIII века купцы и зажиточные крестьяне Московской и Владимирской губерний покупали заграничную бумажную пряжу и раздавали ее для тканья по деревням, где было развито кустарное ткачество льняных изделий. Благодаря сравнительной дешевизне бумажной пряжи, ткани изъ этого матеріала вытѣснили изъ употребленія льняныя издѣлія. Выгодность новаго промысла обратила вниманіе производителей на усовершенствованіе отдѣлки тканей, но хотя эти усовершенствованія производились капиталистами, устроившими фабрики, но такъ какъ основой этихъ послѣднихъ была ручной трудъ, то въ этой области, какъ и въ льняной, фабрика имѣла не большое распространеніе кустарнаго производства. Фабричное производство бумажной ткани въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка не имѣло такихъ преимуществъ сравнительно съ кустарнымъ, чтобы заставить замѣнить послѣднее. Значеніе указаннаго періода въ исторіи хлопчатобумажнаго производства въ Россіи заключается въ томъ, что въ это время бумажныя ткани кустарнаго производства, благодаря тѣмъ дешевизнѣ, болѣе и болѣе вытѣсняли изъ потребленія ткани льняныя кустарныя и домашнія издѣлія.

Распространеніе типической фабричной формы обработки волокнистыхъ матеріаловъ сдѣлалось у насъ возможнымъ только средины истекшаго столѣтія, когда—послѣдствіе отмѣны запрещенія ввоза пряжи—наши капиталисты получили возможность свободно пользоваться всѣми завоеваніями техники, которыя съ такою быстротою совершались въ иностранной странѣ. Въ послѣдующее время обработка волокнистыхъ матеріаловъ на крупныхъ фабрикахъ стала распространяться болѣе и болѣе, а кустарное производство льняныхъ и бумажныхъ тканей, равно какъ и домашняя обработка (для потребленія семьи работниковъ) льняного волокна—болѣе и болѣе сокращалось. Вслѣдствіе этого процесса, одинаково, хотя не одинаково повліявшаго обѣ подраздѣленія текстильной нашей промышленности. Хотя фабричное производство значительно уменьшило и льняныя и бумажныя ткани, и фабричное полотно и отчасти уменьшило пойманіе соотвѣтственныхъ продуктовъ кустарнаго производства, но послѣдствіе того обстоятельства, что бумажныя ткани болѣе и болѣе уменьшались сравнительно съ льняною, вмѣстѣ съ процессомъ замѣны ручныхъ льняныхъ и бумажныхъ тканей машинными, совершался и процессъ замѣщенія въ потребленіи народныхъ массъ льняныхъ тканей бумажными. Въ настоящее время льняныя ткани потребляются почти исключительно земледѣльческими классами общества и тѣми крестьянскими семьями, которыя получаютъ продукты домашней выдѣлки. Многія же изъ нихъ, обращающіяся въ покупную ткань, пріобрѣтаютъ почти исключительно бумажныя матеріи.

Мы остановились на исторіи нашей льняной и хлопчатобумажной промышленности, потому что она наглядно показываетъ внѣшнія условія широкаго распространенія у насъ капиталистической формы производства.

При отсутствіи внѣшняго рынка для продуктовъ нашей крупной промышленности—послѣдняя можетъ получить широкое распространеніе лишь при условіи обширнаго внутренняго рынка для ея произведеній. Такой рынокъ имѣютъ бумажныя ткани, но его не имѣютъ ткани льняныя, и это несходство условій выразилось крупными различіями въ современномъ положеніи капиталистической хлопчатобумажной и льняной промышленности и въ отношеніи распространенія той и другой, и въ смыслѣ техническаго совершенства хлопчатобумажныхъ и льняныхъ фабрикъ.

Условіями внутренняго сбыта въ значительной мѣрѣ объясняется и застой нашей металлургіи въ теченіе первой половины XIX вѣка.

Выплавка металла требуетъ извѣстныхъ приспособленій, и тѣ пріемы, которые примѣнялись первыми нашими горнопромышленниками—крестьянами, могли давать лишь самое ограниченное количество желѣза. Поэтому, пока у насъ не были устроены, по иниціативѣ правительства, желѣзодѣлательные заводы на европейскій образецъ (полученіе изъ руды чугуна и обращеніе послѣдняго въ желѣзо), правительство, для своихъ надобностей, выписывало желѣзо изъ-за границы. Послѣ устройства такихъ заводовъ, благодаря обилію нашихъ залежей желѣзныхъ рудъ, Россія сама стала, какъ намъ извѣстно, экспортировать этотъ металлъ, и въ наличности внѣшняго рынка заключается одна изъ причинъ сравнительно значительнаго развитія въ концѣ XVIII вѣка нашей желѣзодѣлательной промышленности, потому что спросъ внутри Россіи на желѣзо, идущее, главнымъ образомъ, на промышленныя сооруженія, на сложныя приспособленія производства и т. п.,—за неразвитіемъ крупной промышленности—былъ крайне ограниченъ. Въ такомъ же положеніи находилась въ то время желѣзодѣлательная промышленность и за границей. Крупная промышленность была и тамъ основана на ручномъ трудѣ, механическими двигателями были естественныя силы вѣтра и воды, и искусственныя приспособленія производства строились, главнымъ образомъ, изъ лѣсныхъ матеріаловъ. По высказаннымъ причинамъ спросъ на желѣзо былъ ограниченъ, и пріемы его добычи оставались неизмѣнными. Эти пріемы были затѣмъ усвоены Россіей, и потому-то мы и могли помѣщать избытки производимаго нами желѣза на внѣшніе рынки.

Положеніе стало измѣняться послѣ того, какъ главнымъ механическимъ двигателемъ сдѣлался паръ, и ручное производство разныхъ предметовъ стало замѣняться машиннымъ. Приспособленія производства, вызываемыя этими нововведеніями, требовали значительнаго количества желѣза; спросъ на послѣднее увеличился, и техника направила свое усиліе на удешевленіе добычи этого металла. Усилія эти скоро увѣнчались успѣхомъ, желѣзо за границей стало производиться дешевле, спросъ внѣшняго рынка на нашъ металлъ сократился, вывозъ послѣдняго въ Европу упалъ. А такъ какъ техническая организація нашей промышленности не слѣдовала за тѣми измѣненіями, которыя совершались на Западѣ, то внутренняя потребность

въ желѣзѣ оставалась неподвижной; неподвижной должна была быть поэтому и техника его добыванія. На протяженіи чуть не цѣлаго столѣтія (до половины XIX вѣка) наши заводы выплавливали почти одно и то же количество металла—около 10 милліоновъ пудовъ.

Дѣло могло измѣниться лишь послѣ того, какъ, благодаря техническому преобразованію промышленности, у насъ увеличится спросъ на машины, паровые двигатели, рельсы и т. п. Такое преобразованіе началось, какъ извѣстно, лишь въ серединѣ истекшаго столѣтія. Но и начало этого преобразованія мало отразилось на технической сторонѣ металлургіи потому, что, въ интересахъ всей нашей промышленности, фабрики, заводы и строющіяся желѣзныя дороги нужно было оборудовать готовыми приспособленіями, получаемыми изъ-за границы. Почва для сколько-нибудь широкаго развитія русской металлургической промышленности найдена была послѣ того, какъ мы научились сами строить приспособленія для оборудованія крупныхъ и сложныхъ промышленныхъ и транспортныхъ предпріятій, и когда развитіе промышленности привело къ предъявленію большого спроса на приспособленія для такого оборудованія. Это случилось, однако, лишь очень недавно, да и то своими успѣхами наша металлургія обязана не столько ея собственнымъ усиліямъ, сколько поддержкѣ правительства, сооружавшаго массу желѣзныхъ дорогъ и заказывавшаго рельсы и другія принадлежности этого дѣла русскимъ заводамъ и предоставлявшаго всевозможныя льготы иностраннымъ капиталистамъ, чтобы побудить ихъ затрачивать свои средства на устройство въ Россіи, по иностраннымъ образцамъ, крупныхъ заводовъ.

Иллюстраціей всего сказаннаго могутъ служить слѣдующія данныя о послѣдовательной выплавкѣ въ Россіи чугуна. Выплавлялось у насъ милліоновъ пудовъ: въ 1767 г.—10; въ 1806 г.—12; въ 1826 г.—10; въ 1836 г.—11; въ 1846 г.—13; въ 1856 г.—17; въ 1866 г.—19; въ 1876 г.—25; въ 1886 г.—32; въ 1896 г.—98; въ 1904 г.—180 милліоновъ пудовъ.

Эти данныя показываютъ, что сколько-нибудь значительное развитіе русская металлургическая промышленность получила лишь въ послѣднія 15—20 лѣтъ. Съ 1890 по 1900 гг., выплавка чугуна съ 57 милл. пуд. поднялась до 179 милл. пуд., т.-е. увеличилось на 122 милл. пуд.; среднее ежегодное возрастаніе составляетъ, слѣдовательно, 12 милліоновъ пудовъ. Германія увеличила въ это время добычу чугуна съ 283 до 523 милл. пуд. или на 240 милл. пуд., и среднее ежегодное возрастаніе производства выражается 24 милл. пудовъ—вдвое большимъ числомъ, чѣмъ въ Россіи.

Россіи, какъ молодой странѣ, приходится учиться у своихъ цивилизованныхъ сосѣдей болѣе совершеннымъ способамъ удовлетворенія ея умственныхъ, общественныхъ и матеріальныхъ потребностей. Это обученіе заключается въ заимствованіи чужихъ идей, знаній, практическихъ пріемовъ,

готовыхъ орудій и другихъ приспособленій военнаго дѣла, промышленности и т. д. и, наконецъ, свѣдущихъ лицъ для организаціи, по западнымъ образцамъ, новыхъ учрежденій и предпріятій. Иностранное вліяніе играло огромную роль и въ развитіи нашего капиталистическаго производства.

Если остановиться на исторіи того содѣйствія, какое оказывала Западная Европа развитію нашей индустріи, то мы увидимъ, что формы этого содѣйствія не оставались все время неизмѣнными. Первоначально Россія заимствовала у иностранцевъ преимущественно мастеровъ, техниковъ, организаторовъ новыхъ промышленныхъ предпріятій; затѣмъ, видную роль въ этихъ заимствованіяхъ начали играть машины и другія приспособленія для организаціи высшихъ образцовъ промышленныхъ предпріятій; потомъ она стала занимать за границей денежныя средства для оборудованія своей промышленности, и, наконецъ, она открываетъ свои двери для широкаго пріема иностранныхъ промышленныхъ капиталовъ. Такая послѣдовательность въ развитіи иностраннаго вліянія на русскую промышленность находитъ себѣ объясненіе въ слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Первоначально, когда повсюду въ производствѣ имѣлъ преобладаніе ручной трудъ, и различіе произведеній разныхъ странъ обусловливалось различіемъ искусства ремесленника, — отсталая страна, для поднятія своей промышленности, нуждалась, главнымъ образомъ, въ лицахъ, которыя могли бы научить ее лучшимъ пріемамъ ручного труда; поэтому молодая Россія приглашала изъ-за границы мастеровъ и ремесленниковъ. Но когда ручной трудъ уступилъ мѣсто машинѣ, — матеріальной основой промышленности сдѣлались сложныя приспособленія, которыя умѣли производить лишь тѣ страны, гдѣ онѣ были изобрѣтены. Въ это время успѣхи промышленнаго развитія отсталой страны зависѣли отъ возможности полученія изъ-за границы, вмѣстѣ съ руководителями по организаціи новаго типа промышленныхъ предпріятій, и тѣхъ матеріальныхъ предметовъ (машинъ и другихъ приспособленій производства), безъ которыхъ невозможно устройство послѣднихъ. Въ это время и Россія не только приглашала изъ-за границы техниковъ, но—какъ только въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія было отмѣнено запрещеніе вывоза англійскихъ машинъ—получала оттуда и послѣднія.

Съ теченіемъ времени культурный уровень нашей страны поднимался, были приняты мѣры къ развитію общаго и спеціальнаго образованія, и постепенно создавался контингентъ свѣдущихъ техниковъ и инженеровъ. Потребность Россіи въ иностранныхъ техникахъ послѣ этого ослабѣла; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, создавались новыя формы зависимости нашей промышленности отъ Запада. Оборудованіе современныхъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій стоитъ такъ дорого, что для быстраго промышленнаго развитія отсталой страны нельзя обойтись безъ займовъ у богатыхъ передовыхъ націй, имѣющихъ всегда избытки капиталовъ. Къ займамъ собственно денежныхъ суммъ Россія (какъ и другія государства, находившіяся въ ана-

должныхъ условіяхъ)) обращалось преимущественно съ цѣлью сооруженія сѣти желѣзныхъ дорогъ, безъ широкаго распространенія которыхъ невозможно и широкое развитіе крупной промышленности. Но занимаемые съ этой цѣлью у иностранцевъ капиталы обращались на пріобрѣтеніе за границей же рельсовъ, локомотивовъ и другихъ приспособленій желѣзнодорожнаго дѣла, потому что, при слабомъ развитіи соотвѣтствующихъ отраслей въ Россіи, задача быстраго сооруженія сѣти желѣзныхъ дорогъ могла быть выполнена лишь при условіи употребленія иностранныхъ строительныхъ матеріаловъ и другихъ принадлежностей.

Хотя огромное большинство предпринимателей по сооруженію русскихъ желѣзныхъ дорогъ были русскіе, и огромное большинство инженеровъ, строившихъ русскія желѣзныя дороги, получили образованіе въ Россіи, но на этомъ основаніи нельзя утверждать, что осуществленіе плана оборудованія нашей страны желѣзными дорогами обязано исключительно русскимъ исполнителямъ. Гораздо болѣе трудной операціей, чѣмъ положеніе полотна дороги и проведеніе рельсоваго пути, было приготовленіе самихъ рельсовъ, локомотивовъ, мостовыхъ частей и т. п., и насколько эти матеріалы и приспособленія получались изъ-за границы, настолько иностранные промышленники и технические дѣятели должны считаться участниками въ проведеніи нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Различіе ихъ участія въ этомъ дѣлѣ отъ участія русскихъ инженеровъ и промышленныхъ дѣятелей заключалось въ томъ, что одни работали для нашихъ дорогъ за границей, а другіе—въ Россіи. Это различіе накладывалось на слѣдующей стадіи эволюціи русской промышленности, когда правительству, въ управленіе финансами Вышнеградскимъ и Витте, задалось цѣлью вызвать, во что бы то ни стало, быстрое развитіе русской промышленности и приступило къ форсированному сооруженію желѣзныхъ дорогъ не съ цѣлью только оборудованія страны хорошими путями сообщенія, но и для того, чтобы открыть рынокъ для русскихъ фабрикъ и заводовъ и вызвать умноженіе этихъ послѣднихъ. Новѣйшій періодъ нашего желѣзнодорожнаго строительства отличается поэтому отъ прежнихъ въ томъ отношеніи, что строительные матеріалы и другія принадлежности не выписывались изъ-за границы, а производились въ Россіи. Производство того огромнаго количества матеріаловъ, какое требовалось для сооруженія въ теченіе какихъ-нибудь 10—12 лѣтъ новыхъ 30 тысячъ верстъ рельсовыхъ путей, не могло быть выполнено старыми немногочисленными и плохо оборудованными нашими фабриками и заводами. Для этого требовалось быстрое сооруженіе цѣлой серіи новыхъ предпріятій, удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ современной техники. Поэтому иностранные капиталы привлекались къ намъ въ это время не только для непосредственной затраты на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, они требовались для того, чтобы воздвигать фабрики и заводы.

Привлеченіе иностранныхъ капиталовъ къ непосредственному сооруж-

женію рельсовой сѣти производилось у насъ путемъ займовъ подъ гарантію государства, которому принадлежатъ высшее руководство желѣзнодорожной политикой и контроль надъ финансовымъ хозяйствомъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Капиталы, требующіеся для сооруженія и веденія частныхъ промышленныхъ предпріятій, не могли придти въ Россію подъ формою правительственныхъ займовъ. Правительство привлекало эти капиталы, заинтересовывая ихъ владѣльцевъ крупными барышами отъ помѣщенія ихъ въ русскія промышленныя предпріятія. Эти капиталы являлись поэтому въ Россію не сами по себѣ, какъ въ случаѣ правительственныхъ займовъ, а вмѣстѣ съ ихъ владѣльцами, прибывавшими къ намъ для устройства новыхъ промышленныхъ предпріятій. Эти предпріятія, отъ того или иного веденія коихъ зависѣли барыши или убытки ихъ хозяевъ, должны были, конечно, устраиваться по мысли и разумѣнію послѣднихъ. А это значитъ, что иностранные капиталисты обращались къ непосредственнымъ дѣятелей русской промышленности.

Соотвѣтственно описанному на предыдущихъ страницахъ измѣненію и усложненію формъ участія цивилизованныхъ націй въ развитіи русской промышленности, измѣняется и глубина воздѣйствія западнаго промышленнаго строя на строй русскій.

Когда мы приглашаемъ къ себѣ только иностранныхъ техниковъ, мы используемъ научныя пріобрѣтенія цивилизаціи въ томъ видѣ и объемѣ, какъ это предопредѣляется накопленіемъ мѣстныхъ капиталовъ. Когда мы занимаемъ у иностранцевъ деньги, мы избавляемся въ своихъ промышленныхъ дѣлахъ отъ ограниченія, налагаемаго недостаткомъ мѣстныхъ капиталовъ; но мы оперируемъ приливающими изъ-за границы суммами соотвѣтственно своему пониманію очередныхъ задачъ, своей предпріимчивости, своему умѣнію и т. д. Но когда мы открыли свои двери для промышленнаго капитала, то получили въ свое пользованіе не только матеріальные факторы производства, для употребленія ихъ въ дѣло сообразно нашему пониманію послѣдняго и нашей предпріимчивости. Вмѣстѣ съ этимъ въ ряды русскихъ промышленныхъ дѣятелей вступаютъ иностранные предприниматели — наиболѣе предпріимчивые, сильные своей технической опытностью, знаніемъ коммерческихъ отношеній и дѣловыми связями съ различными странами. Здѣсь мы получаемъ изъ чужой страны не только голые факторы производства (капиталъ и трудъ), которые мы могли бы комбинировать по-своему, но и промышленно-коммерческій геній высшаго порядка, который будетъ дѣйствовать у насъ по-своему.

Въ Россіи можно различать нѣсколько главныхъ промышленныхъ районовъ, развившихся подъ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ иностранцевъ.

Великороссійскій районъ, представляемый преимущественно московскимъ промышленнымъ округомъ, есть самый древній и характеризуется

высокимъ состояніемъ мануфактурной промышленности; уральскій горный районъ, основаніе которому положено мѣрами правительства конца XVII и начала XVIII вѣка; бакинскій нефтепромышленный районъ, видная исторія котораго начинается съ 60—70-хъ годовъ; горный донецкій районъ, развившійся еще позже, и польскій районъ смѣшанныхъ производствъ.

Наибольшей постепенностью и, такъ сказать, органичностью развитія отличается мануфактурный, центральный районъ. Данная промышленность имѣетъ здѣсь самостоятельное происхожденіе и первоначально, какъ намъ извѣстно, возникла въ формѣ домашняго, а затѣмъ кустарнаго производства льняныхъ и пеньковыхъ тканей. Мѣры правительства къ насажденію у насъ крупнаго производства привели, какъ мы знаемъ, къ распространенію и усовершенствованію мелкаго производства. Во второй половинѣ XVIII вѣка и въ первой половинѣ XIX столѣтія мелкая льняная промышленность, мало-по-малу, замѣщается мелкимъ же хлопчатобумажнымъ производствомъ, а съ половины истекшаго вѣка обнаруживается быстрое развитіе крупныхъ фабрикъ и соотвѣтствующее сокращеніе мелкой формы производства. Московскій мануфактурный районъ приготовлялъ издѣлія для отдаленныхъ районовъ. Поэтому необходимымъ звеномъ въ его организаціи явился торговецъ. Понемногу въ его руки переходило и доставленіе кустарямъ сырого матеріала, особенно послѣ того, какъ стало распространяться кустарное ткачество хлопчатобумажныхъ издѣлій изъ привозной пряжи. Это содѣйствовало обращенію самостоятельнаго кустарнаго промысла въ домашнюю систему капиталистической промышленности, превращенію торговца въ промышленнаго предпринимателя. Такимъ образомъ, въ центральномъ мануфактурномъ районѣ давно образовались классы предпринимателей и рабочихъ; первые эксплуатировали вторыхъ и наживали крупные капиталы.

Благодаря описанному положенію дѣлъ, мануфактурная промышленность, для ея превращенія въ систему крупныхъ фабричныхъ предпріятій, не нуждалась въ иностранныхъ капиталахъ, и западное вліяніе оказало ей крупную услугу доставленіемъ свѣдущихъ лицъ, усовершенствованныхъ машинъ и другихъ принадлежностей крупныхъ предпріятій. Такъ, усовершенствованіе нашей льноткацкой промышленности связано съ именемъ иностранца Томеса, устраивавшаго въ первой половинѣ XVIII вѣка, единолично или въ союзѣ съ русскими капиталистами, полотняныя фабрики въ Москвѣ, Ярославлѣ, близъ с. Иванова Владимірской губерніи. Въ половинѣ того же столѣтія основаны были первыя ситцевыя фабрики англичанами Чемберленомъ и Козенсомъ въ Петербургѣ, нѣмцемъ Лейманомъ въ Шлиссельбургѣ. На фабрикѣ Леймана научились новымъ пріемамъ набивки ситцевъ промышленники извѣстнаго села Иванова Владимірской губерніи,— сдѣлавшагося затѣмъ однимъ изъ главныхъ центровъ хлопчатобумажнаго производства. Послѣ отечественной войны усовершенствованію ситцепечатанія способствовали военноплѣнные французы. Но наибольшую услугу этой

операціи хлопчатобумажной промышленности оказали эльзасецъ Циндель и Гюбнеръ, примѣнившіе къ производству машины. Основанныя ими фабрики существуютъ и по настоящее время. Другія отрасли мануфактурной промышленности развились также при участіи иностранцевъ. Первыя канатныя фабрики учреждены англичанами. Первая механическая льнопрядильная была сооружена (въ Польшѣ) подъ руководствомъ изобрѣтателя механическаго пряденія льна—Филиппа де-Жирара. Англичанинъ Торнтонъ открылъ въ 1841 году суконную фабрику въ Петербургѣ; Губардъ въ 1844 году основалъ тамъ же бумагопрядильню; братья Шау бумагопрядильню и ткацкую фабрику и т. д.

Когда, послѣ отмѣны запрещенія вывоза англійскихъ машинъ, русской мануфактурной промышленности открылась возможность сдѣлать крупный шагъ на пути усовершенствованія и капиталистической концентраціи производства и замѣнить ручное ткачество машиннымъ—оборудованіе русскихъ фабрикъ иностранными машинами удобнѣе было взять на себя иностранцамъ. Этотъ фазисъ развитія мануфактурной промышленности центральнаго района, дѣйствительно, связанъ съ именемъ иностранца. Иностранецъ этотъ — Людвигъ Кнопъ, прибывшій въ Россію въ 1839 году въ качествѣ представителя англійской торговой фирмы, вывозившей въ Россію англійскую пряжу. Кнопъ нашелъ здѣсь себѣ болѣе широкую дѣятельность, чѣмъ посредничество между производителями и потребителями англійской хлопчатобумажной пряжи. Близко сойдясь съ московскими промышленниками и имѣя широкія связи съ дѣловыми сферами Англіи, Кнопъ сдѣлался спеціалистомъ по оборудованію нашихъ мануфактурныхъ предпріятій на заграничный манеръ. Такъ какъ, благодаря запрещенію вывоза англійскихъ машинъ, бумаготкацкій промыселъ (основанный, главнымъ образомъ, на ручномъ трудѣ) пользовался у насъ преимущественно англійской пряжей и послѣ отмѣны этого запрещенія у насъ предстояла оживленная дѣятельность именно по развитію механическаго пряденія, то Кнопъ, прибывшій въ Россію наканунѣ этой отмѣны, началъ свою дѣятельность съ помощи этому именно дѣлу. Имъ были построены и оборудованы рядъ бумагопрядилень, въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ, а такъ какъ Россія того времени не имѣла достаточнаго контингента искусныхъ рабочихъ, мастеровъ и инженеровъ, то Кнопъ, вмѣстѣ съ англійскими машинами, выписывалъ и англійскихъ служащихъ и рабочихъ и какъ бы цѣликомъ переносилъ изъ Англіи въ Россію отдѣльныя промышленныя предпріятія.

Въ это же время происходилъ переходъ отъ ручной къ механической работѣ и нашего ткацкаго дѣла, и тотъ же Кнопъ явился оборудователемъ механическихъ ткацкихъ фабрикъ въ области обработки хлопка, льна и шерсти. Еще позже онъ оказался такимъ же дѣятельнымъ посредникомъ по выпискѣ изъ-за границы принадлежностей для другихъ отдѣловъ текстильной промышленности: крашенія, отбѣлки, набивки и т. д. О значеніи

Кнопа для мануфактурной промышленности центральнаго района можно судить потому, что имъ было основано 122 прядильныхъ фабрики. Признаніе такого значенія Кнопа мѣстнымъ населеніемъ выразилось въ сложившейся о немъ поговоркѣ: «гдѣ церковь—тамъ попъ, а гдѣ фабрика — тамъ Кнопъ».

Но кромѣ тѣхъ иностранцевъ, имена которыхъ приведены на страницахъ этого труда, въ организаціи русской мануфактурной промышленности принимало участіе множество иностранныхъ выходцевъ, устраивавшихъ фабрики при участіи русскихъ капиталистовъ, управлявшихъ заведеніями, основанными на русскія деньги, работавшими на фабрикахъ въ качествѣ инженеровъ, мастеровъ, надсмотрщиковъ и т. п. Значеніе иностранцевъ въ исторіи нашей мануфактурной промышленности обусловливалось тѣми знаніями и навыками, которыя приносились ими въ Россію, и съ этой точки зрѣнія учителями и воспитателями русской промышленности, кромѣ лицъ, имена которыхъ занесены на страницы исторіи, являются еще тысячи неизвѣстныхъ иностранныхъ инженеровъ, руководившихъ и продолжающихъ по сей день руководить технической частью на русскихъ фабрикахъ.

«Благодаря иностранцамъ — говоритъ В. Н. Оглоблинъ — русскія хлопчатобумажныя фабрики быстро и безъ особыхъ затрудненій ввели у себя всѣ тѣ техническіе пріемы, аппараты, машины, которые заграничныя фабрики получали послѣ продолжительнаго времени и упорнаго труда. Еще недалеко то время, когда директорами, мастерами, техниками, рисовальщиками и т. п. на прядильныхъ, ткацкихъ и ситцевыхъ фабрикахъ петербургскаго, московскаго и новки-иваново-кинешемскаго районовъ приглашались исключительно иностранцы. Англичане не мало построили здѣсь и оборудовали прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ». Русская мануфактурная промышленность до сихъ поръ не освободилась отъ техническаго руководства иностранцевъ. «На ситцевыхъ фабрикахъ не только крупныхъ, но даже среднихъ приглашаются очень часто мюльгаузенскіе техники въ директоры, колористы, химики, рисовальщики, мастера: печатные, граверные, красильные, отдѣлочные и др. Вводя усовершенствованные пріемы производства и строго придерживаясь системы «секретовъ», заграничные техники продолжительное время отстраняли русскихъ отъ практическаго изученія хлопчатобумажнаго производства». И только въ видѣ рѣдкихъ исключеній крупныя фабрики принимали русскихъ техниковъ и давали имъ возможность изучить эту важнѣйшую нашу отрасль промышленности.

Въ развитіи капиталистической мануфактурной промышленности центральнаго района западное вліяніе проявлялось доставленіемъ образцовъ для ея организаціи, свѣдущихъ лицъ, осуществлявшихъ необходимыя преобразованія, машинъ и другихъ приспособленій для оборудованія крупныхъ предпріятій. Что же касается капиталовъ, то русскій мануфактурный районъ обходился своими собственными. Равнымъ образомъ и фабриканты-пред-

принимателн въ огромномъ большинствѣ были русскіе. Развитіе мануфактурной промышленности въ центральномъ районѣ можно поэтому считать органическимъ продуктомъ русской жизни, сложившимся, однако, подъ сильнымъ вліяніемъ иностранцевъ.

Такимъ же органическимъ продуктомъ русской исторіи нужно считать и образованіе уральскаго горнопромышленнаго района.

Исторія нашей металлургической промышленности, тѣмъ не менѣе, рѣзко отличается отъ мануфактурной въ томъ отношеніи, что первая не была, подобно послѣдней, преимущественно связана съ мелкой формой производства. Первыя наши попытки добычи желѣза имѣли, правда, кустарный характеръ: крестьяне получали желѣзо изъ глыбовой руды, которую они плавили въ кузнечныхъ горнахъ. Но этотъ способъ производства доставлялъ лишь самое ничтожное количество металла. А когда правительству понадобилось для военныхъ цѣлей значительное количество послѣдняго, ему пришлось устраивать металлургическія заведенія по образцу иностранныхъ. Попытки этого рода относятся еще къ XVI вѣку, и металлургическіе заводы устраивались въ Вологодской губ., въ Тульской, Олонецкой и, наконецъ, на Уралѣ. Вслѣдствіе богатства залежами минераловъ, Уралъ скоро превратился въ спеціальный горнопромышленный округъ.

Начало металлургической промышленности на Уралѣ положено было, главнымъ образомъ, мѣрами Петра I. Онъ строилъ здѣсь заводы и передавалъ ихъ предпріимчивымъ людямъ вмѣстѣ съ огромными площадями земли (въ томъ числѣ лѣса) и жившими на нихъ крестьянами, которые обязывались выполнять разныя работы на заводахъ и для заводовъ. Другимъ лицамъ прямо отводилась земля съ обязательствомъ разыскивать на ней руду, строить заводы, добывать желѣзо, лить изъ него пушки и т. п. Такимъ путемъ образовались огромныя поссессіонныя владѣнія Демидовыхъ, Строгановыхъ, Турчаниновыхъ, Шуваловыхъ и т. д. Первые шаги уральской металлургической промышленности связаны съ именемъ иностранца Геннина, назначеннаго для управленія горнымъ дѣломъ на Уралѣ. Но послѣдующая исторія уральской промышленности знаетъ почти исключительно русскихъ предпринимателей, и до самаго послѣдняго времени иностранцы къ ней почти не прикасались.

Слабое участіе иностранцевъ въ развитіи уральской промышленности объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что, за отсутствіемъ сколько-нибудь широкаго спроса на желѣзо внутри страны, доведеніе этой промышленности до высокаго ея уровня на Западѣ представлялась ненужнымъ и невозможнымъ. Дѣйствительно, производство въ Россіи чугуна къ концу царствованія Петра I достигло $6^1/_2$ милл. пуд.; послѣ того оно поднялось до 10 милл. пудовъ и стояло на этой цифрѣ до средины XIX столѣтія. Но и этого количества было много для внутренняго рынка, и отъ $^1/_3$ до $^1/_2$ годового производства чугуна Россія отправляла за границу.

Дореформенная Россія съ ея деревянными постройками, грунтовыми дорогами, орудіями производства, употребляемыми мелкими промышленниками и при возможности полученія сложныхъ металлическихъ приспособленій изъ-за границы—мало нуждалась въ желѣзѣ. Значительный спросъ на желѣзныя издѣлія могъ возникнуть лишь съ сооруженіемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, т.-е. послѣ реформы. Правительство, дѣйствительно, и предполагало воспользоваться этимъ для развитія внутренней промышленности и обязывало строющіяся дороги употреблять матеріалы внутренняго производства. Но такъ какъ строгое выполненіе такихъ распоряженій имѣло бы послѣдствіемъ крайне медленное и неудовлетворительное въ техническомъ отношеніи исполненіе задачи оборудованія страны рельсовыми путями, то пришлось помириться съ многочисленными отступленіями отъ этихъ предположеній, и можно сказать, что до конца 70-хъ годовъ желѣзныя дороги сооружались, главнымъ образомъ, изъ иностранныхъ матеріаловъ. Уральская же металлургическая промышленность пребывала на низкой ступени развитія.

Энергичныя заботы о развитіи русской металлургической промышленности правительство проявило, какъ намъ уже извѣстно, лишь въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, когда оно начало форсированнымъ темпомъ сооружать рельсовую сѣть. Но въ это время уральскій горный районъ получилъ опаснаго соперника въ донецкомъ районѣ, который и воспользовался представившейся возможностью широкаго развитія горной и каменноугольной промышленности, причемъ иностранцы сыграли здѣсь еще болѣе видную роль, нежели та, которая принадлежала имъ въ исторіи нашей мануфактурной промышленности.

Прежде, однако, чѣмъ излагать исторію донецкаго горнопромышленнаго района, нужно сказать нѣсколько словъ о польской промышленности, представляющей образецъ новой формы западнаго вліянія.

Главныя отрасли промышленности Царства Польскаго—мануфактурная, затѣмъ каменноугольная и металлургическая.

Мануфактурная промышленность здѣсь—болѣе старая, но она не находится, какъ въ центральномъ нашемъ районѣ, въ преемственной связи съ мѣстнымъ домашнимъ производствомъ тканей. Первые зачатки этой промышленности положены иностранными ремесленниками, нарочно для этого приглашавшимися изъ-за границы въ первой четверти XIX вѣка. Въ послѣдующемъ ея развитіи первенствующую роль играли также иностранцы. Благопріятнымъ условіемъ для развитія этой промышленности, которымъ воспользовались иностранные капиталисты, было уничтоженіе въ 1850 г. таможенной пошлины, взимавшейся при ввозѣ польскихъ издѣлій въ Россію; этимъ для польскихъ издѣлій былъ открытъ огромный рынокъ сбыта, образуемый многочисленнымъ населеніемъ Россіи. Послѣ этого въ названномъ краѣ стали открываться (тоже иностранцами) и крупные металлургическіе заводы. Новый еще болѣе рѣшительный толчокъ развитію польской

промышленности данъ былъ сильнымъ возвышеніемъ таможенныхъ пошлинъ на иностранныя издѣлія въ концѣ 70-хъ годовъ. При прежнихъ, умѣренныхъ тарифахъ, въ Германіи у польской границы возникъ рядъ фабрикъ и заводовъ, производившихъ товары для Россіи. Послѣ возвышенія пошлины на эти товары, нѣмецкіе капиталисты перенесли свои предпріятія черезъ границу и основали ихъ въ польскомъ краѣ. Новое поднятіе таможенныхъ пошлинъ въ 1892 г. усилило приливъ въ этотъ край иностранныхъ предпринимателей и дало новый толчокъ развитію польской промышленности.

Все вышеизложенное хорошо иллюстрируется слѣдующими данными о развитіи польской промышленности.

Въ 1860 году, т.-е. черезъ десять лѣтъ послѣ уничтоженія таможенной стѣны между Польшей и Россіей, сумма производства польскихъ фабрикъ и заводовъ оцѣнивалась въ 32 милл. руб.; въ теченіе слѣдующихъ 10 лѣтъ производство возросло на 35 милл. руб., въ слѣдующія 10 лѣтъ—на 100 милл. руб., отъ 1880 до 1893 г. производительность польскихъ фабрикъ поднялась на 60 милл. руб., а съ 1893 по 1897 г. она увеличилась на 200 милл. руб., и въ 1897 г. составляла уже 426 милл. рублей.

Итакъ, польская промышленность есть всецѣло созданіе иностранцевъ. Западная Европа дала польскому краю не только техниковъ, машины, но и капиталы и самихъ предпринимателей.

Приблизительно то же самое слѣдуетъ сказать и о донецкомъ горнопромышленномъ раіонѣ. Но отличіе этого раіона отъ польскаго состоитъ въ томъ, что тогда какъ польская промышленность не только не получала активной поддержки со стороны правительства, но, подъ вліяніемъ жалобъ на ея конкуренцію московскихъ мануфактуристовъ, принимались мѣры стѣсненія прилива въ Польшу иностранцевъ—иностранная донецкая промышленность получала всяческую поддержку и поощреніе правительства. Польская промышленность являетъ поэтому образецъ перенесенія въ Россію иностранной промышленности, при условіи свободной конкуренціи между промышленными раіонами и промышленными предпріятіями. Донецкая же промышленность есть образецъ комбинаціи частнаго предпринимательства съ правительственнымъ поощреніемъ. По ея происхожденію ее можно считать полу-государственнымъ учрежденіемъ.

Минеральныя богатства юга Россіи обратили на себя вниманіе правительства еще въ концѣ XVIII вѣка, и съ тѣхъ поръ неоднократно предпринимались попытки развить тамъ на казенный счетъ чугуноплавильное производство. Попытки эти, однако, оканчивались неудачно, и въ шестидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія рѣшено было предоставить это дѣло частному капиталу. Первоначально за него взялись русскіе предприниматели. Въ 1866 году кн. Кочубею была выдана концессія на устройство на югѣ заводовъ для выдѣлки рельсовъ изъ туземныхъ матеріаловъ, а въ 1869 г. такое же обязательство было возложено на строителя курско-

харьково-азовской желѣзной дороги, Полякова. Послѣдній совершенно не выполнилъ этого обязательства, а первый тщетно пытался основать въ Россіи общество для осуществленія концессіи и, въ концѣ концовъ, переуступилъ свои права англичанину Юзу, который выхлопоталъ себѣ у правительства большія привилегіи. Основанное Юзомъ «Новороссійское общество каменноугольнаго, желѣзнаго и рельсоваго производства» получило отъ правительства безвозмездно землю съ залежами руды и угля, заказъ на три милліона пудовъ рельсовъ, премію въ 50 копѣекъ за каждый пудъ этихъ рельсовъ и концессію на желѣзную дорогу въ 85 верстъ, долженствующую прорѣзать районъ. Такимъ образомъ, въ 1872 году возникъ въ донецкомъ районѣ первый чугуноплавильный и желѣзодѣлательный заводъ, который оставался здѣсь единственнымъ (былъ еще почти недѣйствовавшій заводъ Пастухова) до начала восьмидесятыхъ годовъ. Замедленіе дѣла дальнѣйшаго распространенія на югѣ металлургическаго производства зависѣло, между прочимъ, отъ бѣдности донецкаго района желѣзною рудою.

Русской предпріимчивости скоро представился новый случай показать себя и поработать на пользу промышленнаго развитія страны. Екатеринославскій помѣщикъ А. Н. Поль занялся изученіемъ рудныхъ богатствъ въ мѣстности Кривой Рогъ Херсонской губерніи и, наткнувшись здѣсь въ половинѣ 1860-хъ годовъ на желѣзную руду, потратилъ все свое состояніе на изслѣдованіе, при помощи русскихъ и иностранныхъ инженеровъ, залежей. Когда богатство рудныхъ мѣсторожденій было этими изслѣдованіями твердо установлено, Поль началъ пріискивать капиталистовъ для ихъ разработки. Но на свои предложенія въ Россіи онъ встрѣчалъ отказъ, а за свою энергію получилъ отъ соотечественниковъ прозвище «чудака». Въ концѣ 1870-хъ годовъ Поль рѣшилъ, наконецъ, обратиться къ иностранцамъ. Результатомъ этого было основаніе въ 1880 г. «Французскаго общества криворожскихъ рудъ», выстроившаго одинъ заводъ; въ 1887 г. на югѣ былъ выстроенъ другой заводъ и въ 1901 году—третій.

Изъ сказаннаго видно, что въ то время, когда главными мѣрами правительства, поощрявшаго развитіе металлургической промышленности, была выдача премій за выдѣлку рельсовъ изъ туземнаго чугуна, распространеніе этой промышленности въ донецкомъ районѣ шло очень медленно, можно сказать даже, что оно только начиналось. Быстрое же оборудованіе обширнаго южнаго горно-промышленнаго района совершилось въ теченіе девяностыхъ годовъ истекшаго столѣтія, когда правительство не жалѣло средствъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, а приготовленіе для нихъ рельсовъ и другихъ принадлежностей поручало иностраннымъ капиталистамъ съ тѣмъ, чтобы они устраивали для этого заводы въ Россіи.

Свои исключительныя мѣры поощренія сооруженія желѣзныхъ дорогъ, новыхъ фабрикъ и заводовъ, биржевой игры и спекуляцій министръ финансовъ Витте объяснялъ необходимостью ускорить промышленное развитіе Россіи.

Но главнѣйшей причиной такой политики было намѣреніе министра финансовъ замѣнить бумажное денежное обращеніе металлическимъ. Предварительнымъ условіемъ успѣха этого дѣла должно быть накопленіе въ странѣ золотой монеты. Золотую же монету въ достаточномъ количествѣ можно получить только за границей. Правительство и задалось цѣлью привлеченія ея въ Россію. Оно предпринимало заграничные займы и привлекало всякими льготами частные иностранные капиталы. Иностранные капиталы двинутся въ Россію, если найдутъ тамъ достаточный доходъ, т.-е. если имъ открыта будетъ возможность устраивать выгодныя промышленныя предпріятія. А такъ какъ для удовлетворенія народныхъ потребностей въ разныхъ продуктахъ не было надобности въ новыхъ предпріятіяхъ, то нужно было создать для заграничныхъ капиталистовъ новые источники приложенія капитала. Въ этихъ видахъ правительство приступило къ форсированному сооруженію желѣзныхъ дорогъ, на что употреблялись и средства, выжатыя съ населенія путемъ постоянно возвышавшихся косвенныхъ налоговъ, и деньги, полученныя путемъ правительственныхъ иностранныхъ займовъ. Сооруженіе рельсовыхъ путей требовало большаго количества металлическихъ принадлежностей. На приготовленіе этихъ послѣднихъ и могли быть направлены иностранные капиталы.

И вотъ правительство стало предлагать заказы на строительные матеріалы и другія желѣзнодорожныя принадлежности на очень выгодныхъ для предпринимателей условіяхъ. Бельгійскіе и французскіе капиталисты не замедлили воспользоваться представившимся имъ случаемъ перенести свою дѣятельность въ новый край, открывавшій возможность наживать безъ всякаго риска крупные барыши. О результатахъ такой политики какъ для нашей металлургической промышленности вообще, такъ и для относительнаго участія въ производствѣ различныхъ горнопромышленныхъ районовъ въ частности можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ концѣ 1880-хъ годовъ у насъ выплавлялось 40—45 милл. пудовъ чугуна, изъ коихъ половина производилась на Уралѣ, а $^1/_6$ часть въ Донецкомъ районѣ. Въ 1900 г. было выплавлено 180 милл. пуд. чугуна, изъ нихъ 50 милл. пуд. или менѣе 30% поставилъ Уралъ, а 92 милл. пуд. или больше половины — Донецкій округъ.

Описавъ въ общихъ чертахъ пути развитія нашихъ главнѣйшихъ промышленныхъ районовъ, мы укажемъ вкратцѣ и на результаты этого развитія.

Что касается общихъ итоговъ нашей промышленности,—краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ быстроты ея развитія, подъ вліяніемъ исключительныхъ мѣръ послѣднихъ 15 лѣтъ, служитъ тотъ фактъ, что, тогда какъ въ 1890 году, т.-е. передъ началомъ безумно-покровительственной политики, сумма производства всѣхъ нашихъ фабрикъ и заводовъ исчислялась въ 1,5 милліардовъ рублей, въ 1900 году она равнялась 3 милліардамъ рублей. Производительность капиталистической промышленности въ теченіе

десяти лѣтъ увеличилась такимъ образомъ вдвое. Съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ можно на этомъ основаніи полагать, что за указанное десятилѣтіе какъ бы создано столько производительныхъ средствъ, сколько было ихъ накоплено за все предшествующее время. Такой результатъ могъ быть достигнутъ только потому, что, кромѣ мѣстныхъ, медленно накопляющихся капиталовъ, къ устройству новыхъ фабрикъ и заводовъ были привлечены иностранныя средства.

Другимъ послѣдствіемъ быстраго обуродованія, при помощи иностранныхъ капиталовъ, русской промышленности, было сильное увеличеніе производительности промышленнаго труда. Расширеніе производства при помощи мѣстныхъ капиталовъ будетъ происходить, главнымъ образомъ, путемъ усовершенствованія существующихъ заведеній и въ меньшей степени устройствомъ новыхъ фабрикъ и заводовъ, потому что ни одинъ фабрикантъ не пожелаетъ закрыть свою еще приносящую доходъ старую фабрику для того, чтобы выстроить болѣе совершенную. Но, когда является иностранный капиталистъ, онъ устраиваетъ новое, наиболѣе крупное и совершенное заведеніе, потому что отъ величины и техническаго совершенства предпріятія зависятъ высота его прибылей и успѣхъ въ борьбѣ съ конкурентами. Поэтому приливъ иностранныхъ капиталовъ повышаетъ производительность промышленныхъ предпріятій, и районы, оборудованные иностранными капиталистами, отличаются болѣе высокой производительностью труда. Такъ какъ польскій и донецкій районы оборудованы иностранными предпринимателями, то производительность труда въ этихъ районахъ выше, нежели въ московскомъ мануфактурномъ и уральскомъ горнопромышленномъ. Разница между польскимъ и московскимъ районами не можетъ быть, впрочемъ, очень значительной, потому что, если бы московскіе фабриканты не старались идти въ уровень съ польской промышленностью, ихъ издѣлія были бы вытѣснены польскими съ общихъ для нихъ рынковъ. Усовершенствованіе польской промышленности побуждало поэтому и московскихъ фабрикантовъ улучшать свои заведенія. Тѣмъ не менѣе, въ 1897 г. одинъ рабочій въ мануфактурной промышленности Польши вырабатывалъ издѣлій въ среднемъ на 1780 руб., а въ остальной Россіи на 1400 рублей.

Появленіе новаго металлургическаго, донецкаго района не оказало подобнаго возбуждающаго вліянія на усовершенствованіе уральской промышленности, потому что рынки сбыта того и другого района были совершенно различны. Уральскій районъ приготовлялъ металлическія издѣлія для потребленія массы населенія, а донецкій работалъ для желѣзныхъ дорогъ. Значеніе въ смыслѣ вліянія на производительность труда быстраго созданія новыхъ предпріятій въ нашей металлургической промышленности проявляется поэтому яснѣе, чѣмъ въ мануфактурной. Одинъ рабочій на Уралѣ въ 1895 году выплавлялъ въ среднемъ 5 тыс. пудовъ чугуна, въ Польшѣ— 10 тыс. пуд., а въ донецкомъ районѣ 14 тыс. пуд. Въ послѣдніе годы,

впрочемъ, когда казенные заказы южнымъ заводамъ сильно сократились, донецкому району приходится также переходить къ производству предметовъ общаго потребленія и вступить въ конкуренцію съ Ураломъ. Это явилось побудительной причиной для послѣдняго усовершенствовать свое производство, и тогда какъ въ 1895 года одна доменная печь на Уралѣ давала 295 тыс. пудовъ чугуна, черезъ пять лѣтъ въ ней выплавлялось уже, въ среднемъ, 400 тысячъ пудовъ.

За оживленнымъ состояніемъ крупной капиталистической промышленности всегда слѣдуетъ періодъ ея угнетенія. Такая послѣдовательность явленій обусловливается тѣмъ, что избыточные капиталы, въ коихъ нѣтъ недостатка въ богатыхъ странахъ, пользуются живымъ спросомъ на товары, чтобы найти себѣ выгодное помѣщеніе, и затрачиваются въ такихъ количествахъ на новыя предпріятія, что—когда послѣднія окажутся выстроенными и пущены въ ходъ—на рынкѣ не находится мѣста для помѣщенія всѣхъ производимыхъ въ странѣ продуктовъ, и многія предпріятія должны закрываться. Такой кризисъ промышленности принимаетъ особенно крупные размѣры въ случаяхъ, когда, какъ у насъ, оживленное состояніе промышленныхъ дѣлъ искусственно поддерживалось властью, и многія предпріятія возникли благодаря прямому возбужденію министерства финансовъ, вызывавшаго ихъ выгодными заказами, преміями и выдачей авансовъ за заказанныя издѣлія. Сказанное подтверждается нижеприводимыми свѣдѣніями о состояніи нашей металлургической промышленности.

Съ 1890 по 1900 г. производство въ Россіи чугуна увеличилось съ 56 до 180 милл. пудовъ, т.-е. возросло слишкомъ втрое. При этомъ въ старомъ, уральскомъ районѣ выплавка чугуна поднялась съ 28 до 50 милліоновъ пудовъ или на 80%, въ польскомъ районѣ, гдѣ орудовалъ иностранный капиталъ, не получавшій отъ правительства особыхъ льготъ, выплавка чугуна поднялась съ 8 до 18 милл. пуд., т.-е. на 125%; въ донецкомъ же районѣ, куда иностранные капиталы усиленно привлекались властью, выплавка чугуна увеличилась съ 13 до 92 милл. пуд., т.-е. почти въ 8 разъ. Въ 1890 году южный районъ давалъ $^1/_5$ часть выплавляемаго въ Россіи чугуна, а въ 1900 г.—половину.

1900 годъ былъ кануномъ критическаго состоянія дѣлъ. Когда были пущены въ ходъ всѣ выстроенные заводы, то оказалось, что они могли бы приготовлять не 180, а 260 милл. пуд. чугуна или на 40% болѣе. Это значитъ, что почти $^1/_3$ часть заводовъ оказалась излишней, была выстроена напрасно. Между тѣмъ не всѣ заводы были еще закончены, а спросъ рынка на желѣзныя издѣлія, вслѣдствіе сокращенія построекъ рельсовыхъ путей, уменьшался. Въ 1903 г. производительность чугуноплавильныхъ заводовъ поднялась до 300 милл. пуд., а было выплавлено чугуна всего 150 милл. пуд.!

Соотвѣтственно тому, что было говорено выше, слѣдуетъ заключить, что критическое положеніе металлургической промышленности, вызванное

безумной правительственной спекуляціей истекшаго десятилѣтія, всего пагубнѣе должно было отразиться на донецкомъ и всего менѣе на уральскомъ районѣ. И, дѣйствительно, тогда какъ на Уралѣ въ 1903 г. было использовано 70% его способности къ выплавкѣ чугуна, въ Царствѣ Польскомъ использовано лишь 55%, а въ донецкомъ районѣ—менѣе 50%.

Форсированное сооруженіе на казенныя средства желѣзныхъ дорогъ и быстрое развитіе,—частью при помощи иностранныхъ капиталовъ, частью на средства нашихъ капиталистовъ,—крупной промышленности въ теченіе послѣднихъ 10—15 лѣтъ повело къ ненормальному ускоренію процесса уничтоженія натуральнаго хозяйства. Этимъ сразу были выбиты изъ прежней позиціи милліоны мелкихъ производителей, передъ которыми была поставлена задача приспособленія къ быстро измѣнившимся условіямъ хозяйственной жизни страны. Приспособленіе никѣмъ неподдерживаемыхъ мелкихъ производителей къ условіямъ жизни, мѣняющимся по мановенію руки всесильныхъ чиновниковъ—нелѣпостественныхъ и безотвѣтственныхъ—, не могло происходить съ тою быстротою, съ какою измѣнялись эти условія. И въ этомъ обстоятельствѣ слѣдуетъ видѣть одну изъ причинъ, ускорившихъ разстройство крестьянскаго быта и обнажившихъ ненормальность экономическаго строенія Россіи.

ГЛАВА VIII.

Современное состояніе капиталистической промышленности.

Мы уже знаемъ, что по переписи 1897 г. зарегистрировано въ Россійской Имперіи 9,5 милліоновъ лицъ, имѣющихъ главный заработокъ въ области промышленности, торговли и транспорта, и $5^1/_2$ милліоновъ земледѣльцевъ, находящихъ въ названныхъ областяхъ труда источникъ дополнительнаго дохода. Всего, слѣдовательно, производительной дѣятельности (кромѣ сельскохозяйственной) отдаютъ у насъ свои силы около 15 милліоновъ человѣкъ. Изъ нихъ собственно производствомъ занято около 10 милліоновъ лицъ, транспортомъ—болѣе милліона лицъ, разными видами торговли около 2 милліоновъ и остальными неопредѣленными профессіями (чернорабочіе и др.)—около 2 милліоновъ лицъ. 10 милліоновъ лицъ, занимающихся приготовленіемъ различныхъ продуктовъ, распадаются, въ свою очередь, на слѣдующія главныя группы:

1. Добычею и обработкой ископаемыхъ занято около 1,3 милл. рабочихъ.
2. Обработкой животныхъ и растительныхъ матеріаловъ (вмѣстѣ съ заготовкой лѣса) . . . . . 5,2 » »
3. Шитьемъ одежды и обуви . . . . . 1,7 » »
4. Строительной дѣятельностью . . . . . 1,4 » »
5. Прочими . . . . . 0,4 » »

Если третью группу рабочихъ соединить со второй, то окажется, что обработкой растительныхъ и животныхъ матеріаловъ, доставляемыхъ сельскимъ хозяйствомъ, занято у насъ около 7 милліоновъ лицъ или около 70% всего рабочаго персонала мастерскихъ, фабрикъ, заводовъ и копей; а горное дѣло и обработка ископаемыхъ привлекаетъ лишь 13% этого персонала. Эти данныя вполнѣ согласуются съ тѣми заключеніями о земледѣльческомъ характерѣ нашей страны, къ какимъ мы неоднократно приходили на страницахъ этого труда. Чтобы показать, какъ можетъ обстоять это дѣло въ промышленной странѣ, возьмемъ для сравненія Германію. Согласно переписи 1895 года изъ 8 милліоновъ лицъ, находящихъ главный источникъ заработка въ приготовленіи матеріальныхъ предметовъ, обработкѣ растительныхъ и животныхъ матеріаловъ (вмѣстѣ съ шитьемъ одежды) отдаютъ свои силы около 4,2 милліоновъ лицъ или 52%, а добыча и обработка ископаемыхъ даетъ занятіе 2,4 милліонамъ или 30% всѣхъ рабочихъ. При общемъ населеніи (52 милліона человѣкъ) въ $2^1/_2$ раза менѣе малочисленномъ—Германія привлекаетъ къ работѣ въ области минеральнаго царства абсолютно почти вдвое, а относительно — слишкомъ вдвое большіе рабочихъ силъ, чѣмъ Россія.

Распространеніе добычи и обработки ископаемыхъ является важнымъ показателемъ высоты промышленнаго развитія страны по двумъ причинамъ. Потому, что металлы и камень служатъ въ настоящее время главнѣйшими матеріалами при сооруженіи фабрикъ, желѣзныхъ дорогъ, машинъ и другихъ приспособленій производства, а каменный уголь и нефть являются главнымъ горючимъ матеріаломъ, примѣняемымъ въ промышленности и транспортѣ, и слабое развитіе соотвѣтствующихъ промысловъ указываетъ поэтому на малое число сооруженій и предпріятій, требующихъ этихъ матеріаловъ и этого топлива. И потому, далѣе, что добыча металловъ и превращеніе ихъ въ машины и другія принадлежности производства требуютъ примѣненія наиболѣе сложныхъ техническихъ пріемовъ, доступныхъ въ широкихъ размѣрахъ лишь націямъ, очень развитымъ въ промышленномъ отношеніи.

Но широкое развитіе горной и металлургической промышленности служитъ признакомъ и другой черты хозяйственнаго быта: распространенія капиталистической формы производства; потому что соотвѣтствующія предпріятія, въ ряду другихъ промышленныхъ отраслей, требуютъ затраты особенно крупныхъ капиталовъ. Приведенныя выше данныя переписи Германіи и Россіи свидѣтельствуютъ поэтому не только въ пользу утвержденія о болѣе

промышленномъ характерѣ первой страны, но и о болѣе высокомъ развитіи ея капиталистическаго производства. Послѣднее заключеніе подтверждается также сравнительнымъ разсмотрѣніемъ рабочаго состава другихъ крупныхъ промышленныхъ отраслей.

Одна изъ наиболѣе крупныхъ отраслей индустріи въ Германіи и Россіи это—обработка волокнистыхъ матеріаловъ. Въ Германіи этимъ занято около одного милліона, а въ Россіи — больше трехъ милліоновъ лицъ. О высотѣ техническаго развитія нѣмецкой текстильной промышленности можно судить потому, что въ предпріятіяхъ, занимающихъ отъ 1 до 5 рабочихъ, насчитывается около 260 тысячъ рабочихъ, т.-е. 26% всего числа лицъ, отдающихся этому дѣлу, а въ заведеніяхъ съ 50 рабочими и болѣе— около 600 тысячъ рабочихъ, т.-е. 60% общаго числа послѣднихъ. Распредѣленіе по величинѣ русскихъ предпріятій намъ не извѣстно; но о громадномъ преобладаніи въ данной области труда мелкой формы производства можно судить на основаніи двоякаго рода данныхъ. Одно указаніе на это мы почерпаемъ въ самой переписи; оно заключается въ томъ, что изъ 3 милліоновъ лицъ, занятыхъ въ текстильной промышленности, болѣе 2 милліоновъ (въ числѣ ихъ $1^3/_4$ милліона женщинъ) приходится на долю земледѣльцевъ, обращающихся къ этому занятію, какъ подсобному. Изъ того, что это занятіе подсобное—, слѣдуетъ, что громадное большинство земледѣльцевъ, прибѣгающихъ къ нему, работаетъ не на фабрикахъ, стремящихся, какъ извѣстно, къ непрерывности дѣйствія своихъ предпріятій, а въ своихъ домахъ или въ кустарныхъ свѣтелкахъ. Другое, болѣе прямое доказательство нашего утвержденія мы находимъ въ свѣдѣніяхъ о крупной нашей промышленности, собираемыхъ министерствомъ финансовъ. Согласно этимъ свѣдѣніямъ въ крупныхъ предпріятіяхъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ въ 1900 г. насчитывалось 675 тысячъ рабочихъ. Это составляетъ менѣе $^1/_4$ части рабочаго персонала, занятаго въ данной области труда.

Еще болѣе широкимъ распространеніемъ мелкаго производства отличается дополнительная отрасль къ текстильной промышленности—производство одежды, занимающее въ Германіи 1,4, а въ Россіи 1,7 милліоновъ человѣкъ (изъ нихъ 500 тыс. прибѣгаютъ къ промыслу, какъ къ побочному при земледѣліи). Повсюду въ этой отрасли господствуетъ такъ назыв. домашняя система крупной промышленности, т.-е. работа на дому за счетъ капиталиста. Изъ 1,4 милл. лицъ, занятыхъ этимъ дѣломъ въ Германіи, половина принадлежитъ одиночкамъ и $^1/_3$ работаетъ въ предпріятіяхъ, занимающихъ отъ 2 до 5 рабочихъ. Очень большое распространеніе мелкая форма имѣетъ также въ нашей промышленности по обработкѣ дерева. Объ этомъ можно судить уже потому, что изъ милліона почти лицъ, занятыхъ въ этой промышленности, большая половина принадлежитъ земледѣльцамъ, отдающимъ промыслу время, свободное отъ сельскохозяйственной дѣятельности. Механической обработкой дерева, согласно свѣдѣніямъ министерства

финансовъ, занято всего 74 тысячи рабочихъ. Въ Германіи 57% рабочихъ этой отрасли промышленности занято въ мелкихъ предпріятіяхъ (до 5 рабочихъ на каждое) и 43%—въ крупныхъ. Въ дѣлѣ добычи и обработки минераловъ, напротивъ того, значительно преобладаетъ крупная форма производства.

Чтобы дать хотя приблизительный итогъ распредѣленія рабочаго персонала нашихъ промышленныхъ предпріятій между мелкой (включая и домашнюю систему капиталистической промышленности) и типически-крупной формами производства, мы сопоставимъ данныя переписи 1897 г. о занятіяхъ населенія съ официальными свѣдѣніями о рабочемъ персоналѣ крупныхъ предпріятій. Параллельно мы приведемъ и данныя о распредѣленіи между мелкой (относя къ ней предпріятія, занимающія не болѣе 5 рабочихъ) и крупной формами производства рабочаго персонала нѣмецкихъ промышленныхъ предпріятій. Для Россіи мы беремъ свѣдѣнія о главныхъ и побочныхъ промышленныхъ занятіяхъ; для Германіи — только о главныхъ. Но игнорированіе свѣдѣній о побочныхъ промышленныхъ занятіяхъ нѣмецкаго населенія мало отразится на нашихъ заключеніяхъ, потому что къ промышленнымъ заработкамъ, какъ источнику дополнительнаго дохода, прибѣгаетъ здѣсь всего 618 тыс. человѣкъ. Прибавимъ, что такими источниками служатъ преимущественно горнозаводская и строительная промышленность.

Обращаемся къ нашему сопоставленію. Занято тысячъ человѣкъ:

	Россія			Германія		
	всего.	въ крупныхъ	% въ крупныхъ	всего	въ крупныхъ	% въ крупныхъ
Добыча и обработка ископаемыхъ .	1325	900 *)	68	2430	1925	80
Текстильная	3010	675	23	995	735	74
Обработка дерева	975	80	10	598	252	42
» животныхъ матеріаловъ	305	50	17	160	80	50
Пригот. пищев. продуктовъ	450	260	58	1020	490	49
Прочіе	355	150	43	360	290	81
Итого . . .	6420	2115	33	5563	3772	68

Эта табличка показываетъ, что крупному производству принадлежитъ $^1/_3$ части рабочаго персонала нашей индустріи, а $^2/_3$ его заняты въ предпріятіяхъ, кои, по ихъ технической организаціи, не могутъ быть отнесены къ типу настоящихъ фабрикъ и заводовъ. Въ Германіи наблюдаются прямо обратныя отношенія между мелкимъ и крупнымъ производствомъ. По отношенію къ этой странѣ слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что въ группу

*) Безъ вспомогательныхъ.

крупныхъ предпріятій вошли и такія мелкія заведенія (6—10 рабочихъ), которыя не учитывались нашей фабричной статистикой. Но если ограничиться для Германіи даже предпріятіями, занимающими болѣе 50 рабочихъ, то и тогда по развитію крупной промышленности она окажется далеко впереди Россіи. Въ этихъ предпріятіяхъ занято 2555 тыс. рабочихъ, что составляетъ 45% ея промышленнаго населенія. Разсматривая отношеніе между крупной и мелкой формой производства по отдѣламъ промышленности, мы увидимъ, что крупная организація преобладаетъ въ отрасляхъ по приготовленію питательныхъ продуктовъ и въ сферѣ добычи и обработки ископаемыхъ. Въ питательной промышленности крупныя предпріятія занимаютъ 58% рабочаго персонала; это, главнымъ образомъ, сахарная и водочная промышленность. Въ отрасляхъ по добычѣ и обработкѣ ископаемыхъ крупной промышленности принадлежитъ нѣсколько болѣе $^2/_3$ рабочаго персонала. Въ остальныхъ промышленныхъ отрасляхъ на долю крупной организаціи приходится отъ 10 до 43% занятыхъ въ нихъ лицъ. Опредѣливъ приблизительно относительное распространеніе въ сферѣ производства крупной и мелкой формы промышленности, обратимся къ болѣе детальному разсмотрѣнію нашей крупной промышленности. Слѣдующая таблица заключаетъ нѣкоторыя данныя объ этой промышленности, относящіяся къ 1900 году.

	Число заведеній	Тысячъ рабочихъ	Сумма производства милл. руб.	На 1 заведеніе рабочихъ	На 1 заведеніе сумма произв. тыс. рублей	На 1 рабочаго сумма производства рублей
1. Добыча ископаемыхъ и выплавка металловъ	3622	500	484	140	134	970
2. Обработка металловъ	1804	240	372	130	206	1550
3. » прочихъ минераловъ	1747	135	170	80	97	1260
4. Химическія	354	30	94	90	265	3100
Итого 1—4	7527	905	1120	120	150	1240
5. Текстильное	2700	675	845	250	313	1250
6. Обработка животныхъ матеріаловъ	1254	51	112	50	90	2200
7. » питател. веществъ	8945	255	660	30	75	2590
8. Прочія	2870	190	232	70	81	1220
Всего 1—8	23296	2076	2969	90	130	1430

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что въ Россіи (исключая Сибирь) въ 1900 году насчитывалось болѣе 23 тысячъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій, занимавшихъ болѣе двухъ милліоновъ рабочихъ и вырабаты-

вавшихъ издѣлій на сумму около трехъ милліардовъ рублей. Наибольшее число рабочихъ и наибольшую выработку имѣютъ предпріятія по добычѣ и обработкѣ ископаемыхъ (группы 1—4): 7527 заведеній этой категоріи занимаютъ больше 900 тысячъ рабочихъ, и стоимость ихъ продуктовъ превышаетъ одинъ милліардъ рублей. Число рабочихъ этой категоріи составляетъ 45% всего числа работающихъ въ крупныхъ предпріятіяхъ, а стоимость ихъ издѣлій равняется почти $^2/_5$ общей цѣнности фабрично-заводскихъ произведеній. Около 100 тысячъ рабочихъ этого отдѣла промышленности занято въ каменноугольныхъ копяхъ, около 150 тысячъ добываютъ изъ нѣдръ земли прочія ископаемыя и около 250 тысячъ человѣкъ принимаютъ участіе въ выплавкѣ металловъ. Стоимость добытыхъ этимъ полумилліоннымъ рабочихъ металловъ, угля, нефти, поваренной соли и другихъ ископаемыхъ приближается къ 500 милліонамъ рублей. Переработкой металловъ въ издѣлія занято 240 тыс. человѣкъ, а стоимость ихъ произведеній равняется 372 милл. рублей. Обработка прочихъ минераловъ (камня, глины, производство стекла и т. п.) требуетъ 135 тысячъ человѣкъ, вырабатывающихъ товары на сумму 170 милл. руб. Къ этому же отдѣлу отнесена нами и молодая химическая промышленность, занимающая 30 тыс. рабочихъ и производящая цѣнности на 94 милліона рублей.

Продуктами добычи и обработки ископаемыхъ являются преимущественно съ одной стороны — топливо, потребляемое, главнымъ образомъ, въ промышленности и транспортѣ, съ другой — строительные матеріалы, машины, механическіе двигатели и прочія приспособленія для возведенія сооруженій и оборудованія фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и т. п. Этотъ отдѣлъ промышленности производитъ, слѣдовательно, мало предметовъ непосредственнаго потребленія человѣка. Къ послѣднимъ принадлежатъ, напримѣръ, поваренная соль, керосинъ, нѣкоторыя металлическія, стеклянныя и глиняныя издѣлія. Къ предметамъ обычнаго потребленія, впрочемъ, слѣдуетъ, отнести и жилища, выстраиваемыя изъ камня, кирпича и другихъ матеріаловъ, изготовляемыхъ предпріятіями данной категоріи промышленности.

Слѣдующія отрасли промышленности составляютъ, напротивъ того, категорію производствъ, доставляющихъ по преимуществу предметы потребленія человѣка. На первый планъ здѣсь слѣдуетъ поставить 2700 заведеній текстильной промышленности, дающихъ занятіе 675 тыс. рабочихъ и вырабатывающихъ издѣлій на 845 милл. рублей. Эта отрасль занимаетъ, слѣдовательно, $^1/_3$ часть всего числа фабрично-заводскихъ рабочихъ и дастъ цѣнность, превышающую $^1/_4$ часть общей выработки фабрикъ и заводовъ. Главный отдѣлъ текстильной промышленности составляетъ обработка хлопка. Здѣсь находятъ приложеніе своихъ силъ 400 тысячъ человѣкъ, и общая цѣнность вырабатываемыхъ издѣлій 530 милл. руб. За нею слѣдуетъ 916 предпріятій по обработкѣ шерсти, привлекающихъ 137 тыс. рабочихъ и выпускающихъ издѣлій на сумму 180 милл. рублей. Затѣмъ идетъ 403

предпріятія по обработкѣ льна, пеньки и джута, занимающихъ 80 тыс. рабочихъ и производящихъ издѣлія на 70 милл. рублей, 309 заведеній шелковаго производства съ 32 тыс. рабочихъ и 30 милл. рублей выработки и 341 заведеніе смѣшаннаго характера съ 27 тыс. рабочихъ и 35 милліонами стоимости издѣлія.

Въ противоположность отраслямъ промышленности, обрабатывающимъ растительные матеріалы, обработка животныхъ продуктовъ (кожи, сало, кости и т. п.) занимаетъ мало рукъ (50 тысячъ) и даетъ сравнительно незначительную сумму цѣнности (на 112 милл. руб.). Болѣе крупный отдѣлъ по приготовленію предметовъ потребленія человѣка составляетъ отдѣлъ производства питательныхъ или пищевыхъ продуктовъ. Въ немъ находятъ занятіе 255 тысячъ лицъ, вырабатывающихъ товары на сумму 660 милліоновъ рублей. Число рабочихъ этой отрасли составляетъ 12% всего фабричнозаводскаго персонала, а вырабатываютъ они болѣе $^1/_5$ общей цѣнности продуктовъ фабричнозаводской дѣятельности. Первое мѣсто по числу рабочихъ принадлежитъ здѣсь варкѣ и очисткѣ сахара. Эта отрасль привлекаетъ 120 тыс. рабочихъ и выпускаетъ продуктовъ на 160 милліоновъ рублей. Первое мѣсто по суммѣ производства принадлежитъ мукомольной промышленности, дающей, при 30 тысячахъ занимаемыхъ ею рабочихъ, продукты стоимостью въ 200 милл. руб. Высокая стоимость продуктовъ мукомолья сравнительно съ числомъ занятыхъ рукъ объясняется тѣмъ, что паровыя мельницы (составляющія главную часть заведеній, вошедшихъ въ подсчетъ) перемалываютъ, при слабомъ участіи человѣческаго труда, очень большія количества зерна, цѣна котораго и составляетъ главную часть стоимости продуктовъ мукомольной промышленности. Изъ остальныхъ подраздѣленій промысловъ по приготовленію питательныхъ и вкусовыхъ предметовъ слѣдуетъ назвать производство спиртныхъ напитковъ, занимающее 65 тысячъ рабочихъ и дающее продукты на сумму 75 милліоновъ рублей. Прочіе отдѣлы этой группы производствъ (крупяное, маслодѣліе, крахмальное, консервное и т. п.) даютъ занятіе 40 тысячамъ лицъ и приготовляютъ товары на 230 милл. рублей.

Группа «прочихъ» производствъ, обнимающая такія разнообразныя отрасли труда, какъ обработка табаку, дерева, производство писчей бумаги, полиграфическіе промыслы, приготовленіе спичекъ и т. д., состоитъ изъ 2870 заведеній, занимающихъ 190 тысячъ рабочихъ и дающихъ издѣлія на сумму 232 милліона рублей.

Для характеристики капиталистической промышленности недостаточно знать степень распространенія отдѣльныхъ ея отраслей; важно имѣть также свѣдѣнія о составѣ послѣднихъ по величинѣ входящихъ въ нихъ предпріятій. Соотвѣтствующія данныя, однако, не разрабатываются у насъ съ желательной полнотой, и оффиціальная статистика даетъ за новѣйшее время лишь распредѣленіе по величинѣ предпріятій общаго итога заведеній, под-

чиненных фабричному надзору, который не распространяется, как известно, на горное дело и металлургию. Обращаясь же к сведениям о заведениях, подчиненных фабричному надзору, мы увидим, что на 1902 г. этому надзору распространялся на 17724 заведения съ 1710773 рабочими. Средний размѣръ одного заведенія опредѣляется, такимъ образомъ, въ 97 рабочихъ; но этой скромной цифрой покрываются самыя разнообразныя предпріятія: отъ 20 рабочихъ и менѣе до 1000 рабочихъ и болѣе на одно предпріятіе. Распредѣленіе разсматриваемыхъ отраслей по величинѣ составляющихъ ихъ заведеній рисуется въ слѣдующемъ видѣ.

	Менѣе 20 раб.	21—50 рабочихъ.	51—100 рабочихъ.	101—500 рабочихъ.	501—1000 рабочихъ.	Свыше 1000 раб.	Всѣхъ.
1. Число заведеній ..	6847	5671	2403	2227	400	258	17724
2. % заведеній	38,6	30,9	13,6	12,7	2,3	1,5	100
3. Число рабочихъ..	68,1	170,9	167,7	495,7	291,5	515,9	1710,8
4. ‰ рабочихъ	4,0	10,1	9,8	29,1	17,0	30,0	100

Разсмотрѣніе 1 и 2 строкъ, касающихся числа заведеній, показываетъ, что количество предпріятій, входящихъ въ составъ каждой группы, уменьшается по мѣрѣ роста самой группы. Группа самыхъ мелкихъ предпріятій (до 20 рабочихъ на каждомъ) обнимаетъ 39,4% всего числа заведеній; предпріятія съ числомъ рабочихъ отъ 21 до 50 заключаютъ 31% заведеній, предпріятія съ 5 —100 рабочими—13,4% предпріятія съ 101—500 рабочими охватываютъ 12,7% всѣхъ заведеній; двѣ же высшія группы заведеній, съ числомъ рабочихъ 501—1000 и выше 1000, включаютъ всего 2,3% и 1,3% общаго числа предпріятій.

Строки 3 и 4, касающіяся рабочихъ, показываютъ, что число рабочихъ, входящихъ въ каждую категорію фабрикъ и заводовъ, измѣняется въ обратномъ направленіи, хотя и не съ такой правильностью, какъ мѣняется число заведеній. Въ самыхъ мелкихъ предпріятіяхъ, охватывающихъ 39,4% всѣхъ зарегистрированныхъ фабрикъ и заводовъ, находитъ занятіе всего 4% общаго числа рабочихъ; а самыя крупныя (выше 1000 рабочихъ въ каждомъ) заведенія, обнимающія лишь 1,3% учитанныхъ предпріятій, привлекаютъ 30% всего числа рабочихъ. Почти такое же число рабочихъ (29%) находитъ себѣ занятіе въ предпріятіяхъ со 101—500 рабочими; тогда какъ промежуточныя между ними фабрики и заводы, размѣромъ отъ 501 до 1000 рабочихъ, даютъ занятіе всего 17% общаго фабрично-заводскаго рабочаго персонала. Въ заведеніяхъ съ 21—50 рабочими и съ 51—100 рабочими находитъ занятіе до 10% всего числа рабочихъ.

Повторяемъ, мы не имѣемъ аналогичныхъ сведенныхъ данныхъ относительно отдѣльныхъ промышленныхъ отраслей, но такъ какъ преобладаніе въ какой-либо группѣ производствъ крупныхъ или мелкихъ заведеній

не можетъ не отразиться на средней величинѣ соотвѣтствующаго предпріятія, а средній размѣръ предпріятія разсматриваемыхъ нами отдѣловъ промышленности мы можемъ опредѣлить, зная число входящихъ въ нихъ заведеній и число занимаемыхъ ими рабочихъ, то этимъ признакомъ мы и воспользуемся для сужденія о степени концентраціи различныхъ отдѣловъ нашей крупной промышленности.

Судя по этому признаку (см. таблицу на страницѣ 106), можно сказать, что наибольшей концентраціи достигла текстильная промышленность, среднее заведеніе которой занимаетъ 250 рабочихъ. За нею слѣдуютъ крупные отдѣлы добычи и обработки металловъ, со среднимъ предпріятіемъ въ 130—140 рабочихъ. Въ остальныхъ большихъ отдѣлахъ промышленности среднее число рабочихъ колеблется отъ 30 до 90 на одно заведеніе. Наименьшіе размѣры имѣютъ предпріятія по обработкѣ животныхъ матеріаловъ (50 рабочихъ на одно заведеніе) и по приготовленію питательныхъ продуктовъ (30 рабочихъ), куда на ряду съ крупными, напримѣръ, сахарными заводами входитъ много мельницъ, хлѣбопекаренъ, маслобоенъ и другихъ подобныхъ промышленныхъ страслей, занимающихъ лишь небольшое число рабоихъ.

При оцѣнкѣ, на основаніи средней величины заведенія, концентраціи производства въ различныхъ отдѣлахъ промышленности, не слѣдуетъ забывать, что образованныя нами группы обнимаютъ очень большое число отраслей, и промышленныя отрасли, входящія въ составъ данной группы, значительно различаются по степени достигнутой ими концентраціи производствъ. Такъ, въ отдѣлъ обработки металловъ со среднимъ предпріятіемъ въ 130 рабочихъ входятъ и паровозостроительные заводы, со среднимъ числомъ рабочихъ въ 4000 человѣкъ, и бубенчиковыя мастерскія, занимающія въ среднемъ по 20 рабочихъ.

Приведенная выше таблица (страница 106) позволяетъ высказать нѣсколько соображеній еще о двухъ сторонахъ нашей промышленности: о средней производительности (въ рубляхъ) промышленныхъ предпріятій и средней производительности одного рабочаго въ различныхъ промышленныхъ отрасляхъ. Средняя производительность предпріятія по всѣмъ отдѣламъ—130 тыс. рублей; средняя производительность одного рабочаго—1430 рублей. Наибольшая производительность предпріятія—313 тыс. рублей—наблюдается въ текстильной промышленности, наименьшая (75 тыс. рублей) въ обработкѣ питательныхъ веществъ. Эти цифры производительности предпріятій соотвѣтствуютъ даннымъ о ихъ величинѣ, выражаемой числомъ рабочихъ: одно заведеніе текстильной промышленности занимаетъ наибольшее число рабочихъ, а предпріятіе по обработкѣ питательныхъ продуктовъ—наименьшее. Въ остальныхъ отрасляхъ не существуетъ правильнаго соотношенія между величиной заведенія и суммою производства, такъ какъ послѣдняя обусловливается не только числомъ участвующихъ въ производствѣ рабочихъ, но и производительностью труда работающихъ и цѣнностью обрабатываемаго матеріала.

Послѣдній столбецъ таблицы заключаетъ свѣдѣнія о суммѣ производства, приходящейся на одного рабочаго. Эту денежную производительность рабочаго не слѣдуетъ, однако, смѣшивать съ производительностью труда, потому что цѣнность выработанныхъ однимъ рабочимъ издѣлій зависитъ не только отъ быстроты его работы и обусловленной этимъ обстоятельствомъ переработки большого количества матеріаловъ, но и отъ дороговизны приспособленій и отъ цѣнности самаго перерабатываемаго матеріала. Самая высокая производительность рабочаго имѣетъ мѣсто въ химической промышленности (3100 рублей) и въ приготовленіи питательныхъ матеріаловъ. Въ послѣдней она обусловливается дороговизною перерабатываемыхъ матеріаловъ (зерно въ мукомольной промышленности и винокуренной, мука, сахаръ въ кондитерскихъ и булочныхъ и т. д.) и высокою производительностью труда въ мукомольномъ дѣлѣ. Наименьшая производительность (въ деньгахъ) рабочаго наблюдается въ горномъ дѣлѣ вмѣстѣ съ металлургіей, и это объясняется отсутствіемъ того, что называется матеріаломъ въ горномъ дѣлѣ, добывающемъ продукты изъ нѣдръ земли и дешевизною сырого матеріала (руда), изъ котораго выплавляются металлы.

На страницахъ этого труда неоднократно указывались косвенныя свидѣтельства того, что Россія значительно отстала отъ другихъ главнѣйшихъ государствъ въ развитіи своей капиталистической промышленности. Теперь приведемъ нѣсколько прямыхъ подтвержденій этого заключенія.

Одной изъ главныхъ отраслей капиталистической промышленности во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ является обработка хлопка. Объясняется это тѣмъ, что эта промышленность вырабатываетъ предметъ повседневнаго всеобщаго потребленія; что хлопокъ, какъ матеріалъ для одежды, болѣе и болѣе вытѣсняетъ прочіе волокнистые матеріалы, и что, вслѣдствіе дешевизны фабричнаго издѣлія, производство бумажныхъ тканей домашнимъ способомъ для потребленія семей работающихъ представляется почти невозможнымъ. По этимъ причинамъ, по мѣрѣ развитія денежнаго хозяйства, хлопчатобумажныя ткани получаютъ болѣе и болѣе широкое распространеніе, а высоко-развитыя капиталистическія страны пріобрѣтаютъ огромный внутренній и внѣшніе (мало-культурныхъ государствъ) рынки для сбыта своихъ произведеній. По численности своего населенія Россія превосходитъ всѣ прочія наиболѣе передовыя государства. Она имѣетъ вдвое больше жителей, чѣмъ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, въ $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ Германія, въ три раза больше, чѣмъ Франція или Великобританія, въ 4 раза больше, чѣмъ Италія. Внутренній рынокъ для продуктовъ хлопчатобумажной промышленности она имѣетъ поэтому наибольшій. Она воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, и, какъ намъ извѣстно, ея хлопчатобумажная промышленность достигла такого развитія, что занимаетъ почти $^1/_5$ часть общаго числа фабричнозаводскихъ рабочихъ и $^1/_6$ суммы производства всѣхъ капиталистическихъ предпріятій. Посмотримъ же, насколько развита у насъ эта промышленность сравнительно съ другими цивилизованными государствами.

Для сужденія о распространеніи хлопчатобумажной промышленности мы возьмемъ два признака: число прядильныхъ веретенъ и ткацкихъ станковъ. По количеству тѣхъ и другихъ Россія занимаетъ четвертое мѣсто въ міровомъ производствѣ; въ 1900 году она имѣла 6555 тыс. веретенъ и 155 тыс. ткацкихъ станковъ. Германія, стоящая тотчасъ впереди нея, располагаетъ 8,4 милл. веретенъ и 212 тыс. станковъ. Что-же касается двухъ другихъ государствъ, то по развитію хлопчатобумажной промышленности они находятся внѣ всякаго сравненія. На фабрикахъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ насчитывается 22,2 милліона прядильныхъ веретенъ и 503 тысячи ткацкихъ станковъ, а на фабрикахъ Великобританіи около 50 милл. веретенъ и 720 тыс. ткацкихъ станковъ. Еще болѣе прямымъ показателемъ высоты капиталистическаго развитія страны служатъ добыча нѣкоторыхъ ископаемыхъ и выплавка нѣкоторыхъ металловъ. Это—потому, что продукты минеральнаго царства требуютъ для ихъ добычи и обработки приложенія крупныхъ капиталовъ, и что въ потребленіи общества они болѣе и болѣе замѣняютъ продукты царства растительнаго и животнаго. Такъ, постройки въ прежнее время сооружались, главнымъ образомъ, изъ дерева, орудія производства — тоже; теперь матеріаломъ для нихъ служатъ преимущественно камень и желѣзо. Отапливались жилыя и промышленныя сооруженія въ прежнее время дровами, а теперь—каменнымъ углемъ и нефтью; освѣтительнымъ и смазочнымъ матеріаломъ служили растительные масла и животные жиры, а теперь служатъ газъ и минеральныя масла. Особенно важнымъ показателемъ промышленнаго строенія общества служитъ количество выплавляемаго желѣза (или чугуна, какъ матеріала для его добычи). Желѣзо настолько теперь входитъ составной частью въ промышленныя сооруженія, машины и разныя другія приспособленія для производства какихъ бы то ни было продуктовъ, что его безъ преувеличенія можно считать главнымъ матеріаломъ для образованія, такъ сказать, скелета капиталистической промышленности. Добыча и обработка этого матеріала требуетъ, съ своей стороны, весьма крупныхъ капиталовъ и сложныхъ приспособленій. Поэтому, приготовленіе крупныхъ массъ чугуна можетъ, такъ сказать, вдвойнѣ характеризовать высоту капиталистическаго развитія страны: и потому, что само это приготовленіе требуетъ сложныхъ приспособленій, и по той причинѣ, что оно указываетъ на большую потребность въ чугунѣ, и, слѣдовательно, на большое количество въ странѣ крупныхъ промышленныхъ предпріятій и сооруженій. Кромѣ того, металлическія издѣлія служатъ, какъ и другіе продукты, предметомъ вывоза въ чужія страны, и такъ какъ обработка металла въ предметы для построекъ, машинъ и другихъ промышленныхъ приспособленій требуетъ особеннаго техническаго искусства и концентраціи капиталовъ, то развитіе экспорта произведеній этого рода служитъ наилучшимъ доказательствомъ успѣховъ капиталистической организаціи промышленности.

Въ виду этихъ соображеній мы обратимся къ даннымъ о выплавкѣ чугуна въ главнѣйшихъ государствахъ, замѣтивъ, предварительно, что широкое распространеніе добычи этого металла можно ожидать лишь въ странахъ съ богатыми залежами желѣзныхъ рудъ.

По выплавкѣ чугуна выдѣляются 5 государствъ Европы и одно — Америка. Изъ 2,5 милліардовъ пудовъ міровой выплавки чугуна въ 1900 г. на эти страны приходилось больше 2,3 милліардовъ пудовъ или 92%. По количеству же выплавленнаго металла эти страны располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ.

Россія получила 180 милл. пудовъ чугуна, что составляетъ 7% общей его выработки. Сзади нея въ этомъ отношеніи (изъ шести разсматриваемыхъ государствъ) стоятъ двѣ страны: крошечная Бельгія, выплавившая 63 милл. пудовъ или почти втрое меньше Россіи, и бѣдная ископаемыми Франція, получившая 167 милл. пудовъ, т.-е. немного только меньше Россіи. Далеко впереди Россіи по развитію данной промышленности стоятъ три государства. Германія выплавила въ 1900 году 522 милл. пуд. чугуна, т.-е. почти втрое больше, чѣмъ Россія, Англія—522 милл. пуд. или тоже втрое больше и Соединенные Штаты Сѣверной Америки — 855 милліоновъ пудовъ или въ 4—5 разъ болѣе. Если принять во вниманіе богатство нашихъ залежей желѣзныхъ рудъ, то нельзя не вывести заключеніе, что приведенныя данныя весьма мало говорятъ въ пользу высоты нашего промышленнаго вообще и капиталистическаго въ частности развитія.

Промышленная отсталость нашей страны выразится еще ярче, если сопоставить количество выплавляемаго чугуна съ численностью населенія. Тогда Россія окажется далеко позади не только тѣхъ странъ, которыя выдѣлены особо, потому что производятъ значительныя количества даннаго матеріала, но и позади нѣкоторыхъ государствъ, не указанныхъ выше. А именно, въ 1900 г. въ Россіи выплавлено въ среднемъ 1,3 пуда на одного жителя, въ Австріи выплавлено его 1,9 на человѣка, во Франціи—4,3 пуда, въ Швеціи 6,4 пуда, въ Бельгіи и Германіи по 9 пудовъ, въ Соединенныхъ Штатахъ почти 11 пуд. и въ Англіи 13,5 пуд. на одного жителя.

Въ дополненіе указанныхъ данныхъ, характеризующихъ широту капиталистическаго развитія Россіи со стороны того матеріала, который служитъ для образованія скелета промышленности, приведемъ свѣдѣнія о сравнительной производительности различныхъ государствъ въ отношеніи того продукта, который, въ качествѣ горючаго матеріала, какъ бы указываетъ на распространеніе механической энергіи, служащей двигателемъ крупной промышленности.

Въ Россіи въ 1900 г. было добыто около 1 милліарда пудовъ каменнаго угля; въ Бельгіи было добыто его немного больше (1200 милліоновъ пудовъ), во Франціи въ $1^1/_2$ раза больше, въ Германіи въ $5^1/_2$ разъ больше, въ Великобританіи и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки въ 13 разъ больше. Къ сказанному слѣдуетъ, однако, прибавить, что, кромѣ

каменнаго угля, въ Россіи есть другой видъ ископаемаго топлива, встрѣчающійся въ большихъ количествахъ лишь въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ; это—нефть. Если принять къ учету и этотъ горючій матеріалъ, то производительность нашей страны въ данномъ отношеніи нужно будетъ увеличить слишкомъ въ $1^1/_2$ раза; въ такомъ случаѣ Россія станетъ выше Бельгіи и Франціи, но далеко будетъ уступать Германіи, Англіи и Америкѣ.

Въ заключеніе очерка о современномъ состояніи крупной промышленности въ Россіи приведемъ нѣсколько цифръ о вознагражденіи за трудъ фабричнозаводскихъ рабочихъ. У насъ нѣтъ массовыхъ новѣйшихъ данныхъ о заработной платѣ въ каждой изъ многочисленныхъ профессій, на какія распадается двухмилліонный рабочій персоналъ нашихъ фабрикъ и заводовъ. И мы ограничимся лишь указаніемъ средняго вознагражденія трудящагося въ крупныхъ отдѣлахъ промышленности, подчиненной фабричному надзору, съ одной стороны, и средняго вознагражденія рабочаго въ отдѣльныхъ фабричныхъ округахъ, безъ подраздѣленія по производствамъ—съ другой. Эти средніе получены путемъ раздѣленія общей суммы уплаченной заработной платы на число занятыхъ рабочихъ.

1343 тысячъ рабочихъ получили въ 1900 г. 278 милліоновъ рублей вознагражденія за свой трудъ. Это составитъ въ среднемъ менѣе 210 руб. на одного рабочаго. Годовая выручка одного рабочаго колебалась, въ зависимости отъ рода промышленности, между 130 и 338 рублями. Низшая цифра относится къ вознагражденію средняго рабочаго въ предпріятіяхъ по обработкѣ льна, пеньки и джута; высшую получали рабочіе, занятые обработкою металловъ. Рабочій послѣднихъ отраслей промышленности получаетъ, такимъ образомъ, въ $2^1/_2$ раза болѣе за свой трудъ, чѣмъ рабочій первой отрасли. Это обусловливается, съ одной стороны, бо́льшимъ искусствомъ, требуемымъ для обработки металловъ, и почти полнымъ отсутствіемъ здѣсь примѣненія женскаго труда, оплачиваемаго, какъ извѣстно, хуже труда мужскаго. Въ текстильной же промышленности, напротивъ того, трудъ женщинъ и малолѣтнихъ имѣетъ особенно широкое примѣненіе, и потому среднее вознагражденіе рабочаго оказывается сравнительно низшимъ во всѣхъ подраздѣленіяхъ текстильной промышленности. Такъ, въ производствахъ по обработкѣ шелку среднее годовое вознагражденіе рабочаго опредѣлилось въ 155 руб., въ хлопчатобумажной промышленности въ 165 руб., и въ шерстяной въ 167 р.

Слѣдующее мѣсто за текстильной промышленностью по высотѣ вознагражденія труда занимаетъ промышленность по приготовленію питательныхъ веществъ: средній годовой заработокъ рабочаго опредѣляется здѣсь въ 185 рублей. За ними идутъ заработки рабочихъ по обработкѣ животныхъ продуктовъ—190 рублей въ годъ, камня, глины и т. п.—205 рублей и въ химическихъ производствахъ—220 рублей.

Приведенныя свѣдѣнія относятся къ 12,7 тысячамъ предпріятій болѣе крупныхъ: среднее число рабочихъ на одно заведеніе равняется 106. Ниже-

РЕДИ

приведенныя свѣдѣнія, касающіяся вознагражденія за трудъ въ различныхъ фабричныхъ округахъ, обнимаютъ бо́льшее число, а именно 16,7 тыс. предпріятій, въ числѣ коихъ находится много мелкихъ, и среднее число рабочихъ на одно предпріятіе равняется 97. А такъ какъ въ мелкихъ заведеніяхъ вознагражденіе труда ниже, чѣмъ въ крупныхъ, то средній заработокъ для всѣхъ подчиненныхъ фабричному надзору заведеній долженъ быть ниже того, который опредѣленъ ранѣе. И, дѣйствительно, 1711 тыс. рабочихъ, состоявшихъ подъ надзоромъ фабричной инспекціи въ 1902 году, получили въ видѣ заработной платы 249 милліоновъ рублей, что составитъ 146 рублей на одного рабочаго. Средній заработокъ одного рабочаго въ различныхъ фабричныхъ округахъ опредѣляется въ слѣдующемъ размѣрѣ.

Наивысшая плата, а именно 222 рубля на человѣка, наблюдается въ петербургскомъ фабричномъ округѣ, въ коемъ фабричнозаводская промышленность сосредоточена преимущественно въ Петербургской, затѣмъ въ Лифляндской губерніяхъ. За Петербургскимъ округомъ по высотѣ вознагражденія труда стоитъ Варшавскій округъ съ 251 тыс. рабочихъ; средняя годовая выработка рабочаго здѣсь 170 рублей. Уже значительно ниже вознагражденіе труда въ Московскомъ фабричномъ округѣ, обнимающимъ 600 тысячъ рабочихъ: средній заработокъ рабочаго опредѣляется здѣсь въ 140 рублей. Въ Харьковскомъ фабричномъ округѣ, охватывающемъ центральныя черноземныя губерніи, Екатеринославскую губернію, Донскую область и Кавказъ, съ 207 тыс. рабочихъ, среднее вознагражденіе опредѣляется въ 111 рублей. Въ Поволжскомъ фабричномъ округѣ рабочій получаетъ въ среднемъ около 100 рублей; всѣхъ фабричнозаводскихъ рабочихъ здѣсь 155 тысячъ. Наконецъ, въ Кіевскомъ округѣ, распространяющемся на малороссійскія, юго-западныя, бѣлорусскія и двѣ новороссійскія губерніи, съ 294 тысячами рабочихъ крупныхъ предпріятій, среднее вознагражденіе труда опускается до 86 рублей на человѣка.

Высокое, сравнительно, вознагражденіе фабричнозаводскаго рабочаго въ Петербургскомъ фабричномъ округѣ (222 руб.) объясняется высокимъ вознагражденіемъ здѣсь труда вообще и значительнымъ развитіемъ въ Петербургской губерніи металлообрабатывающей промышленности, гдѣ заработная плата выше (средній заработокъ фабричнозаводскаго рабочаго въ Петербургской губерніи 255 рублей въ годъ). Низкіе заработки рабочихъ въ Кіевскомъ округѣ (86 рублей) объясняются точно также низкимъ вознагражденіемъ въ западныхъ губерніяхъ труда вообще и распространеніемъ здѣсь такихъ производствъ (свеклосахарное, водочное и т. п.), которыя плохо оплачиваютъ трудъ. Сравнительно незначительное вознагражденіе фабричнаго рабочаго въ Московскомъ округѣ (140 руб.) зависитъ отъ того, что здѣсь наиболѣе распространена мануфактурная промышленность, привлекающая въ качествѣ рабочаго персонала много женщинъ и дѣтей.

№ 8234
Областная библиотека Фундаментальное отделение

Содержаніе.

Стр.

Глава I. Натуральное и денежное хозяйство 3

Глава II. Условія хозяйственнаго развитія въ Россіи . . 17

Глава III. Общій характеръ хозяйственной дѣятельности въ Россіи 25

Глава IV. Поземельная собственность въ Россіи 39

Глава V. Форма сельскохозяйственнаго производства. — Крестьянская аренда 52

Глава VI. Общій характеръ хозяйственной эволюціи Россіи. 62

Глава VII. Факторы капиталистической эволюціи въ Россіи. 79

Глава VIII. Современное состояніе капиталистической промышленности 102